

Он уже успел вывести из своего военного опыта то убеждение, что в военном деле ничего не значат самые глубокомысленно-обдуманные планы, а все зависит от того, как и кем ведется все дело.

Л.Н. Толстой “Война и мир”

Информация не для печати

(Предисловие)

Все родители равнодушны к своим детям, все историки считают написанные ими книги новым словом в науке. И тех и других в общем-то можно понять, хотя со стороны обычно хорошо видны объективные недостатки их произведений.

Автор этих строк, разумеется, не исключение. Я в полной мере осознаю бесспорные огрехи книги, которую вы держите в руках, но тем не менее она очень дорога мне. Ее история так же необычна, как причудлив и запутан ее сюжет.

В определенном смысле можно сказать, что большую часть своей сознательной жизни я готовился сесть за письменный стол и взять в руки перо, чтобы рассказать о событиях и людях, речь о которых пойдет ниже. Но в конечном итоге книга была не написана, а набрана на компьютере – зримое свидетельство того, как много воды утекло за эти годы в Москве-реке.

С течением времени менялся и замысел книги. Неожиданно открывались совершенно новые стороны темы, обнаруживались подробности, позволявшие связать воедино разрозненные фрагменты некогда распавшейся связи времен и иначе расставить логические акценты.

А затем начиналось нечто, похожее на гонку преследования: гипотеза, возникшая в результате осмысления новой совокупности фактов, требовала дополнительных доказательств, а те все время ускользали из рук. Судьба словно испытывала настойчивость смертного, вознамерившегося приоткрыть завесу забвения и понять внутренние пружины событий далекого прошлого.

Но, с другой стороны, было удивительное, прямо-таки волшебное везение. Вдруг совершенно случайное стечение обстоя-

тельств позволяло сделать еще один шаг вперед, дававший ответ на давно назревший вопрос или, напротив, резко менявший направление поисков.

На моем письменном столе лежит документ, отправленный из Шанхая в Вашингтон почти 80 лет тому назад – 30 марта 1920 года. Он подписан Генеральным консулом Эдвином Каннингамом и адресован Государственному секретарю США. В те годы дипломатическая почта двигалась не так быстро, как сейчас, но бумага эта, насколько можно судить по штампу, была доставлена в Дальневосточный отдел Госдепартамента уже через неделю. Мне же понадобилось несколько лет непрерывных усилий для того, чтобы наконец, уже просто не веря в столь поразительную удачу, взять документ в руки и найти в нем бесспорное подтверждение тому, что я предполагал, но доказать не мог.

Шанхайский консул Каннингам сообщал в своем сопроводительном письме о том, что направляет одновременно с ним некое секретное донесение, проливающее свет на контакты Сунь Ятсена с большевиками.

Автор письма подчеркивал, что поскольку содержимое пакета было доставлено ему конфиденциальным образом, оно направляется в госдепартамент в порядке информации и не предназначается для печати. “Впрочем, – добавлял он, – сомнительно, что в подобной публикации вообще мог бы быть какой-либо смысл”.

Возможно, с точки зрения государственных интересов США отправленный в Вашингтон материал действительно не представлял исключительного интереса. Поэтому он был бегло просмотрен чиновником Госдепартамента, который толстым карандашом подчеркнул в тексте одно-два места, привлечших его внимание, после чего донесение было сдано в архив. За сроком давности гриф “конфиденциально” в 1946 году был снят и документ стал доступен исследователям.

И все же сегодня я берусь утверждать, что американский консул в Шанхае был глубоко неправ. Публикация текста, который был определен им как не представляющий особого интереса, позволяет ныне стереть еще одно белое пятно в истории ранних взаимоотношений Советской России и Китая. Он проливает свет на неизвестные ранее обстоятельства первых контактов Москвы с Сунь Ятсеном. В нем даются характеристики исторических лиц, волею судеб вовлеченных в этот клубок событий и оказавших определенное воздействие на их ход.

Лично для меня письмо Э. Каннингама вместе с вложенными в конверт четырьмя страничками машинописи особенно дорого потому, что оно имеет отношение к человеку, судьба которого мне далеко не безразлична. Могу сказать больше: не попади хранящееся в Национальном архиве США дело USDS 761.93/142 в мои руки, эта книга вообще, по-видимому, не была бы написана.

Эдвина Каннингама уже нет в живых, поэтому моя благодарность в его адрес может иметь сейчас лишь чисто символический характер. А вот сотруднику Национального архива Соединенных Штатов Уильяму Уолшу, откликнувшемуся на мою просьбу и приславшему мне из-за океана драгоценный документ, я специально выражаю искреннюю признательность. Считаю своим долгом одновременно сказать большое спасибо и моему бывшему коллеге по Институту этнографии и антропологии РАН Игорю Ильичу Крупнику, чей живейший интерес к моей работе помог мне связаться с Национальным архивом США.

Лиха беда начало. Вскоре после того, как я получил письмо из Соединенных Штатов, передо мной словно по мановению волшебной палочки открылись двери еще нескольких архивов. Особое значение имело дело, позволившее поставить точку над “i” в ряде вопросов, до недавнего времени остававшихся для меня не вполне ясными. Оно попало в мои руки благодаря любезности и участию со стороны ответственных сотрудников Центрального архива ФСБ РФ Г.И. Уланова и Б.И. Ошибкина. Им я с удовольствием приношу сейчас свою глубокую благодарность.

Затем буквально как из рога изобилия посыпались материалы, хранившиеся в Центральном Военном и Военно-Историческом архивах. В них содержались весьма важные свидетельства, позволившие уточнить многие ранее неизвестные мне обстоятельства дела и в свою очередь поставившие новые вопросы.

Все в этом мире имеет обыкновение обращаться в свою противоположность. Вот и в данном случае: не было ни гроша, а когда в кармане зазвенел алтын, вдруг возникла проблема отбора наиболее существенного среди массы второстепенных сведений. Было до боли жаль делать это, хотелось пристроить к делу каждый, даже самый незначительный факт, так или иначе имеющий отношение к данному повествованию. Но, просматривая сделанные тогда выписки, я заставил себя отказаться от того, что не имело первостепенного значения для изложения темы и лишь утяжелило бы текст книги. В глубине души я все-таки надеюсь, что эти

материалы не пропадут, и я когда-нибудь использую их по назначению – но уже в другом сочинении.

И наконец, когда я вернулся из Москвы в Тайбэй, где я сейчас преподаю в университете, несколько важных документов мне удалось обнаружить в архиве Министерства иностранных дел Китайской Республики. Помогли мне и мои коллеги. Я считаю своим приятным долгом поблагодарить здесь старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН О.С. Артемьеву и выпускника Института России Тамканского Университета Дай Говэя.

Сопоставление материалов, происходивших из совершенно разных источников, подтверждало достоверность фактов, ранее подвергавшихся сомнению. Все эти свидетельства первоначально отнюдь не предназначались для печати и потому их историческая ценность особенно велика.

И хотя я и сегодня не могу утверждать, что знаю о героях этой книги всё, что мне хотелось бы знать, я решил поставить на время точку в поисках новых архивных материалов и рассказать историю, которая еще десять лет тому назад наверняка не могла быть написана.

Я назвал эту книгу документальной повестью. Это – повесть, потому что по стилю изложения она отходит от строгих канонов исторического повествования, обычно именуемого “академическим”. Но в то же самое время она строго документальна: все изложенное в ней основано на достоверных фактах и не содержит ни грана вымысла.

Еще раз о роли личности в истории

(Несколько предварительных замечаний)

Те из моих читателей, которых в приключенческом фильме интересует не столько игра актеров или режиссерские находки, сколько перипетии сюжетной фабулы, вполне могут опустить эту часть книги и начать сразу с тех страниц, где описывается главное место действия нашего повествования – дом 29 по улице Мольера в Шанхае.

Тем же, кому не чужды радости и горести нелегкого ремесла историка и кто в той или иной мере причастен к “кухне” исторического исследования, я хочу представить эти предварительные замечания – суждения отнюдь не бесспорные, но, смею надеяться, небесполезные и не абсолютно излишние.

Все дело в том, что издавна, еще со школьной скамьи, мы твердо усвоили некоторое количество аксиом, то есть истин, не требующих специальных доказательств, которые тем не менее на наших глазах либо сами собой распадаются на составляющие, либо вообще оборачиваются своей противоположностью. Эти аксиомы касаются прежде всего нашего взгляда на окружающий мир, а, стало быть, отношения к прошлому, настоящему и будущему.

Одной из них является буквально впитавшееся в нас с молоком матери убеждение в том, что в обществе действуют единые для всего человечества неумолимые объективные закономерности, диктующие ход его истории. Надо полагать, что такие закономерности действительно существуют: иначе невозможно объяснить черты сходства человеческих обществ, разделенных не только пространством, но и временем.

Но ныне нам становится все более ясно, что закономерности развития человеческого общества гораздо более многомерны

и непредсказуемы, чем нас тому учили. В истории всегда существует определенная свобода выбора, обусловленная наличием не одного единственного, а нескольких путей, по которым может пойти развитие. А по какому именно пути оно пойдет – зависит от сложной совокупности многих разнородных факторов.

Личностный фактор среди них играет далеко не последнюю роль. Помните, как преподаватели истмата, словно сговорившись между собой, высмеивали того незадачливого историка, который наивно объяснял исход битвы при Ватерлоо насморком, замучившим в то утро Наполеона. Ведь историю творят не хлюпающие носом герои-одиночки, а народные массы. Это понятно. Но несколько труднее ответить на следующий за этим вопрос – каким же образом народные массы, представляющие собой все же не что иное как совокупность личностей, способны постигать те самые объективные законы, о которых речь шла выше, и действовать в соответствии с ними?

И весьма симптоматично, что еще задолго до перестройки и вселенской гласности многие исследователи нет-нет да и поднимали голос в защиту личности как фактора человеческой истории. Мне кажется особенно уместным привести здесь слова одного глубоко уважаемого мною историка, тем более, что главная сфера его научных штудий теснейшим образом связана с темой этой книги. Вот что писал по этому поводу Марк Исаакович Казанин, исследовавший запутанные проблемы ранней истории советско-китайских отношений:

Все эти люди и направления, вся неповторимая историческая сцена заслуживают самого пристального внимания. История из схематической должна стать реальной. Игнорирование людей во всей их противоречивости, в диалектике их роста и их взаимоотношений, конторский подход к истории, лишь как к пачке аккуратно перевязанных передовиц, резолюций и протоколов, выхолащивают историю, делают ее “бесчеловечной”. Этим путем легко изложить ход истории в целом, но нельзя объяснить ни одного отдельно взятого явления прошлого, ибо история в конечном итоге творится живыми людьми.

Историк, тщательно отгородившийся от мира и забаррикадировавшийся за кипой речей, программ и резолюций, не видит ни конкретного мира, ни живых людей и теряет способность отличить правду от лжи, бумагу от дела, намерения от исполнения.[1]

История первого этапа контактов Советского правительства с Сунь Ятсеном – прекрасный пример того, что исход поисков соратника по борьбе зависел отнюдь не только от якобы объектив-

но запрограммированной общности идеологических основ или общественных интересов.

Менялись стратегические и тактические установки сторон, обусловленные в конечном счете тем, что формулировавшие их человеческие личности рано или поздно приходили к признанию ошибочности или недостаточности своих первоначальных воззрений.

Менялась конкретная ситуация, на которую участники исторических событий реагировали по-разному, в зависимости от своего понимания обстановки и от особенностей своего темперамента.

Менялись люди, выполнявшие роль промежуточного звена между лидерами, определявшими политический курс своей группировки, партии, страны.

История в конечном итоге творится живыми людьми.

Но знаем ли мы их – этих людей, причастных к сотворению истории? Имена большинства из них нам сейчас вообще неизвестны. У других – лишь черточка между датами рождения и смерти. На пятнадцать строчек в учебнике истории могут претендовать лишь крупные личности. А как обстоит дело с деятелями государственного и даже мирового масштаба? Наверное о них мы знаем все или почти все и поэтому с первого взгляда узнаем их на портретах? Увы, это не более, чем иллюзия.

Принято считать, что сначала был миф, затем – достоверная история. На самом деле это не так. В действительности XX век был эпохой интенсивного мифотворчества, связанного с именами лидеров, героев, вождей. В зависимости от политической злобы дня одни из них превращались в люциферов, другие – в ангелов.

И в том и в другом случае живые лица людей подвергались мифификации, напрочь лишались естественных для любого смертного человеческих черт.

В результате мифические герои всегда предстают перед нами в виде икон, объектов поклонения, а антигероями пугают маленьких детей.

Образ мифического героя – не портретная зарисовка и не фотография, а абстрактная схема, олицетворение некоей совокупности сугубо положительных качеств, достоинств, черт характера. Герой мудр и всезнающ. Он не знает колебаний или сомнений, он никогда не ошибается, и объективная действительность рано или поздно доказывает, что в споре с инакомыслящими он всегда оказывается прав. Герой одержим идеей, он непреклонен и смел, но в тоже самое время прост и человечен, как сама жизнь.

“Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость разрез глаз вверх. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах...”

(А. И. Куприн)

Рецепт сотворения мифического героя несложен. Возьмите исходный прототип, живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, заслугами и заблуждениями, а затем ретушируйте его изображение, удаляя из него, по Родену, все лишнее, до тех пор, пока не исчезнут с его лица родинки, прыщи и бородавки, а взор не обретет необходимый прищур, свидетельствующий об удивительной цельности его неординарной натуры.

Завидна ли судьба мифологических героев? Ничего не может быть печальнее их судьбы. У них нет личной жизни – во всяком случае им не положено любить, страдать, петь серенады в честь своих возлюбленных. Герою-вождю не дано права на то, чтобы, подобно всем смертным, дерзать и ошибаться. Они безгрешны, как святые. Им не знакомы сомнения. Они всевидящи и прозорливы, как компьютерная программа.

А после смерти они становятся подобны сосуду, в который можно налить то одно, то другое вино, смотря по вкусу интерпретаторов их великого дела. Вождям даже не дано знать, что будет опубликовано в полном собрании их сочинений. И напрасно пишут герои свои завещания. Прочтет ли кто-нибудь их предсмертный наказ, от них уже не зависит. Ленин просил похоронить его рядом с могилой матери, но до сих пор он лежит в мавзолее; Сунь Ятсен, напротив, изъявил желание быть забальзамированным, подобно Ленину, однако в его грандиозной усыпальнице стоит пустой хрустальный гроб.

Законы мифотворчества таковы, что герой может быть с легкостью, в одночасье, обращен в антигероя – достаточно лишь поменять знак плюс на минус. Антигерои беспринципны, жестоки, коварны. Они, кроме того, тщеславны и имеют обыкновение провоцировать простых смертных на подобострастное поклонение им. Так возникает культ личности антигероя. Нужно ли говорить, что это понятие к героям неприменимо: их чтут спонтанно, от чистого сердца.

У рукотворного мифа есть еще одна характерная черта: в нем действуют герои-двойники. Каждый кулик хвалит свое болото, каждый режим создает для себя своего собственного вождя. Но при ближайшем рассмотрении все вожди выглядят близнецами, а все болота в равной мере предстают перед мысленным взором потребителей мифов кристально чистыми водоемами.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин... Немирович и Данченко, добавляет какой-то остряк, но его сразу же ставят на место за эту неуместную, кощунственную шутку.

Однако даже однойцевые двойники рождаются на свет не одновременно, и кто-то из них старший брат, а кто-то младший. Младшему очень важно во всем, вплоть до мелочей, походить на своего старшего брата, основоположника, первооткрывателя, классика. Сходство дает неоспоримое право стать единственным продолжателем дела. Ведь наступит час, и младшему придется доказывать, что он и только он – брат вождя-основателя.

Делать это можно, разумеется, и в словесной форме, но простому человеку важнее один раз увидеть, чем сто раз услышать. А потому преемнику очень важно, например, успеть сфотографироваться наедине с основоположником, чтобы потом предъявить сомневающимся аутентичное фотосвидетельство. Поэтому мы только сейчас обнаруживаем снимки Ильича, на которых он запечатлен на память с Каменевым или Пятаковым, но документальный портрет “Ленин и Сталин в Горках” каждый из нас может в деталях воспроизвести по памяти.

Чисто советское явление да еще, не дай бог, обусловленное, быть может, своеобразностью загадочной русской души?

Ничего подобного. Во многих юбилейных публикациях, издававшихся в свое время на Тайване, вы увидите своего рода вариацию на тему этого фотопортрета – с той только разницей, что на нем будущий генералиссимус Чан Кайши стоит рядом с сидящим Отцом Государства. Но не все знают историю этой фотографии.

А все дело в том, что летом 1924 года в день торжественного открытия военной школы Вампу вождь Гоминдана решил сфотографироваться вместе с начальником школы Чан Кайши и его заместителями Хэ Инцинем и Ван Байлином.

Снимок получился удачным, и Хэ Инцинь сделал на нем надпись: “16 июня в 13-й год Китайской Республики церемонию начала первого семестра в военной школе Вампу удостоил своим присутствием лидер, сфотографировавшись с нами на память”.

Затем Сунь Ятсен снялся вдвоем с начальником школы, которому суждено было через несколько лет стать не кем-нибудь, а преемником и продолжателем дела. Теперь каждая фотография, где Чан Кайши и Сунь Ятсен были сняты вместе, стала цениться на вес золота как доказательство избранничества. Беда была лишь в том, что таковых было как назло мало, да и в художественном отношении они были невыразительны. Не удовлетворяли взыскательным вкусам мифотворцев и снимки, сделанные в школе Вампу. На одном из них были запечатлены те, кто

Вот так первоначально выглядела известная фотография
“Сунь Ятсен и Чан Кайши в школе Вампу в 1924 году”.

надо, да композиционно он был неудачен; другой был очень неплох, но на нем к сожалению было много лишних деталей.

Тогда и пришла кому-то в голову блестящая мысль. Помните фотографию “Владимир Ильич выступает на Красной площади перед красноармейцами”?

На снимке Ленин обращен лицом налево, а справа от него первоначально были видны две другие фигуры – Троцкого и Каменева. С некоторых пор они стали портить весь антураж, и потому вскоре исчезли, прямо-таки испарились с поверхности фотодокумента.

Точно такая же вивисекция была произведена и со снимком, на котором первоначально были запечатлены четверо. Хэ Инциня и Ван Болина там словно и не бывало; улетучилась, разумеется, и надпись, сделанная не тем почерком. Но зато одного даже беглого взгляда на эту фотографию было теперь достаточно, чтобы каждому стало ясно: Чан Кайши – это Сунь Ятсен сегодня.

Если угодно – еще один пример из той же серии. 1 октября 1949 года на площади Тяньаньмэнь вождь китайского народа Мао Цзэдун объявил о создании Китайской Народной Республики. В этот исторический миг рядом с ним стояли руководители нового государства – ближайшие соратники по борьбе, которые и были с большим мастерством запечатлены художником Дун Сивэнем на монументальном полотне.

Но скоро один из них, Гао Ган, оказался недостойным такой чести; чтобы не портить настроения гражданам, его фигура, словно по мановению волшебной палочки, исчезла с картины и была заменена цветочным горшком. А позднее лишним в этой компании оказался Лю Шаоци, так что на его место пришлось передвинуть Дун Биу, ранее пребывавшему во втором ряду...

Мифические герои – все на одно лицо, им не положено никаких особых, чисто индивидуальных черт. Поэтому одного советского мифотворца во время его первой встречи с Сунь Ятсеном потрясает небольшая, но многозначительная деталь: глаза у вождя китайской революции были совсем такие же, как у Ильича! На самом же деле в этом нет ничего удивительного. Сравните их иконописные портреты: оба – сама простота и воплощенная человечность, а все мысли того и другого – о судьбах томящихся под игм капитала тружеников.

И никто никогда не поверит в то, что первый в интересах изъятия хлеба у мироедов требовал “повесить (непрерменно повесить),

дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев” [2], а второй для подавления мятежа в Кантоне распорядился срочно закупить необходимое количество бензина и поджечь кварталы, где жили реакционеры – душители трудового народа [3].

Неизвестный нам Ленин, незнакомый Сунь Ятсен...

Сунь Ятсену, первому президенту Китайской Республики, появившейся в 1912 году на развалинах маньчжурской династии, была уготована поистине необычная историческая судьба.

При жизни ему фатально не везло; фактически ни одна его идея так и не получила успешного практического воплощения. Но после смерти он вошел в когорту тех, чьи портреты полагаются вешать на улицах и служебных кабинетах не только по праздникам, но и в будни. Он стал объектом почитания и всенародной любви.

В Советском Союзе – как великий революционер-демократ и вождь китайского народа, своего рода близнец вождя русской революции и всего прогрессивного человечества Ленина; на Тайване – как “отец государства”, заложивший основы и передавший бразды своему законному преемнику генералиссимусу Чан Кайши; в КНР – как предшественник подлинно великого вождя и кормчего Мао Цзэдуна.

Во всех трех случаях деятельность Сунь Ятсена подлежала увековечению в качестве объекта поклонения, хотя и в совершенно различных ракурсах. В результате были написаны принципиально несхожие между собой канонизированные портреты, каждый из которых претендовал на достоверное изображение одного и того же исторического лица.

Образ Сунь Ятсена, созданный усилиями наших исследователей, воплощал в себе прежде всего черты верного друга советского народа; вожди, являющиеся закадычными друзьями целых народов, были тогда в цене.

Сунь Ятсен, помимо этого, представлял перед читателем как гениальный политический деятель, который сразу и безошибочно распознал истинный непреходящий смысл произошедших в России великих перемен. Союз с СССР и только с ним оказывался в свете подобного прочтения его образа закономерным результатом, к которому выдающийся китайский революционер и демократ шел всю свою жизнь.

Лучшие представители официальной исторической науки на Тайване, писавшие в годы, когда политическую жизнь в стране

определял сформулированный Чан Кайши лозунг “борьбы с коммунизмом и сопротивления России”, рисовали образ Сунь Ятсена в совершенно ином колоре. Союз с СССР и приглашение в Китай советских советников – не стратегический курс Отца Государства, резко отрицательно относившегося к идеям коммунизма и всегда в душе не доверявшего русским, а не более чем удачный тактический ход, посредством которого он смог успешно обезопасить свою страну от агрессии со стороны России, исконного врага Китая.

Что касается историков КНР, то палитра их оценок не оставалась неизменной на протяжении последнего полувека. Во времена, когда китайскому народу предписывалось в большом и малом ориентироваться на советские стандарты, образ Сунь Ятсена в их исполнении мало чем отличался от созданного в Советском Союзе. Позднее, когда Мао Цзэдун, не сговариваясь с Чан Кайши, объявил СССР главным врагом Китая, в исторической науке КНР произошел поворот на 180 градусов. Следуя принципу партийности науки, китайские ученые выяснили, что Советская Россия и Коминтерн никогда, в сущности, великого китайского революционера-то по-настоящему не ценили и даже поначалу преступно игнорировали его, по своему незнанию или злему умыслу отдавая предпочтение милитаристам, рядившимся в тогу демократов, – то У Пэйфу, то, еще хуже, Чэнь Цзюньмину. Сунь Ятсен же сохранял спокойствие и ждал своего часа. И этот час пришел, когда коммунистическая партия Китая приняла решение солидаризироваться с борьбой вождя Гоминьдана. Тогда и Коминтерну ничего не оставалось делать, как пойти на сотрудничество с Сунь Ятсеном...

Несколько различных портретов одного исторического лица. Иконы, предназначенные для адептов разных вероучений.

Но ведь тупейных дел мастера, причесывавшие Сунь Ятсена каждый на свой фасон, должны были основываться на каких-то высказываниях первоисточника, воспроизводить его мысли и идеи? Убрать с негатива бородавку, портящую образ исторического деятеля, для опытного фотографа не составляет проблемы. Но можно ли отыскать в трудах этого деятеля цитаты, способные доказывать прямо противоположные тезисы?

Только дилетант, которому неведомы секреты научного исследования, может задать подобный вопрос. А мы-то с вами прекрасно знаем, что нет таких крепостей, которые настоящий историк

не мог бы взять, если только он вооружен единственно правильной научной теорией.

Среди разнообразных методов осады крепостей, пожалуй, четыре должны быть отнесены к числу наиглавнейших.

Во-первых, нет ни одного героя или вождя, чьи взгляды и убеждения совершенно не менялись бы на протяжении его жизни. Даже Владимир Ильич, отличавшийся исключительной уверенностью в правоте формулируемых им идей, был вынужден так или иначе отказаться почти от всех своих научных выводов, выношенных на фоне зеленеющих виноградников Швейцарии, как только в качестве главы советского правительства столкнулся с суровой действительностью реальной российской жизни. Сунь Ятсен был куда более динамичен. Свои идеи и личные привязанности он менял постоянно, мало заботясь о том, что ставит тем самым в трудное положение грядущих исследователей своей кипучей деятельности.

Говорят, любой исторический факт утрачивает свое значение, будучи вырван из контекста времени. На самом же деле такой факт приобретает в этом случае очень ценное качество: его можно подбрасывать, как шарик, то выше, то ниже – смотря по тому, что нужно с его помощью доказать.

Например, размышляя в первые годы после Синьхайской революции о судьбах Китая, Сунь Ятсен часто обращался к идее “республики пяти наций”, имея в виду китайцев, маньчжур, монголов, тибетцев и мусульман. Затем, где-то в самом начале двадцатых годов, он вдруг понял, что этот тезис глубоко ошибочен, так как в действительности в Китае живет вовсе не пять, а гораздо большее число наций. Все они без единого исключения, по его мысли, должны были пойти на переплавку для создания будущей единой и неделимой китайской нации. Вопрос на засыпку: выступал ли Сунь Ятсен за “республику пяти наций” в Китае или же был против нее? Если оперировать его высказываниями, взятыми без указания на время, можно убедительно доказать как первую, так и вторую точку зрения.

Во-вторых, политический деятель обычно высказывает свои мысли, исходя из того, кому что можно и нужно говорить.

Взять к примеру такой вопрос, как отношение Сунь Ятсена к социализму. Обсуждая в январе 1923 года с Иоффе план сотрудничества с Советским Союзом, он настоял на том, чтобы в публикуемом на английском языке коммюнике о переговорах, предназ-

начавшемся прежде всего для зарубежного читателя, было сказано о неприменимости идей социализма к китайской действительности. А вскоре после этого, обращаясь к своим товарищам по партии, он с досадой упрекал их в непонимании сущности выдвинутых им “Трех Народных Принципов”, один из которых (Народное Благосостояние) ничем не отличался, по его словам, от идеи социализма. Не уточняйте, при каких именно обстоятельствах было сделано эти два высказывания и выбирайте по своему усмотрению то, которое вам больше нравится.

В-третьих, одним из эффективных приемов осады вражеской крепости является фигура умолчания. Если оказывается невозможным противопоставить исходному тезису, который надлежит опровергнуть (А), какое-то иное высказывание того же деятеля, произнесенное в другое время или адресованное другой аудитории (Б), сделайте вид, что А вообще не существует.

Отнюдь не исключено, что советским исследователям семидесятых годов было действительно неизвестно, что вскоре после того, как Сунь Ятсен уже пошел на союз с СССР, он писал своему представителю в Берлине: если Германия согласится помогать нам, мы будем считать ее “единственным нашим учителем”. [4] Но ведь тайваньские историки не могли не знать о предсмертном обращении Сунь Ятсена к Советской России. Тем не менее, перелистайте работы тех и других – в одном случае вы не найдете упоминаний о первом высказывании Отца Государства, в другом – о втором.

В-четвертых, чрезвычайно эффективен метод выборочного цитирования. Вырвав какой-то один отдельно взятый пассаж из контекста, можно уподобить его куску глины, из которой опытный мифотворец может лепить все, что ему нужно. Тот же прием в несколько ином исполнении – в оригинальном сочинении вождя позволительно опускать те или иные абзацы, не вписывающиеся в заданную злобой дня тональность интерпретации.

Но подобно тому, как реставратор снимает позднейшие наслоения, под которыми постепенно обнаруживаются поблекшие, но подлинные и потому неповторимые краски изначальной росписи, можно попытаться освободить от ретуши портрет исторического деятеля, который утратит, быть может, рукотворную монументальность и каноничность, но вновь обретет свои исходные человеческие черты.

Сегодня эта работа уже не кажется совершенно бесперспективной: в мире произошли кардинальные изменения, политичес-

кие императивы все в меньшей степени влияют на результаты исследований историков, а многие ранее наглухо закрытые архивы распахнули свои двери перед учеными.

Конечно, работа эта нелегка уже сама по себе. Она, кроме того, может навлечь на реставратора гнев иконописцев: как порой говаривали древние, *veritas odium parit*, или “истина порождает ненависть”. Но игра все-таки стоит свеч, ведь истина дороже.

Даже с портретами вождей мы должны знакомиться заново. Что же говорить о других, малоизвестных исторических деятелях, оставивших свой автограф на книге истории, но затем волею судеб исчезнувших с ее страниц?..

Часть первая

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Огнепоклонники

Утро и вечер открытой дипломатии

...**В**се было кончено. По опустевшим улицам притихшего Петербурга морозный ветер гнал бумажный мусор – обрывки военных приказов, театральных афиш, воззваний к “совести и патриотизму русского народа”. Это было все, что осталось от еще недавно шумной и пьяной сутолоки столицы... Страшно, непонятно, неопостигаемо. Все кончилось. Все было отменено...

Так когда-то описывал только что завоеванную большевиками российскую столицу Алексей Толстой.

Десять дней октября 1917 года, которые потрясли мир, стали точкой отсчета в истории нового строя, дотоле человечеству неведомого. Они принесли с собой крутые перемены в привычном жизненном ритме миллионов.

Октябрьский переворот отменил многое из того, что еще недавно казалось вечным, исконным, непреходящим: частную собственность, привычку снимать шляпу, как, впрочем, и саму шляпу заодно с галстуком – явления по своей сути чисто капиталистические и несовместимые с идеалами борьбы за освобождение трудового народа.

Была отменена также и старая, буржуазная дипломатия – порождение низвергнутого строя и орудие угнетения других народов и стран. В заявлении советского правительства от 9 ноября 1917 года нарком Лев Троцкий определил главный порок этой прислужницы эксплуататорских классов: она была дипломатией тайной, пытавшейся скрыть от широких масс трудящихся неблагоприятные дела, творившиеся за их спиной буржуазными правительствами.

В заявлении говорилось:

Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть... Рабочее и крестьянское Правительство упраздняет тайную дипломатию с ее интригами, шифрами и ложью. Нам нечего скрывать.[5]

В этом была своя логика. После Октябрьского переворота Ленин, загипнотизированный собственной теорией, согласно которой социализм уже глазел на мир из всех окон, был абсолютно убежден в том, что за захватом большевиками власти немедленно и закономерно последуют аналогичные выступления и в других странах.

Уверенность в скорейшей победе мировой революции практически снимала необходимость разработки внешнеполитической стратегии рабоче-крестьянского государства. Дипломатия в ее обычном, традиционном понимании была упразднена за ненужностью. Коль скоро пролетарии всех стран, поднявшись в едином порыве, не сегодня-завтра откликнутся на прозвучавший из России призыв и свергнут постылые буржуазные правительства, общение с последними представлялось скорее исключением, чем правилом, которое могло бы дезориентировать сознательного пролетария.

Отнюдь не случайно первый советский нарком по иностранным делам Троцкий следующим образом определил задачи своего ведомства: “Опубликовать тайные договора и закрыть лавочку”.[6]

Позиция советского правительства на этом первом (впрочем, оказавшемся весьма непродолжительным) этапе была на первый взгляд вполне последовательна: бросив вызов империалистическим хищникам всех стран, оно решило общаться с внешним миром не столько посредством дипломатических нот, сколько путем прямого обращения к трудящимся массам угнетенного зарубежья.

В этих условиях революционному пролетариату действительно нечего было скрывать ни от друзей, ни от врагов. Принципы новой, “открытой” дипломатии соответствовали духу момента и импонировали тем, кто “жил, дыша и большевея”.

Однако не следует думать, что провозгласив принципы открытой дипломатии и решив немедленно опубликовать секретные соглашения царского правительства, большевики готовы были раскрыть перед всем миром и свои собственные тайны. Поспешив

приняться за разбор официальных документов, уполномоченные Совнаркома тщательно сортировали бумаги: направо – чужие тайны, подлежащие немедленному обнародованию, налево – секреты большевистские, которые следовало надежно переписать, а лучше и вообще похоронить.

Вот какой документ на бланке Наркоминдела с грифом “совершенно секретно” Ленин получил 16 ноября 1917 года:

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об “измене” товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам
Е. Поливанов, Г. Залкинд.[7]

В отличие от секретных царских договоров эта бумага была опубликована не в конце 1917 года, а восемь десятилетий спустя (недаром же на бланке НКВД, громогласно объявившего на весь свет о том, что пролетарское правительство впредь будет говорить о своих делах абсолютно открыто, стоял гриф “совершенно секретно”). Весьма характерно, что решение спрятать в воду концы с “немецкими деньгами” было принято даже не на заседании Совнаркома, а на “совещании народных комиссаров”, среди участников которого таковыми были лишь Троцкий и Дыбенко. Председательствовал, надо полагать, Ленин – тот самый, который называл просочившиеся в прессу сведения о финансировании немцами большевистского руководства “клеветнической пакостью”, “мошенническим приемом”, “ложью самой сплошной, самой грубой”. [8]

Как бы то ни было, научный прогноз Ленина очень скоро вошел в неразрешимое противоречие с реальной действительностью. Постепенно становилось все более очевидным, что с немедленным и неотвратимым вторым революционным пришествием происходит что-то неладное. Несмотря на все ожидания, мировая

революция не началась ни через неделю, ни через месяц после взятия Зимнего. Более того, когда в Бресте германские генералы предъявили Советской России ультиматум, немецкий пролетариат продолжал безмолвствовать.

Чтобы выжить, Советская Россия оказалась вынужденной признать необходимость более или менее длительного сосуществования (“сожительства”, как стало принято тогда говорить) с теми буржуазными правительствами, которые рано или поздно должен был смести очистительный вихрь грядущей революции.

Лавочка не была закрыта, ее реставрировали и восстановили всю первоначальную планировку помещений. Сформировалось новое понимание советской внешней политики, внешне мало чем отличавшееся от отвергнутого революцией прототипа. Активным проводником этой новой ориентации, которая в общем и целом была характерна для советского НКВД в 1918 году, стал Г.В. Чичерин, сменивший Троцкого.

Закончился первый этап истории советской внешней политики, который может быть назван периодом дипломатического нигилизма; начался ее новый этап.

Возвращение к идее того, что с буржуазными правительствами так или иначе придется иметь дело, неизбежно означало в то же время фактическую реабилитацию традиционных методов ведения внешней политики, которая на протяжении многих веков прочно срослась с тайной дипломатией, словно два сиамских близнеца. И вот уже советский полпред Карахан доверительно сообщает польскому министру иностранных дел:

Дипломаты, и очень уважаемые дипломаты, иногда бывают вынуждены говорить не всю правду и не делать публичным достоянием свои сношения с другим государством, и это не ставится им в вину, но все понимают, что это просто неудобство и неприятность той профессии, к которой они принадлежат.[9]

И продолжая говорить о своей приверженности открытой дипломатии, сотрудники НКВД принялись осваивать технологию тайных переговоров и секретных международных контактов.

Справедливости ради надо сказать, что по этой части ученики очень скоро сравнялись со своими учителями и даже кое в чем превзошли их. Это и неудивительно: уж в чем-чем, а по части конспирации большевики безусловно чувствовали себя словно рыба в воде.

Столь популярные в лексиконе Владимира Ильича слова “секретно” и “архисекретно” стали едва ли не наиболее употребительными в его указаниях по части международных дел.

Еще совсем недавно Ильич гневно обличал ненавистное Временное правительство за нежелание опубликовать секретные соглашения царизма; теперь он инструктировал Чичерина:

Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали. Но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и черкните мне. Конечно, писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу... Ваш Ленин. [10]

И то, о чем нельзя было писать даже в секретных бумагах и подлежало немедленному сожжению лично председателем СНК, принималось к исполнению и воплощалось в жизнь. Один из примеров – секретные статьи “Дополнительного протокола” к мирному договору с Германией, заключенного в Берлине советским послом А.А. Иоффе и министром иностранных дел П. фон Хинтце. В них высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению об использовании вермахта на территории Советской России не только против высадившихся на севере войск Антанты, но и против белого движения на юге. Нужно ли удивляться тому, что этот раздел протокола никогда не публиковался в СССР и стал известен лишь в послевоенное время после обнаружения материалов из германских архивов?

Но не только фактический возврат к методам официально отвергнутой секретной дипломатии характеризовал тот внешнеполитический курс, который был принят большевиками в конце 1918 – начале 1919 г. Ему теперь, в отличие от первых месяцев после Октября, была свойственна парадоксальная двойственность.

С одной стороны, сотрудники советского дипломатического ведомства облачились в глаженные фраки, стиранные манишки и прочие атрибуты того буржуазного прошлого, которые совсем недавно были категорически отвергнуты победившим пролетариатом. На встречах с зарубежными дипломатами им теперь приходилось улыбаться этим наемным слугам международного империализма и даже порой поднимать тосты за их здоровье.

Но с другой стороны, НКВД истово и с полной отдачей сил выполнял и другую работу, которая с точки зрения традиционной дипломатии была абсолютно несовместимой с первой: он был занят не только составлением обращений к зарубежным братьям по классу, но и практической подготовкой нелегальных акций, направленных на приближение мировой революции. Апеллируя, как и раньше, непосредственно к трудящимся и эксплуатируемым массам зарубежных государств через головы их правительств, Наркоминдел тратил теперь немало сил и средств на поддержку

тех группировок внутри этих государств, которые активно готовились к свержению своих правительств. Это, несомненно, было тем новым, что привнесли в практику дипломатической работы большевики, и в этом смысле Ленин был прав, когда говорил, что буржуазная дипломатия неспособна понять приемов нашей новой дипломатии [16].

Типичным примером советской внешней политики той поры была деятельность посла в Берлине Иоффе, которая, по его собственным словам, на протяжении второй половины 1918 года все более принимала характер революционной подготовки вооруженного восстания в Германии.

Однако время неумолимо двигалось вперед, и положение в мире продолжало меняться. Поразительная энергия Иоффе, готовившего в Германии революционное свержение правительства, при котором он был аккредитован, не могла до бесконечности оставаться безнаказанной, в результате чего советскому послу в конце концов было предложено покинуть страну.

Большевистское руководство постепенно приходило к выводу, в общих чертах сформулированному в свое время Свердловым:

Мы в качестве правительства, в качестве Советской власти, не сможем вести той широкой международной агитации, которую мы до сих пор вели, но это не значит, что мы хотя бы на йоту стали меньше заниматься этой агитацией. Но нам придется теперь сплошь да рядом такую агитацию вести не от имени СНК, а от имени ЦК нашей партии. [11]

Создание весной 1919 года Коминтерна и было задумано как налаживание параллельного и формально независимого от НКВД канала подготовки революционной ситуации в странах капитала. Наркоминдел был освобожден от этой в принципе несвойственной дипломатическому ведомству деятельности.

Это обстоятельство знаменовало собой конец второго этапа в истории советской дипломатии, который может быть назван периодом революционного романтизма. Отныне внешнеполитическое ведомство Страны Советов было ориентировано в первую очередь на нормальную дипломатическую деятельность, имеющую своей целью прежде всего защиту государственных интересов. Начался очередной этап – период ведомственного партикуляризма.

Однако в тех условиях, когда подобное размежевание между НКВД и Коминтерном стало фактом, а возникавшие ранее проблемы, казалось бы, должны были отныне успешно решаться, начали возникать сложности иного рода.

За годы, предшествовавшие поразительно легкой Октябрьской победе, большевики научились многому, но им никогда не приходилось заниматься повседневной рутинной государственной работой. Только что созданное Советское правительство сразу же оказалось раздираемым жестокими межведомственными склоками, проистекавшие главным образом от элементарного неумения управлять. [8]

Нечто аналогичное было теперь зачастую свойственно и взаимоотношениям НКВД и Коминтерна. Поскольку цели и задачи этих двух органов, хотя и определявшиеся в конечном счете единым центром, “инстанцией”, теперь различались между собой, могли складываться ситуации, при которых их ведомственные устремления входили в противоречие друг с другом: Наркоминдел должен был заботиться о государственных выгодах для Советской России, а Коминтерн строил деятельность из расчета на приближающуюся мировую революцию, нередко будучи готов ради нее пожертвовать интересами своей одной отдельно взятой страны. В условиях, когда для работы Совнаркома вообще было характерно то, что Ленин называл “отвратительной ведомственной драчкой”, противостояние НКВД и Коминтерна нередко приобретало резко конфликтную форму.

Бывший заместитель заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна С.И. Слепак, писал, например, из Китая тогдашнему заведующему отделом Г.Н. Войтинскому:

Нужно покончить с взглядом партии, как на служанку НКВД...

С этим необходимо покончить. Пусть партия остается партией, развивает свою работу вовсю, пусть никакие маринги, проводящие точку зрения Иоффе, или других представителей НКВД, не втягивают партию в меняющиеся калейдоскопические кивания то в сторону одного генерала, то другого. НКВД это нужно, но не путайте партию в это дело... Нужно покончить с этим тупиком и не плестись в хвосте НКВД. [12]

Это была совершенно новая проблема, ранее большевикам головной боли не причинявшая.

Разумеется, размежевание функций не было и не могло быть абсолютным. Когда в 1922 году в Китай в качестве советского дипломатического представителя приехал Иоффе, он по старой памяти стал совмещать в себе эмиссара двух ведомств одновременно, чем тут же навлек на себя раздражение и дипкорпуса, и либеральной прессы (ему, впрочем, было не привыкать). С другой стороны, и НКВД, и Коминтерн также представляли собой слож-

ные механизмы, отдельные блоки внутри которых были запрограммированы по-разному. Наконец, конкретные люди, делавшие тогда историю, руководствовались различными идеями и отстаивали собственные точки зрения.

В результате всего этого, хотя во внешней политике Советской России и наблюдался тогда некий условный баланс между государственными и глобально-революционными приоритетами, время от времени то один, то другой из них выходил на первый план и определял позицию Москвы по какому-либо конкретному вопросу.

Так продолжалось вплоть до 1922 года. Болезнь Ленина лишила его возможности непосредственно влиять на внешнеполитический курс страны, которому до тех пор он уделял максимум внимания и времени. Постепенно все громче звучал голос генсека, некогда бывшего лишь администратором при ЦК РКП(б). Сталин при каждом удобном случае подчеркивал мысль о том, что он не более, чем проводник идей Ильича. Но это была неправда.

В частности, во внешней политике Сталин начал явственный поворот от идеи мировой революции к теории возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. На первый план окончательно выдвинулись государственные интересы Страны Советов, ставшие единственным мерилom целесообразности дипломатических акций, и даже Коминтерн стал постепенно руководствоваться этим же критерием для оценки деятельности зарубежных компартий.

Бойцы старой ленинской закалки в 1922 году еще пытались сопротивляться и взывать к революционной совести ЦК, однако дни их были сочтены.

Самоубийство Иоффе, предпоследнего пролетарского интернационалиста (последним один западный исследователь назвал небезызвестного К. Радека), символизировало начало не только нового этапа, но целой эпохи, продолжавшейся затем в практически неизменном облике на протяжении нескольких десятилетий.

Буржуазия, которая не успела загнить

Важным аспектом эволюции советской дипломатии в первые годы после Октября было перемещение акцента во внешнеполитической деятельности с Запада на Восток. Вспомним хотя бы патетические слова Обращения Совнаркома от 20 ноября 1917 года:

Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока. Истомленные войной народы Европы уже протягивают нам руку, творя мир. Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия, та самая, которую веками угнетали “просвещенные” хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы депутатов, сбрасывая с плеч ненавистное рабство, призывая народы Востока к борьбе и освобождению. [13]

Европа не оправдала надежд. Тамошний пролетариат явно не спешил со своими революционными выступлениями, предоставляя своим российским братьям возможность в одиночку штурмовать твердыни империализма. Так быть может, Восток, томящийся под игом колониальной системы, станет той питательной средой, в которой вызреют микробы антиимпериалистической революции?

Идея эта заключалась в том, что, в отличие от Запада, поработанный Восток был чреват национально-освободительным движением, во главе которого стояла буржуазия. Однако, в отличие от своей капиталистической тезки, буржуазия в странах Востока еще не успела загнить и была исторически прогрессивна. Избрав ее в качестве стратегического союзника, Ленин и рассчитывал разжечь пожар мировой революции.

В начале 1919 года заместитель наркома Л. Карахан и заведующий Отделом Востока НКВД А. Вознесенский представили в СНК отчет о своей деятельности в странах Востока, в котором, в частности, говорилось:

Народным Комиссариатом по Иностранным Делах от времени от времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. Стоимость каждого агитатора с премией при возвращении обратно определяется: в Северный Китай и Корею 10.000 руб., в Южный Китай 20.000 рублей. [14]

Однако беда заключалась в том, что “пролетарские демократические организации”, кое-где уже существовавшие в то время

в странах Востока или спешно сколачивавшиеся на территории России, не склонны были безоговорочно принимать идею стратегического союза с буржуазными национально-освободительными движениями. Только-только появившись на свет, они тут же заболели недугом, который Ильич стал называть в те годы “детской болезнью левизны в коммунизме”. В результате ему, до Октября неизменно занимавшему в социал-демократическом лагере крайне левые яacobинские позиции, пришлось теперь тратить немало времени и сил на отстаивание своей новой точки зрения.

Изрядно повозиться с левоуклонистами ему пришлось на Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, а позднее – на II конгрессе Коминтерна.

При этом выяснилось, что обнаружившиеся в ходе дискуссии “левые” ошибки совершали, говоря словами Ленина, “действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коммунистического Интернационала”. [15]

Иначе, впрочем, и быть не могло. Впитав в себя те ленинские идеи, которые тот с горячностью отстаивал вплоть до первых послеоктябрьских месяцев, лучшим элементам Коминтерна было не просто понять, что же вдруг переменялось в этом мире и почему в вопросе о перспективах и путях мировой революции нужно делать столь радикальный поворот. Позднейшие советские исследователи порой по-отечески журили коммунистов тех лет, утверждая, что “глубокий смысл этих категорий марксистской науки пока еще был доступен далеко не всем из них”. [16] Мудрено ли!

Руководитель сформированной в России Турецкой коммунистической партии М. Субхи заявлял:

Вот, товарищи, наши убеждения и наша программа: разрушить капитал и освободить народ. Вся земля, все средства производства и транспорта, одним словом, все существующие богатства должны быть национализированы народом и таким образом бедные классы общества должны быть освобождены от буржуазной тирании. [17]

Ему вторил другой ответственный работник Совета интернациональной пропаганды на Востоке:

Не приходится говорить, что Восток более порабощенный, униженный, оковы его тяжелее, чем у пролетариата Запада, и, кажется, должно быть ясно, что на Востоке можно скорее утвердить диктатуру пролетариата, чем на Западе. [18]

Подобно Ленину, всегда преувеличивавшему численность и степень классового сознания российского пролетариата, первые коммунисты стран Востока настойчиво проводили аналогичную

мысль о том, что созрели уже, созрели-таки их рабочие к классовым битвам.

Руководитель Иранской компартии Султан-Заде был совершенно уверен в том, что “Персия – одна из тех стран Востока, которая обладает чрезвычайно закаленным рабочим классом”. [19] А лидер индийских коммунистов М.Н. Рой утверждал, что за годы колониального господства в его стране британского капитала “80% всего населения обратилось в пролетариев”. Его вывод был вполне определен:

Общее представление, что в Индии господствует феодализм, весьма ошибочно. Феодализм уничтожен английским империализмом, который подчинил трудящиеся массы господству буржуазии... Несмотря на отсталость Индии в смысле капиталистического развития, в сущности, пролетарская революция там уже началась. [20]

Не хотелось отставать от своих товарищей из других восточных стран и тем, кто называл себя китайскими коммунистами. Представитель Китая на Конгрессе Коминтерна Ан Ненхак (Ань Эньсюэ), требуя немедленно учредить “единую китайскую коммунистическую республику советов”, формулировал задачи китайской революции не менее решительно:

... Мы имеем в Китае все условия для коммунистического строя: огромное преобладание батраков, отсутствие религиозных предрассудков, слабость своей собственной буржуазии, обиды, нанесенные чужеземным завоеванием. [21]

Нетрудно представить себе, что Ленин сдерживался, как мог, выслушивая весь этот “левоглумизм”. Однако, видимо, принимая во внимание, что Восток – дело тонкое, он, чтобы не обидеть товарищей, воздержался от учинения им разноса. Правда, товарищи все равно обиделись. Вышеупомянутый Ан Ненхак писал в президиум конгресса Коминтерна:

Китайские трудовые массы ждут от II-го конгресса... поддержки и помощи, но до сих пор не встретили отклика и скорбят о том. [22]

Но обиды – обидами, а караван ленинской стратегии революций на Востоке вообще и в Китае в частности шел своей дорогой.

Ленин настойчиво искал каналов связи с главным лидером национально-освободительного движения в Китае – д-ром Сунь Ятсеном.

Китайский Геркулес

За последние годы появилось много новых данных, позволяющих предполагать, что первые контакты Сунь Ятсена с российскими революционерами относятся еще к последним годам прошлого века.

Существует даже версия, что во время пребывания в Лондоне д-р Сунь встречался в библиотеке Британского музея с Чичеринным. Но прямых доказательств этому пока не найдено, а ни Сунь Ятсен, ни Чичерин сами об этом никогда не упоминали.

Кажется, впервые российский читатель узнал о Сунь Ятсене после шумевшей истории с его похищением в Англии. Журнал “Русское богатство” поместил тогда перевод рассказа Сунь Ятсена о его злключениях в Лондоне под названием “Невероятные сказки”. Переводчик, лично встречавшийся с автором, в своем предисловии рассказывал, между прочим, и о внешности Сунь Ятсена, его “небольшой, весьма худощавой фигуре с очень тонкими, почти хрупкими руками и плоским широким лицом”. Упомянул он также и о тогдашних высказываниях д-ра Суня относительно того, что существовавшие в Китае тайные общества были готовы взяться за оружие и вопрос был лишь в том, что его нужно иметь; для восстания, помимо этого, необходимо известное стечение благоприятных обстоятельств, в силу чего народное восстание в Китае – это только вопрос времени.

И после этого имя Сунь Ятсена иногда мелькало в российской прессе, но о его политическом кредо Ленину, судя по всему, ничего не было известно, и потому это имя вплоть до свержения маньчжурской династии в Китае ни разу не встречается в сочинениях Ильича.

В 1912 году Сунь Ятсен написал для одной бельгийской газеты статью под названием “Второй шаг Китая”. В ней он излагал свое видение задач революции в Китае; эта публикация привлекла к себе внимание многих российских социал-демократов. Попалась она на глаза, между прочим, и лечившемуся на Капри Максиму Горькому. Глубоко взволнованный прочитанным, он тут же сел и написал Сунь Ятсену письмо, в котором утверждал:

Я, русский, борюсь за торжество тех же идей, что и Вы; где бы они ни победили, – я, как и Вы, счастлив победой. Поздравляю Вас с прекрасным успехом Вашей работы, за которой все честные люди следят с вниманием, радостью и удивлением пред Вами, Геркулес Китая. [23]

Затем Горький обращался к Сунь Ятсену с просьбой написать для издававшегося им журнала какую-нибудь статью.

Но автор “Буревестника” не дождался ответа от китайского Геркулеса. Немного разочарованный тем, что его энтузиазм не встретил резонанса, он перепечатал в своем журнале статью Сунь Ятсена “Второй шаг Китая”.

Еще раньше ту же самую статью прочел и Владимир Ильич. Он был взволнован ею, кажется, не меньше Горького и откликнулся на нее критическими замечаниями “Демократия и народничество в Китае”. Основное содержание их хорошо известно:

Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ятсена. Полное понимание недостаточности “расовой революции”. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской “социальной реформой”, с китайскими социальными преобразованиями и т.п. Целый демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу. [24]

Главный вывод Ленина:

В Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции. [25]

И хотя, по мнению Ильича, в воззрениях Сунь Ятсена обнаруживается явное сходство с надеждами русских народников избежать капитализма, он воздает хвалу “революционному демократу, полному благородства и героизма”. [26]

Спустя почти год после этого Ленин вновь возвращается к оценке деятельности Сунь Ятсена в статье “Борьба партий в Китае”.

В ней он несколько более критичен, усматривая слабость партии д-ра Суня “в том, что она недостаточно еще смогла втянуть в революцию широкие массы китайского народа”.

И в том и в другом случае вождь русской революции переоценивал степень революционности платформы своего китайского коллеги: сегодня мы знаем, что не только сразу же после Синьхайской революции, но и десятилетием позже Сунь Ятсена не волновали проблемы втягивания пролетариата и крестьянства в борьбу за сформулированные им цели. Не будем слишком строги к оценкам Владимира Ильича: он как-никак судил о Сунь Ятсене лишь по его отдельным немногим высказываниям, почти понаслышке.

“Он был острижен, одет по-европейски и носил маленькие усы, но цвет кожи, широко расставленные, характерной формы глаза и оклад лица с выдающимися скулами говорили с первого раза о его расе”.

(анонимный автор в журнале “Русское богатство”, 1887 год)

Но вот прогремел Октябрь. О положении дел в Китае у Ленина не было практически никакой информации. И он пользуется любой возможностью, чтобы установить контакт с Сунь Ятсеном, в котором продолжал видеть своего главного союзника по разжиганию костра мировой революции, по крайней мере в Азии.

На первых порах казалось, что Ильич безусловно сделал правильный выбор. В 1918 году из Китая пришла телеграмма, адресованная Совнаркому: в ней Сунь Ятсен поздравлял большевиков с победой и говорил об общности целей китайского и русского народов. По поручению Ленина нарком Чичерин послал в Кантон ответное письмо, в котором, имитируя китайский эпистолярный стиль, называл Сунь Ятсена “Учителем”.

Но дальше начались затруднения. Сунь Ятсен молчал и было неясно, получил ли он послание Чичерина. В поисках иных каналов для установления контакта с ним советское руководство обратило внимание на некоего Лю Цзэжуна (в Москве он был тогда известен под именем Лау Сиу Джая), председателя Союза китайских рабочих в России.

Лю был принят Лениным в качестве “представителя кантонских рабочих” и неожиданно для самого себя оказался вовлеченным в большую политику.

Впоследствии он откровенно признавал:

Ленин расспрашивал меня о Китае, о китайской революции. Я был молод и еще далек от должного понимания международной политики, да и знал о событиях в Китае слишком мало, чтобы рассказать ему что-то для него новое и интересное. Сам же я почерпнул много ценного для меня из беседы с Владимиром Ильичом, услышав от него ряд глубоких мыслей по вопросам о судьбах Китая, о борьбе китайского народа с империализмом, о важности сближения между народами Китая и Советской России. [27]

Затем Лю Цзэжун получил в Наркоминделе мандат, представлявший ему право представлять интересы всех китайских иммигрантов; Ильич сделал на этой бумаге собственноручную приписку:

Со своей стороны очень прошу советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сиуджау. Пр. сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин). [28]

С таким мандатом в те годы можно было чувствовать себя более чем уверенно. И юный иммигрант, с детских лет живший в России и о Китае практически ничего не знавший, вдруг оказывается делегатом учредительного съезда Коминтерна, на этот раз

уже как “представитель Китайской социалистической рабочей партии”.

В Китае тогда не существовало партии под таким названием, но, судя по всему, соблазн включить в список учредителей Коминтерна представителя борющегося Китая был слишком велик.

Лю Цзэжун выступал на конгрессе с речью, в которой помимо всего прочего прочувственно говорил о Сунь Ятсене. При этом его формулировки почти дословно совпадали с тем, что за несколько лет до того было сказано о вожде китайского народа Лениным.

Любопытна и еще одна деталь. В своей речи на конгрессе Коминтерна Лю Цзэжун упомянул о двух телеграммах, отправленных Сунь Ятсеном в Россию. Первая – в феврале 1917 года – была адресована Временному правительству, другая, о которой я только что упоминал, – в 1918 г. правительству рабоче-крестьянскому.

Как же реагировали на обращение вождя китайского народа, – задавал вопрос Лю Цзэжун, – министры-капиталисты? Да они просто не заметили протянутой им руки и не ответили Сунь Ятсену. Иное дело – пришедшие к власти большевики: они тотчас же откликнулись на зов с Востока и ответное письмо Чичерина, преодолев десятки тысяч верст и достигло адресата:

Можно представить себе радость китайских революционеров, до которых сквозь огненное кольцо войны и революции дошел голос Советского правительства России... в письме товарища Чичерина к гордости Китая Сунь Ятсену. [29]

Сообщение Лю Цзэжуна было встречено бурной овацией всего зала.

В связи с этим прежде всего заслуживает внимания не то, что, по свидетельству самого Сунь Ятсена, упоминаемое здесь письмо Чичерина до него так и не дошло. Важно другое. Каким образом о содержании тогда еще неопубликованного послания Чичерина мог узнать Лю Цзэжун? Более того, каким образом председатель Союза китайских рабочих, безвыездно живший в России и непосредственно с Сунь Ятсеном вообще никогда не общавшийся, мог быть в курсе переписки последнего с правительством Керенского?

Самое интересное в этой истории то, что после Февральской революции Сунь Ятсен действительно посылал приветственную телеграмму в Питер. Нет сомнений в том, что только Чичерин, принявший дела бывшего министерства иностранных дел, мог знать об этом.

Судя по всему, не кто иной как Чичерин по поручению Ленина и набросал Лю Цзэжуну тезисы его выступления на конгрессе Коминтерна.

Летом 1920 года на Съезде Союза китайских рабочих портреты Сунь Ятсена и Ленина висели рядом над столом президиума; оба были избраны почетными председателями съезда – ни то, ни другое было бы невозможно без прямой санкции сверху.

Через несколько дней после этого Лю послал Сунь Ятсену телеграмму, в которой содержался призыв к официальному признанию Советской России. В своем втором послании от имени Съезда Союза китайских рабочих Лю Цзэжун приглашал Сунь Ятсена приехать в Советскую Россию.

В архиве Внешней политики РФ сохранился черновик этого письма с правкой Чичерина. В первоначальном варианте значилось: “Съезд принял решение пригласить Вас приехать в Россию с тем, чтобы Вы получили возможность непосредственно ознакомиться с великими идеями русской революции”. Чичерин собственноручно правит: “... с тем, чтобы дать нам возможность непосредственно ознакомиться с идеями главы китайской революции”. [30]

На первую телеграмму Сунь Ятсен ответил в весьма уклончивой форме. А любезное приглашение приехать в Москву и вовсе было оставлено д-ром Сунем без ответа. На то у него были свои причины. Тем не менее, на протяжении всего 1920 года Ленин и Чичерин настойчиво продолжали искать возможность установления прямого контакта с Сунь Ятсеном. Не полагаясь лишь на почту и телеграф, руководители Советского правительства решают использовать для этого другой способ. В Китай для переговоров с д-ром Сунем направляют одного за другим нескольких эмиссаров.

Первым из них был полковник Попов.

Вождь, не устававший ошибаться

Имейте в виду: Чжан Цзолинь – китаец

Из “Трех Народных Принципов”, сформулированных Сунь Ятсеном, самым четким и недвусмысленным был несомненно принцип национализма. В наш век, когда слово “националист” приобрело отрицательный, почти ругательный смысл, необходимо напомнить, что для вождя китайской революции национализм и патриотизм были синонимами: практически всю свою жизнь д-р Сунь отдал неустанной борьбе за то, чтобы Китай наконец на равных вошел бы в число великих держав мира. Эта мечта, так и оставшаяся неосуществленной при его жизни, была главным двигательным мотивом политической деятельности Сунь Ятсена.

Но прежде чем Китай сможет добиться этой великой цели, полагал первый президент Китайской Республики, страна должна быть объединена. Решить данную задачу в то время было гораздо труднее, чем сформулировать ее.

В основу временной конституции Китайской республики, принятой представителями всех провинций страны весной 1912 года, были положены принципы федерализма (хотя сам по себе этот термин в тексте не упоминался). Через три месяца после вступления в должность президента Сунь Ятсен принимает решение уступить этот пост Юань Шикаю, совершая тем самым, по его собственным словам, непростительную политическую ошибку. Юань Шикай тем временем ликвидирует права провинций, а вскоре объявляет себя императором. Идея федерализма становится главным лозунгом его политических противников, ставивших своей целью восстановление республики. Одни из них полагали, что

формулируя основы политического строя нового Китая можно не употреблять слова “федерация”, но нужно исходить из духа федеративных принципов; в то же время другие (среди них был видный деятель южного Китая Чэнь Цзюньмин) прямо призывали к созданию “федерального правительства”.

После смерти Юань Шикая, казалось, цель была достигнута. Однако вскоре группа северных милитаристов добилась роспуска парламента и фактической отмены конституции. Сунь Ятсен начал борьбу “в защиту конституции”, возглавив южное кантонское правительство. Но ирония судьбы заключалась в том, что сам он вовсе не разделял федералистских убеждений многих своих союзников; по его мнению, объединения страны можно было добиться лишь в том случае, если удастся лишить пекинское правительство его властных полномочий. Насильственное свержение этого гнезда предателей, считал Сунь Ятсен, должно было стать сверхзадачей возглавляемых им подлинных патриотов.

Каким же образом д-р Сунь, у которого было звание главнокомандующего, но не было ни собственных вооруженных сил, ни постоянных источников материальных средств, рассчитывал решить эту проблему?

Прежде всего, полагал он, можно воспользоваться поддержкой тех местных военных группировок, которые в пределах своего, пусть ограниченного, региона обладали реальной властью и силой. Попытки с помощью “хороших” милитаристов разгромить милитаристов “плохих”, стоявших за спиной пекинского правительства, – вот что отнимало у Сунь Ятсена большую часть его энергии и времени.

После 1917 года действия пекинского правительства целиком и полностью определялись волей генерала Дуань Цижую. Он и стал главным врагом Сунь Ятсена. “Никакой поддержки Дуань Цижую!” – этот лозунг в устах руководителя южного правительства, звучавший почти как цитата из священной книги, стал основой его союза с милитаристами из провинции Юньнань.

Но у тех были свои собственные цели и своя стратегия. Пришел час, когда они лишили Сунь Ятсена своего благоволения. Решением большинства членов кантонского правительства д-р Сунь из высшего руководителя превратился в одного из семи членов директората.

Сунь Ятсен воспринял происшедшее как очередной акт предательства. В знак протеста он сложил с себя полномочия главнокомандующего и покинул Кантон, поселившись в Шанхае.

По его словам, он решил отойти от политической деятельности и посвятить всю свою оставшуюся жизнь сочинению произведений, которые должны были открыть глаза его соотечественникам на их заблуждения. Но такова была официальная версия. На самом деле Сунь Ятсен предпринимает в это время энергичные меры к тому, чтобы свалить своих прежних единомышленников.

Для достижения этой цели д-р Сунь всячески поддерживал Чэнь Цзюньмина, который также выступил против кантонского правительства и создал в Чжанчжоу, на границе провинций Фуцзянь и Гуандун, свою базу. Вскоре она превратилась в своего рода образцовый революционный район: там были проведены демократические преобразования, а местные газеты рассказывали своим читателям о Марксе, Кропоткине и Октябрьской революции.

Альянс Сунь Ятсена с Чэнь Цзюньмином продолжался и после того, как чжанчжоуский генерал разгромил войска южных милитаристов и экс-генералиссимус смог вернуться в Кантон и даже был вскоре избран там чрезвычайным президентом Китая. Вот тогда-то и стали в полной мере очевидными стратегические и теоретические разногласия между ними. Обладавший реальной военной силой Чэнь Цзюньмин продолжал выступать за самоуправление провинций и мирное объединение страны под властью федерального правительства. Сунь Ятсен же видел будущий Китай централизованным унитарным государством и по-прежнему делал ставку на военный поход против Пекина. Слухи о черной кошке, пробежавшей между Сунем и Чэнем, просочились в прессу, но президент до поры до времени опровергал их.

А кончилось все тем, что Чэнь Цзюньмин отказался принимать участие в начатом Сунь Ятсеном походе на Север и был отрешен за это от своей должности, после чего подверг обстрелу резиденцию д-ра Суня и в одночасье превратился из “революционного генерала” в “типичного милитариста, пытавшегося на первых порах рядиться в тогу демократа”.

Чэнь Цзюньмин вошел в историю как предатель. Помните, мы говорили с вами о том, что герой может с легкостью превратиться в антигероя, присутствие которого необходимо, чтобы еще более рельефно оттенить достоинства вождя?

Но все это было позднее. А в 1919-м, когда медовый месяц во взаимоотношениях Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина был в разгаре, д-р Сунь стал на всякий случай искать себе единомышленников на

“Сухонький старик с длинными усами, выходец из бедной семьи, писавший в молодости стихи, Дуань Цижуй своей биографией в какой-то мере удовлетворял требованиям, предъявляемым образу профессионального китайского военного”.

(М. И. Казанин).

Севере и зондировать почву в отношении возможности заключения союза с ... Дуань Цижуюем.

Дуань также был стратегом и понимал, что оказав помощь лидеру, удалившемуся от дел, он в той или иной мере привязывал того к своей колеснице. Дело было стоящее, и вчерашний злейший недруг Сунь Ятсена намекнул ему, что не прочь был бы пересмотреть прежнюю позицию и даже ссудить его деньгами.

Это был сильный ход. Сунь Ятсен вступает в переговоры с Дуань Цижуюем и вскоре действительно получает от него не слишком большую, но и не совсем уж незначительную сумму, которую использует для военных действий против своих бывших коллег.

Многие близкие к Сунь Ятсену люди в недоумении только руками разводили и даже полагали, что слухи о сближении с Дуанем – злостная вражеская пропаганда. В августе 1919 года д-р Сунь получил письмо от одного из своих давних сподвижников, предостерегавшего его дальнейших шагов в этом направлении; вслед за этим аналогичный протест выразил другой влиятельный член Гоминьдана, писавший о том, что происходящее бросает тень на моральные качества вождя, а партийный флаг из-за этого “меняет свой цвет”.

Но лидер уже принял решение и не был намерен пересматривать избранный курс. Он вновь и вновь разъяснял сомневающимся, что ошибки тут нет и что соображения высшей целесообразности диктуют именно данный, а не какой-то иной выбор.

В конце ноября 1919 года, когда правая рука Дуань Цижую генерал Сюй Шучжэн силой заставил монголов отказаться от завоеванной ими ранее автономии, Сунь Ятсен послал триумфатору телеграмму и поздравил его с успехом.

Но Сунь Ятсен ошибся. В тот самый момент, когда альянс с Дуань Цижуюем был уже заключен, на Севере разразилась война между соперничавшими между собой милитаристскими группировками и Дуань пал, потерпев поражение на поле брани. Теперь ему было не до Сунь Ятсена: своя рубашка казалась ему ближе к телу.

Решающий удар по Дуань Цижую нанес другой северный милитарист – У Пэйфу. В 20-х годах он стал одной из главных политических фигур Китая.

Мнения современников о генерале У Пэйфу резко расходились. В глазах многих он был героем справедливой борьбы против тех, кто готов был продать Китай японцам; другие считали, что хрен редьки не слаще. Что до советских экспертов, то извест-

“Чэнь Цзюньмин – один из наиболее крупных деятелей молодого, раскрепощающегося Китая. По своему политическому стажу, преданности революционной идее и организаторскому дарованию Чэня можно сравнить с доктором Сунь Ятсеном. Личные враги Суня, не приемлющие его “диктаторских” наклонностей, ставят государственный разум Чэня выше Суня”.

(В. Виленский)

ный деятель тех лет В. Виленский видел в У Пэйфу надежду китайской революции, а превосходный знаток Китая, работавший тогда корреспондентом телеграфного агентства “ДальТА” А. Ходоров, напротив, отзывался о нем резко отрицательно.

Когда усилиями У Пэйфу в Пекине было создано новое правительство, а Сюй Шучжэн и другие наиболее оскандалившиеся оруженосцы Дуань Цижуя были отданы под суд, Сунь Ятсен решил, что с У Пэйфу ему не по пути.

Продолжая лелеять мечту о свержении пекинского правительства, Сунь Ятсен стал искать нового кандидата на роль союзника в противоборстве с У Пэйфу. И вскоре таковой был найден: им стал фактический правитель Северо-Восточного Китая Чжан Цзолинь.

Свою бурную карьеру тот начинал в буквальном смысле слова на большой дороге, возглавляя банду “молодцов зеленого леса”, которых в просторечии называли хунхузами. Во время русско-японской войны он помогал японцам против русских. А лет через десять после этого занялся большой политикой.

Одно время Чжан Цзолинь поддерживал У Пэйфу против Дуань Цижуя, но свержение последнего не принесло Чжану ни лавров победителя, ни желанных козырей в игре за обладание верховной властью в Китае. Теперь он по здравому размышлению откликнулся на деловое предложение Сунь Ятсена впредь во всем действовать сообща.

Еще совсем незадолго до того Сунь Ятсен считал Чжан Цзолиня одной из самых мрачных фигур на китайском политическом горизонте. Вот что, в частности, писал 21 апреля 1921 года К. Соколов-Страхов, посетивший Шанхай и встречавшийся там со многими ведущими деятелями руководимой Сунь Ятсеном партии Гоминьдан:

Д-р Сунь Ятсен на одном из заседаний заявил, что он считает главными врагами китайского народа ту группу милитаристов, которая группируется около генерала Чжан Цзолиня. Их нужно политически уничтожить и поэтому с ними может быть только один разговор – война. [31]

Примерно в тех же выражениях Сунь Ятсен характеризовал Чжан Цзолиня в своем письме к Чичерину, датированном 28 августа 1921 года:

После его [Юань Шикая] смерти, тем не менее великие державы поддерживали, политически и в финансовом отношении, ряд псевдокромвелей и наполеонов. Один из них, экс-атаман шайки разбойников по имени Чжан Цзолин. Официально он является командующим войсками, или военным губернатором Маньчжурии, но на деле он хозяин, которому повинуются пекинское “правительство”. И в свою оче-

“Генерал У Пэйфу – типичный кондотьер эпохи первоначального накопления”.

(А. Е. Ходоров).

редь он повинуется Токио во всех вопросах высокой политики, касающихся жизненных японских интересов. Москва должна хорошо учитывать это обстоятельство. [32]

А спустя лишь год после этого, в августе 1922 года, Сунь Ятсен следующим образом столь же логично и убедительно объяснял Иоффе причины своего сближения с псевдо-кромвелем:

Я пришел к соглашению с Чжан Цзолинем прошлой зимой, главным образом, потому, что он направил ко мне в Кантон своего представителя – или точнее, в Гуйлинь, где я сосредотачивал войска для Северного похода – и предложил сотрудничество в проведении в жизнь моей политики воссоединения страны. [33]

Союз с Чжан Цзолинем имел помимо всего прочего и весьма существенную материальную подоплеку: тот согласился субсидировать деятельность Сунь Ятсена.

Сначала через заместителя командующего военно-морскими силами Северо-Востока Шэнь Хунле он передал д-ру Суню 600 тысяч юаней серебром, за которыми вскоре последовали новые суммы. В инструкциях Ван Цзинвэю, отправившемуся на Север, Сунь Ятсен требовал во что бы то ни стало договориться с Чжан Цзолинем о предоставлении дополнительной помощи. Позднее в своем письме к Чжану возвратившийся в Кантон д-р Сунь благодарил щедрого союзника за оказанную ему поддержку деньгами и оружием.

В свете вышесказанного не следует удивляться тому, как теперь Сунь Ятсен характеризовал своего благодетеля:

Чжан Цзолинь – китаец и непостижимо, чтобы он мог испытывать желание увидеть порабощение своей страны чужой державой или работать для этого. Я не верю, что он – агент японцев. [34]

Однако в 1925 году, приехав по приглашению Чжан Цзолиня в Пекин, Сунь Ятсен обнаружил, что обманулся в своих ожиданиях. Он признался своему советскому советнику М.М. Бородину:

Я Чжан Цзолиня раньше не знал, мне интересно было выслушать его мнение по всем вопросам без того, чтобы убеждать в чем-либо человека, с которым мы стоим на разных полюсах. [35]

Злейший враг, “главарь банды убийц”, разговаривать с которым можно было лишь на языке пушек, ставший затем единомышленником, в конце концов вновь оказался идейным антиподом чрезвычайного президента Китая.

Но собирался ли президент возвращать своему прежнему союзнику взятые у того деньги, д-р Сунь не упомянул.

“... Нас ожидал Чжан Цзолинь. Судя по его прошлому, мы приготовились увидеть здорового бандита с громадными ручищами и пастью. На поверку он оказался щупленьким человечком с маленькой бритой головой, злыми и недоверчивыми глазами и так называемой заячьей губой ...”

(М. И. Казанин)

Заграница нам поможет

Блокируясь во имя достижения высшей цели то с одним, то с другим милитаристом, Сунь Ятсен, как говорят китайцы, ходил на двух ногах, стремясь одновременно с этим заручиться поддержкой какой-нибудь “хорошей” иностранной державы, которая помогла бы ему противостоять всем остальным, “плохим”.

В 1900 году в Китае вспыхнуло т. н. “боксерское” восстание, главное острие которого было направлено против хозяйничавших в стране иностранцев. Державы воспользовались этим как предлогом для прямого вмешательства в дела громадной, но на глазах становившейся бессильной империи. Патриоты, тщетно пытавшиеся организовать сопротивление европейским войскам, штурмом взявшим столицу, кончали в те дни самоубийством.

Сунь Ятсен в это время также находился в Пекине, но был занят другими делами. Он попросил аудиенции у французского посла в Японии Жюля Армана, и тот не счел нужным ему отказывать. Внимательно выслушав все, что сказал ему д-р Сунь, он составил для себя положительное суждение об этом “информированном и интеллигентном китайце”. [36]

А разговор шел о том, что революционеры во главе с Сунь Ятсеном стремятся свергнуть маньчжурскую династию и учредить в Китае республику. Однако они испытывают недостаток в деньгах и оружии. Так не могла бы Франция – благо ее войска уже находятся здесь – оказать революционерам необходимую им военную помощь? В качестве компенсации она в случае успеха восстания получит выгодные концессии на Юге страны. [37]

Арман был в некотором замешательстве. Он стал говорить Сунь Ятсену о том, что его страна не оказывает поддержки революционерам, свергающим дружественные ей правительства. Однако, если планы революционеров осуществляются, Франция может установить с новой властью дипломатические отношения. В конце разговора Арман согласился написать генерал-губернатору Индокитая Полю Думеру, с которым Сунь Ятсен намеревался встретиться в Ханое.

Однако Думер тогда уже покинул Индокитай, и Сунь Ятсену пришлось встречаться с его заместителем. Эти контакты не принесли желаемого результата.

В последний раз д-р Сунь попытался сговориться с Францией в сентябре 1911 года, после того, как находясь в США он из газет узнал о выступлении революционной армии в Учане.

Сунь Ятсен срочно выехал в Китай, остановившись по дороге в Париже. Там он встретался с директором Индокитайского банка С. Симоном и просил его о предоставлении займа правительству, которое вскоре должно было быть создано. Однако банкир пояснил просителю, что речь о займе сможет пойти только после того, как новое китайское правительство будет признано державами. В дальнейшем дела отвлекли Сунь Ятсена от этой идеи, а когда он по собственной воле уступил пост президента Юань Шикаю, признание державами правительства Китайской Республики стало лить воду на мельницу его врагов.

Следующей на очереди была Германия. В июне 1917 года, когда Сунь Ятсен сосредоточил все свои силы на борьбе против Дуань Цижюя, он вел с германскими дипломатами в Китае секретные переговоры. Они завершились соглашением о том, что Берлин окажет южному правительству материальную помощь в обмен на то, что Сунь Ятсен сделает все от него зависящее для того, чтобы воспрепятствовать вступлению Китая в войну на стороне Антанты.

Немцы свое обещание выполнили, передав доктору Суню два миллиона юаней. Выполнил свое обещание и сам Сунь Ятсен: он опубликовал небольшую брошюру “Вопрос жизни и смерти Китая”. В ней он доказывал, что вовлечение его страны в мировую войну принесет китайцам лишь новые бедствия.

Но Дуань Цижюю удалось настоять на объявлении войны Германии и она надолго утратила интерес к главнокомандующему вооруженными силами Южного Китая. А через некоторое время южное правительство последовало примеру Пекина и также объявило войну Германии.

Германия вновь стала привлекать внимание Сунь Ятсена в 1921 году, когда у него возник план создания союза трех стран – Китая, Германии и Советской России. Его теоретическим основанием стало соображение о том, что все эти страны могут объединиться ввиду их приниженого положения в мире (имелось в виду, что Китай по-прежнему связывают неравноправные договоры, Германия подписала унизительные для нее условия Версальского договора, а Советскую Россию пока не признало ни одно правительство).

Сунь Ятсен послал в Германию своего доверенного Чжу Хэчжуна, который должен был провести переговоры с известным государственным деятелем Паулем фон Хинтце – тем самым, который уже упоминался выше в связи с подписанием Дополнительно-

го протокола к Брестскому мирному договору. Тот долгое время работал в Китае и России и хорошо знал ситуацию в этих странах. Хинтце также вынашивал практически аналогичный план создания германо-китайско-советского треугольника.

Инструкции Сунь Ятсена были направлены Чжу Хэчжуну с пометкой “чем секретнее, тем лучше”. Чрезвычайный президент Китая считал рискованным информировать об этом плане даже свое собственное правительство.

Но письма Сунь Ятсена, в которых он излагал свой замысел, были обнаружены и опубликованы в одной из гонконгских газет бывшим сподвижником д-ра Суня, ставшим к тому времени его злейшим врагом – Чэнь Цзюньмином.

Друзья Сунь Ятсена вновь (в который уж раз!) были шокированы и высказывали сомнения в достоверности этой информации. Но лидер Гоминьдана на этот раз не стал отрицать подлинность письма и дал интервью шанхайской газете, в котором досказывал пользу своего плана для будущего Китая.

Некоторое время перспективы тройственного союза обсуждались в китайской печати, но Хинтце был скомпрометирован разоблачениями и отошел от участия в разработке плана.

В 1922 году Сунь Ятсен приходит к выводу о том, что помочь Китаю сможет лишь Советская Россия. Ориентация на Москву оказала решающее влияние на политику Гоминьдана. Но этому предшествовал длительный период, на протяжении которого д-р Сунь возлагал на большевиков весьма специфические надежды, связанные с его грандиозным планом военного сотрудничества двух стран.

Северо-Западный план

В партийном архиве Гоминьдана в Тайбэе хранится любопытный документ – письмо Сунь Ятсену, адресованное ему неким Чжан Танем [38]:

Высокоцитимый учитель Чжуншань:

Надеюсь, что Вы уже получили и прочли мое предыдущее письмо, переданное через г-на Е. Первоначально я собирался немедленно отправиться в Советскую Россию, но осуществить это намерение мне помешало то, что в настоящее время движение по Сибирской железной дороге прервано, а денег на окружной путь в Москву через Европу у меня не хватает. Мне остается лишь без излишней поспешности заняться уточнением своего плана.

Сейчас цель коренного переустройства нашего государства может быть достигнута только при условии искоренения бюрократического политического строя. А для того, чтобы искоренить бюрократи-

ческий политический строй, есть только один путь – осуществление социализма. Если же наша партия стремится к осуществлению социализма, ей прежде всего необходим политический плацдарм.

Посмотрим вокруг – повсюду хозяйничают разбойники-бюрократы. Чиновники на Юге и на Севере – все одного поля ягоды. И лишь на территории трех северо-западных провинций они не располагают достаточной военной силой, и там у нас есть возможность воспользоваться этим. К тому же эти места граничат с Россией, где осуществляется социализм и вполне естественно отсутствует стремление к территориальным захватам. Поэтому оттуда нетрудно будет заручиться помощью, диктуемой солидарностью.

Я только что получил письмо от своего друга из Синьцзяна. Он пишет, что правительство Ленина собрало несколько десятков тысяч китайских рабочих и обучает их. Если бы во главе их стал офицер-китаец, под командованием которого они вступили бы в Синьцзян, три провинции – Шэньси, Ганьсу и Синьцзян – могли бы быть мгновенно захвачены. После этого мы обратились бы ко всей стране с призывом к социализму.

И тогда, пожалуй, появилась бы надежда на низвержение бюрократического политического строя. Иного средства для радикального спасения Родины нет! Если мы сами как можно скорее не установим контроль над западной частью нашего государства, она в будущем неизбежно будет захвачена Англией, а наше нынешнее разбойничье (пекинское) правительство наверняка не сможет сохранить его для народа нашей страны.

Заслуживает ли вышесказанное внимания? Не сочтите, Учитель, за труд высказать свои указания на сей счет. У меня далеко идущие намерения, да возможности мои ничтожны.

Если бы я мог заручиться согласием Учителя, то был бы готов тут же последовать за Вами, подобно мухе, севшей на хвост скакуна.

Написанное не выразило всего, что я хотел сказать.

Почтительно желаю всего наилучшего.

Чжан Тань. 8 сентября.

Перед нами, несомненно, чрезвычайно важный, хотя и весьма загадочный документ, заслуживающий подробного обсуждения.

Прежде всего, в письме излагается план “радикального спасения Родины”, предложенный Сунь Ятсену неизвестным ни ему, ни нам членом партии Гоминьдан по имени Чжань Тань. Суть плана, как мы видели, в том, чтобы использовать создававшиеся в то время в Советской России формирования китайских добровольцев, с их помощью занять три северо-западные провинции Китая и создать там “политический плацдарм” для борьбы с силами реакции.

中山先生鈞鑒

前由葉君轉上一函諒已接閱
矣 呈本擬即行起程赴新

奈以現在西比利亞鐵路未能
通行欲繞道歐洲以達莫斯科
科又以路費不足而阻只好
俟籌方策耳

Предложение Чжан Тяня датировано 8 сентября. Какого года? Автор сообщает, что в то время сообщение по Транссибирской магистрали было прервано. Нормальное движение поездов в Сибири прекратилось с момента чехословацкого мятежа весной 1918 года, а было восстановлено летом 1920-го. Послание Сунь Ятсену должно относиться именно к этому промежутку времени.

Что же ответил адресат на весьма смелое предложение автора письма? Сунь Ятсен написал карандашом на конверте:

Выяснить, кем передано и кто автор письма, составить соответствующий ответ и наградить.

Что может означать эта довольно странная реакция на весьма неординарный план Чжан Тяня?

Сунь Ятсен предписывает одному из своих помощников выяснить, кто автор письма и затем наградить его. В 1918-1920 годах покинувший Кантон Сунь Ятсен был почти лишен средств к существованию. Награждать кого бы то ни было он мог лишь в случае исключительном. Значит, он весьма высоко оценил изложенную в письме идею.

Но, с другой стороны, Сунь Ятсен предлагает кому-то из своего окружения “составить соответствующий ответ”, не уточняя при этом, в чем должна быть суть соответствия. Данное обстоятельство, с моей точки зрения, может свидетельствовать лишь о том, что к моменту получения письма д-р Сунь уже обсуждал со своими сторонниками нечто подобное предложенному Чжан Тянем.

Для такого вывода, как мне кажется, есть некоторые существенные косвенные данные.

28 января 1918 года Сунь Ятсен, выступая на банкете в Кантоне, заявил:

Отныне ситуация в нашей стране требует внимания к Северо-Западу. Если нынешнее революционное правительство России сможет укрепить свое положение, мы можем ожидать в этом районе больших изменений. [39]

Ту же самую мысль он высказывает 13 марта того же года в телеграмме Хуан Фушэну, своему стороннику в провинции Сычуань:

С точки зрения борьбы войск, сражающихся за справедливость, и будущих сношений с Россией непременно следует обратить внимание на Северо-Запад. [40]

Во второй половине 1920 года в Шанхае побывал некто Федоров, он же Лю Цянь. Позднее он докладывал Амурскому обкому

謹煩轉交

中山先生 台啟

內詳

查明何人交來並寄
信者幫人送後酌者
獎勵

Резолюция, начертанная д-ром Сунем на письме Чжан Тяня

РКП(б), что якобы заключил с Сунь Ятсеном соглашение следующего содержания:

- а) Немедленное объединение революционных китайских сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно – в полном контакте могли подготовить почву для выступления против существующего на Севере реакционного правительства;
- б) для этого необходимо иметь руководящий центр на территории Дальнего Востока...;
- в) местом концентрации войск, имеющихся в Советской России, и Южного Китая намечена провинция Синьцзян, на границе Семипалатинской и Семиреченской областей, что около Китайского Туркестана, где в настоящее время идет частичная вербовка добровольцев. По стратегическим соображениям это место является одним из лучших, откуда бы могли свободно двинуть войска на Север. [41]

Хранящиеся в Тайбее материалы личного архива Сунь Ятсена свидетельствуют, что еще в 1919 году он высказывал мысль

о том, что в будущем базой Гоминьдана должна стать Сычуань. В этой связи он наводил справки о том, какими конкретными ресурсами обладает данная провинция. [42]

О грядущей роли Сычуани в осуществлении плана свержения Пекинского правительства мы вновь узнаем из донесения упоминавшегося выше Соколова-Страхова, побывавшего в конце 1920 года в Шанхае. Самого Сунь Ятсена там он не видел, но был посвящен в суть плана, вынашивавшегося лидером Гоминьдана. В своем отчете Соколов-Страхов писал следующее:

Военный договор, который мыслил заключить д-р Сунь Ятсен, сводился к тому, чтобы Красная Армия начала свое наступление весной со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань. В этой провинции... числилось около 40 тыс. членов партии Гоминьдан, которые подготовлены к такому обороту дел и с радостью встретят Красную Армию. [43]

Сопоставление всех этих данных позволяет утверждать, что еще в 1918 году у Сунь Ятсена созрел план военного похода на север с целью свержения Пекинского правительства. Главная роль в этой операции предназначалась частям Красной Армии, которые должны были включать в себя подразделения добровольцев из числа китайских иммигрантов.

В конце 1919 или в самом начале 1920 года с Сунь Ятсеном встретился редактор издававшейся в Шанхае прокоммунистической газеты "Труд" Н. Матвеев-Бодрый. Вскоре после этого он отбыл в Москву. Хотя в настоящее время не найдено документальных свидетельств этому, не исключено, что именно Матвеев мог стать первым посредником между Сунь Ятсеном и Лениным, передавшим большевистскому руководству содержание "Северо-Западного плана".

Здесь необходимо отметить еще одну важную особенность, определявшую степень активности Сунь Ятсена по части подготовки почвы для осуществления своего плана. Каждый раз, когда он терпел очередную неудачу и оказывался вынужденным покинуть Кантон, д-р Сунь возлагал надежды на военную помощь Советской России. Напротив, возвратившись на юг и укрепив там свои позиции, он начинал думать в другом направлении, делая ставку прежде всего на официальное признание своего правительства Америкой и другими великими державами.

В соответствии с этой закономерностью, первый период, когда Сунь Ятсен активно стремился заручиться согласием Ленина на

отправку частей Красной Армии, приходится на 1919-1920 годы. Затем последовал спад его “северо-западной” активности: в конце 1920-го д-р Сунь вернулся из Шанхая в Кантон и был избран там чрезвычайным президентом Китая. Так продолжалось до лета 1922 года, когда д-р Сунь опять был вынужден бежать из Кантона. Он вновь вспомнил о своем первоначальном плане и стал убеждать Иоффе:

Я должен отметить, что, ведя переговоры с Пекином, Вы практически соглашаетесь с аргументом капиталистов, будто в разрешении китайского вопроса должен был принят способ медленных, постепенных изменений, который называют эволюцией, вместо того метода, который можно назвать советским методом революции... Я могу сейчас двинуть почти сто тысяч человек из Сычуани через Ганьсу во Внутреннюю Монголию и в конечном итоге получить преобладание на исторической линии наступления, которая лежит к северо-западу от Пекина. Но мы хотим получить помощь в виде вооружения, боеприпасов, техники, специалистов и т.д. [44]

Однако если в 1922 году Сунь Ятсен вновь вспомнил о своем “Северо-Западном плане”, то это значит, что в 1920 году этот план не был осуществлен.

От тайги до британских морей

Армия – отвергнутая и созданная вновь

Разрабатывая накануне Октября проект будущего государственного устройства послереволюционной России, Ильич исходил из того, что среди наиболее важных задач победившего пролетариата наиважнейшими будет слом бюрократической правительственной машины (с передачей всех функций управления страной непосредственно трудящимся, включая кухарок), а также ликвидация полиции и армии. Согласно теории вождя социалистической революции, регулярная армия была в России необходимым атрибутом буржуазного государства, орудием в руках эксплуататорских классов. После победы пролетариата она поэтому подлежала ликвидации.

Когда социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, наконец совершилась, Ленин заявлял в полном соответствии со своими первоначальными теоретическими выкладками, что главной задачей победившего пролетариата было вооружение народа и отмена регулярной армии.

Но не прошло и нескольких месяцев, как в научную теорию государства и революции пришлось внести принципиально важные коррективы. Коренным образом пересмотрев свои прежние взгляды, которые он еще недавно считал единственно правильными, Владимир Ильич 16 января 1918 года потребовал создания рабоче-крестьянской армии для устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров.

Правда, вновь создаваемая пролетарская армия, по мысли вождя, должна была принципиально отличаться от своей предшественницы царского времени. Ее надлежало строить на следующих

основополагающих принципах: Красная Армия должна быть целиком добровольной, состоять из испытанных революционеров, причем каждому бойцу следовало отвечать за политическую благонадежность своих товарищей.

Главком Н. Крыленко рьяно взялся за дело. Была введена система выборности всех командных должностей, воинские звания были отменены.

Но очень скоро выяснилось, что ленинский план создания “революционной” армии нового типа был обречен на неудачу.

“Добровольцев” привлекали не столько соображения идейного порядка, сколько положенное им высокое жалование.

Не приученный исполнять приказы командира и экипированный самым немислимым образом, но все-таки кое-как вооруженный “человек с ружьем” очень скоро вполне уяснил себе, какую пользу он может извлечь из своего нового положения. Проблема красноармейского мародерства стала настолько серьезной, что впоследствии для того, чтобы призвать свою армию к порядку, советским властям пришлось обращаться за помощью к ... немецким войскам. [45]

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в февралемарте 1918 года в руководстве Республики начались жаркие дискуссии между сторонниками “революционной армии” и теми, кто выступил за создание регулярных вооруженных сил.

Нужно отдать должное Ленину – он не стал упорствовать в своих прежних заблуждениях и, совершив очередной зигзаг, со свойственной ему энергией обрушился на тех, кто продолжал настойчиво отстаивать его первоначальную идею.

9 марта 1918 года Совнарком принял постановление о формировании Красной Армии на новой, регулярной основе. Крыленко и Подвойский в знак протеста подали в отставку, пост наркомвоенмора занял Троцкий.

Задача, стоявшая перед ним, была не из легких. Необходимо было решить по меньшей мере три главные проблемы: ввести жесткую воинскую дисциплину; одеть вновь созданную армию; обеспечить ее квалифицированным командованием.

Троцкий со всей своей целеустремленностью и каким-то даже ожесточением обрушился на уже сложившиеся в только что созданной Красной Армии настроения “разбойной вольницы”. В своем бронепоезде он разъезжал по фронтам, много и подолгу выступал.

Первые формирования Красной Армии были совершенно непохожи на то, что ассоциируется в нашем сознании со словом “армия”.

Горячо и убедительно доказывая, что без железной дисциплины Красная Армия обречена на неминуемое поражение, Троцкий твердой рукой наводил в войсках революционный порядок, безжалостно карая любые проявления разгильдяйства. Казалось, что его голос, охрипший от непрерывных яростных речей, был слышен повсюду. Репрессии, заявлял Троцкий, должны следовать немедленно за нарушением дисциплины, ибо они преследуют “воспитательные” цели.

Нелегкой задачей было оснащение и вооружение новой армии. Но наиболее бурные страсти разгорелись по вопросу о том, откуда взять опытных и сведущих в военном деле командиров.

Троцкий ответил на него однозначно: отменить выборность командного состава как не отвечающую требованиям переживаемого момента и впредь использовать перешедших на сторону советской власти кадровых офицеров царской армии.

Сама эта идея, которую сразу же поддержал Ленин, звучала для иного большевика кощунственно. Крыленко и Подвойский продолжали бороться как могли.

“С Троцким – умереть в бою, выпустив последнюю пулю, в упоении не чувствуя ран, с Троцким – святой пафос борьбы, слова и жесты, напоминающие лучшие страницы Великой французской революции!”

(Л. Рейснер)

Они обратились в ЦК с письмом, в котором решительно протестовали против передачи ответственных военных постов в “бесконтрольное распоряжение бывших генералов” [46], способных в трудную минуту предать дело революции.

Они вовсе не были одиноки в своей критике линии Троцкого. Против использования в Красной Армии военспецов выступал И. Сталин. Фронтовая коллегия Московского областного комиссариата по военным делам высказывалась не менее категорично:

Является странным, что правительственная Коммунистическая партия, всегда и всюду указывавшая на абсолютнейшую бездарность царских генералов (чего не отрицала в большинстве случаев и буржуазная печать), вдруг стала рьяно защищать таланты тех же самых царских генералов. [47]

Известный компромисс был найден в том, что в Красной Армии отныне вводился институт комиссаров, ответственных не только за идеологическое воспитание рядовых, но и за политическую лояльность бывших офицеров – нынешних красных командиров.

Многим бывшим царским офицерам, поверившим Советской власти и пришедшим служить в Красную Армию, не суждено было избежать расстрела по одному лишь подозрению в предательстве. Но усилиями Троцкого регулярная Красная Армия все-таки была создана.

Маленькая военная база в Туркестане

С самого начала Красная Армия создавалась не только для защиты социалистического отечества. В полном соответствии с концепцией мировой революции она мыслилась как средство разжигания антиимпериалистического пожара за пределами России.

В передовой статье, посвященной решению о создании Красной Армии, газета “Известия” писала, что “полное и окончательное торжество пролетариата немислимо без победоносного завершения ряда войн как на внешнем, так и на внутреннем фронте”. [48]

На каких же внешних фронтах планировали использование Красной Армии ее создатели?

Как мы знаем, вначале основные надежды в этом отношении возлагались прежде всего на развитые европейские страны. Соот-

ответственно, в январе 1918-го в декрете о создании Красной Армии шеренга ее бойцов была обращена лицом на Запад, имея в виду их готовность оказать немедленную “поддержку для грядущей социалистической революции в Европе”. [49]

Летом 1919 года Красная Армия провела успешные операции на Восточном фронте и, овладев Южным Уралом, вступила в пределы Сибири. Открылась перспектива разгрома белогвардейских вооруженных сил в Сибири и на Дальнем Востоке.

В сложившейся ситуации могли существенно измениться и далеко идущие стратегические планы Советской России – авангарда мировой революции.

Троцкий счел в данной обстановке необходимым обратиться 5 августа 1919 года к ЦК со специальным докладом. В нем, в частности, говорилось:

Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера стояло на втором. Иным представляется положение, если мы станем лицом к востоку.

Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским направлениям.

Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может наша армия, которая на европейских весах сейчас еще не имеет крупного значения... Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж Советской революции во всей угнетенной Азии.

Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее Исполкома III Интернационала... Задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации. [50]

В докладе Троцкого был изложен общий стратегический план грандиозного рейда Красной Армии по азиатским тылам империалистических держав с тем, чтобы прийти в Париж и Лондон через Кабул, Тегеран или Хайдарабат.

Но еще до этого на стол Ленина время от времени попадали письма или докладные записки с предложениями, в принципе созвучными с идеей Троцкого.

Так, председатель “Центрального бюро турецких коммунистических организаций” М. Субхи выступал за формирование еще одной Красной Армии – из бывших турецких военнопленных – в качестве главной силы осуществления социалистической революции в Турции. Мысль о создании Мусульманской Красной Армии обосновывалась необходимостью активно вмешаться в процесс революционизации Востока.

Примерно в то же время Ленин получил письмо, адресованное ему председателем ЦИК Совета депутатов Трудового Калмыцкого Народа А. Чапчаевым и заведующим Калмыцким отделом Народного комиссариата по делам национальностей А. Амур-Санном. Они писали:

Стремясь к пробуждению дремлющего Востока и привлечению его к революционному движению, Советское Правительство России поставило себе ближайшей задачей всемерно содействовать освобождению поработанных европейскими империалистами народов Азии и в первую очередь сокрушению Английского владычества в Индии... До настоящего времени более всего беспокойств причиняла Англии северо-западная пограничная полоса Индии с ее воинственными народностями, находящимися в постоянном брожении. Здесь англичанам угрожает опасность со стороны мусульманского мира, и соответственно этому ныне и Советское Правительство России избрало данное направление для воздействия на англичан через посредство агитаторов из мусульман.

Но есть из России в Индию и другой путь, который ведет через буддийский Восток – через Монголию и Тибет... для установления прямых связей между революционной Россией и самыми недоступными для европейцев провинциями собственно Китая через Монголию, и таким образом откроется путь для подготовки в этих провинциях почвы для углубления революции. [51]

Предложения этих товарищей заинтересовали Ленина, и он наложил на этом письме резолюцию: “По-моему, направить к Чичерину для подгот[овки] мер”.

Неизвестно, какие именно меры во исполнение данного предписания начал готовить нарком Чичерин. Но предложение Троц-

кого об организации военной базы в Туркестане, одобренное Ильичом, вскоре начало реализовываться. Ровно через три месяца Ленин, лично державший это дело на контроле, отдал следующее распоряжение члену Туркбюро ЦК РКП(б) Элиаве:

В Туркестане необходимо спешно создать хотя маленькую, но *самостоятельную* базу: делать патроны (станки посылаем), ремонтировать военное снаряжение, добывать уголь, нефть, железо... Денег мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет, если Вы наляжете на то, чтобы покупать (от английских солдат и офицеров, от купцов через Персию и тому подобное) военное снаряжение... Вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать). Оружие, связи с Америкой и с Европой, помощь народам Востока в борьбе с империализмом. [52]

Итак, именно Туркестан в силу его особого геополитического положения был избран Лениным для создания военной базы, откуда в будущем планировалось ударить по тылам империализма.

Непосредственная ответственность за создание такой базы легли на плечи тогдашнего главнокомандующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. В январе 1920 года тот дал телеграмму в Реввоенсовет Республики с просьбой ускорить доставку оружия, так как, по его словам, вскоре “предстоят значительные расходы в связи с организацией революционных войск на территории Персии и Индии”. [53]

Комплектовать необходимые войсковые соединения предполагалось в значительной степени за счет добровольцев из числа зарубежных рабочих-отходников. Однако Фрунзе решительно воспротивился идее создания Мусульманской армии как регулярного воинского соединения со своим собственным штабом. Ссылаясь на мнение Ленина, он настаивал на том, чтобы национальные формирования входили в состав Красной Армии и в разговоре по прямому проводу с Элиавой утверждал:

Никакого отдельного штаба и никакой мусульманской армии быть не должно. По этому вопросу еще раз обменивались мнением с Ильичом... и никаких разговоров быть не может. [54]

В соответствии с этим решением в своем приказе №187 от 25 апреля Фрунзе предписывал “немедленно сформировать... путем набора добровольцев Отдельный персидский интернациональный отряд”. Персидский потому, что именно Персия была избрана в качестве первого пробного плацдарма Красной Армии в Азии.

Персидский вариант в китайском исполнении?

Решение о военной интервенции в Персии было принято в марте 1920 года. Формальным поводом для нее было намерение вернуть Республике военные корабли, угнанные Деникиным в персидский порт Энзели.

Командующий Волжско-Каспийской флотилией Ф.Ф. Раскольников допускал три возможных варианта действий для достижения данной конкретной цели: во-первых, блокада Энзели; во-вторых, высадка там десанта; в-третьих, дипломатические переговоры о выдаче российского флота.

Шахское правительство официально заявило о том, что оно гарантирует возвращение всех судов под русским и азербайджанским флагом. Тем не менее наркомвоенмор Троцкий высказался за немедленное начало военных действий на территории Персии: “Если потребуется десант, он должен быть совершен”. Ленин наложил резолюцию: “Совершенно с этим согласен”. Наркоминделу Чичерину пришлось сделать вид, что он получил ноту правительства Персии уже после того, как Раскольников рапортовал в Москву: “Боевая задача на Каспии выполнена”. Более того, НКВД во всеуслышание заявил о том, что “о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца”, причем осуществлялась она якобы без ведома и согласия Советского правительства.

Операция была завершена, но уже на следующий день губернатору Энзели было заявлено, что советские военные корабли останутся в этом порту и после того, как все российское военное имущество будет из него вывезено. Подобное решение было принято “ввиду восторженного приема красных моряков местным населением”. После этого можно уже было приступить к осуществлению гораздо более масштабного стратегического плана, конечной целью которого было разжечь в Персии пламя революции.

Говоря чисто теоретически, большевики могли иметь в этой стране дело с тремя различными социально-политическими силами.

Первой из них было “законное” правительство страны, возглавлявшееся шахом и признанное иностранными державами. Правительство это не было в состоянии проводить вполне самостоятельную внешнюю политику, поскольку было связано нерав-

ноправными договорами с Великобританией, фактически хозяйничавшей в стране. Тем не менее, Тегеран неоднократно давал понять Москве, что готов к конструктивным переговорам, которые могли бы иметь своим результатом установлением дружественных дипломатических отношений между Персией и Советской Россией. Как мы видели выше, шахское правительство с пониманием отнеслось к намерению Москвы восстановить свою военную мощь на Каспии и гарантировало возвращение угнанного Деникиным флота. В мае 1920 года, когда Энзели уже был захвачен советскими войсками, премьер-министр Восугуд-Доуле протестовал против этой акции, но в то же самое время обещал не допускать пребывания на персидской территории русских белогвардейцев и предлагал начать переговоры о “восстановлении сношений и упрочении дружбы”. В Москву выехал чрезвычайный посол Мошавероль-Мемалек.

С другой стороны, начиная с 1914 года в Персии действовали силы, ставившие своей целью свержение шахского режима и освобождение страны от английского ига. Во главе этого национально-освободительного движения стоял обосновавшийся в Гиляне Мирза Кучек-хан, начавший вооруженную борьбу с Тегераном и завоевавший широкую популярность среди патриотически настроенных общественных кругов в стране. По словам самого Кучек-хана, после Октябрьского переворота он стал возлагать надежды на большевиков как на потенциальных союзников и “стремился войти с ними в связь для успешности борьбы против англичан”.

В свою очередь, политотделы III армии Туркфронта и XIII армии Кавфронта неоднократно направляли к Кучек-хану своих эмиссаров. Еще до захвата Энзели состоялась встреча Кучек-хана с Раскольниковым “для установления будущих взаимоотношений и совместных действий против англичан”.

Наконец, была и еще одна группировка, считавшая и шаха, и Кучек-хана врагами трудового персидского народа. Собственно говоря, дислоцировалась она не в самой Персии, а на территории соседней России, где она и возникла в соответствии с революционными планами Коминтерна. Руководство ЦК Иранской компартии во главе с членом исполкома Коминтерна Султан-заде, исповедовавшим ленинские идеи в их дооктябрьском издании, не имело сколько-нибудь серьезной социальной базы внутри страны. Тем не менее оно рассчитывало использовать вооружен-

ное вмешательство России для захвата власти и последующей советизации Персии. Всю свою стратегию иранские коммунисты строили на убеждении, что “проводить в Персии политику поддержки буржуазно-демократического движения значит толкать массы в объятия контрреволюции”. В этом смысле они оказались более ортодоксальными ленинцами, чем сам Ленин, который теперь страстно воевал с теми, кто придерживался его прежних взглядов, усматривая в их позиции явные признаки “детской болезни левизны в коммунизме”. О том, что вирус этой болезни поразил российских и зарубежных коммунистов с его собственной легкой руки, вождь мирового пролетариата предпочитал не упоминать. Вождь всегда прав – когда он формулирует теорию и когда он делает в этой теории поворот овершлаг.

Как бы то ни было, из трех возможных направлений советской политики в отношении Персии председатель СНК избрал промежуточный, отказавшись полагаться только на возможность общения с законным иранским правительством и в то же время отвергнув домогательства тех своих товарищей по партии, которые, говоря его словами, были “лояльны, но зарвались в левоглузизм до чертиков”. Решено было принять приглашение персидского революционного вождя Кучек-хана и оказать ему поддержку деньгами, оружием и непосредственным присутствием в Гиляне большевистских вооруженных подразделений.

25 мая Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление по данному вопросу; 26 мая Троцкий отдал соответствующие директивы; 30 мая Карахан направил Раскольникову инструкции НКВД, в которых предписывал ему “сдать территорию в руки Кучек-хана”. [55] Территория в руки Кучек-хана была сдана и на ней образована Гилянская республика, во главе которой встал Реввоенсовет и Совнарком. Кучек-хан торжествовал. 4 июня на массовом митинге в только что освобожденном Реште он выступил с речью, после которой под одобрительные крики толпы обнял и расцеловал стоявших рядом с ним посланцев страны Советов “в знак тесного союза с русскими большевиками”. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках... Но прервемся здесь, когда еще ничто не предвещало Кучек-хану грядущих превратностей судьбы, и обратим внимание на то, что обстановка в Персии была во многом похожа на тогдашнюю ситуацию в Китае.

В 1919-1920 годах Сунь Ятсен воспринимался Москвой как наиболее подходящая фигура, способная возглавить национально-

освободительное движение в Китае. В этом смысле он весьма походил на Кучек-хана, помочь которому Ленин решил как в материальном, так и в чисто военном плане.

“Северо-Западный план” Сунь Ятсена, о котором в Москве стало известно не позднее конца 1919 года,

В одной из частей китайских красноармейцев-добровольцев

советские руководители должны были приветствовать столь же энергично, как и предложение ввести войска в Персию. Просьба о направлении в Китай подразделений Красной Армии, сформированных преимущественно из китайских добровольцев, снимала вопрос о поводе для интервенции: солдаты революции пришли бы на территорию соседней страны не по своей собственной инициативе, а в ответ на приглашение тамошнего, пусть еще никем не признанного, правительства.

Чжан Тань, сообщавший Сунь Ятсену о том, что на территории Туркестана большевики создают китайские подразделения, видимо располагал вполне достоверной информацией. Эти части китайских добровольцев в составе Красной Армии должны были стать ударной силой экспедиционного корпуса, предназначавшегося для вторжения на территорию Китая.

Конкретное содержание “Северо-Западного плана” вполне соответствовало характеру тех военных приготовлений, которые в самом начале 1920 года шли вблизи границы с Китаем.

Казалось бы, план Сунь Ятсена должен был вызвать в Москве полное одобрение. Но все сложилось иначе. Красная Армия не воспользовалась радушным приглашением и не вступила в Синьцзян. Автору “Северо-Западного плана” так и не суждено было увидеть осуществленной свою мечту объединения Китая с помощью красноармейских штыков.

Почему? В старинных китайских романах в подобных случаях обычно говорится: если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Прочем, рассказ об этом придется начать издалека.

Часть вторая

**13-Й
ВОСТОЧНО-
СИБИРСКИЙ**

Фотографии из семейного альбома

Почему люди становятся китаистами

Однажды меня спросили: как и почему я стал заниматься Китаем? Этот вопрос вернул меня в далекие годы моего детства. В самом деле, что же в конце концов привело меня в китаеведение? Причин, определивших выбор моего жизненного пути, по всей видимости было несколько.

Одна из них, помнится, заключалась в том, что у моей старшей сестры Нины в те годы был знакомый – студент Института востоковедения. Он, если не ошибаюсь, изучал персидский язык и часто рассказывал о прелестях своей будущей профессии. По его мнению, каждый уважающий себя мужчина должен был стать востоковедом. Он убеждал меня последовать его примеру, добавляя при этом, что если уж выходить на ориенталистическую стезю, то специализироваться нужно, разумеется, в области иранской филологии. Это – идеальный вариант; не исключаются также более прозаические специальности, например, монгольский или малайский языки.

Но есть здесь и безусловные табу:

– Не вздумай поступить на японское или китайское отделение, а не то твоя песенка будет спета!

– Да почему, собственно? – допытывался я.

Мой идейный наставник был лаконичен: человека, взявшегося за изучение китайского или японского языков, доконают иероглифы.

Но этот аргумент, как ни странно, возымел прямо противоположное действие. Мне стало интересно: неужели и в самом деле нормальный человек не может научиться читать эти странные на-

громождения черточек, похожие на охапки свеженаколотых дров?

В отцовской библиотеке я нашел том “Большой советской энциклопедии” со статьей “Китай”; в ней были приведены образцы этой странной экзотической письменности. Я взял тетрадку и стал перерисовывать их в нее один за другим, тщетно пытаясь понять внутреннюю логику их замысловатой структуры.

Потом я стал читать о китайской письменности все, что только мог найти. Мне попались на глаза размышления профессора В.С. Колоколова о том, что иероглифика кажется “китайской грамотой” только непосвященным; в действительности же она обладает преимуществами перед алфавитным письмом и в будущем, быть может, станет прообразом новой единой системы письма, которая объединит все человечество.

Одновременно заинтересовался я прошлым Китая.

В свое время, начиная с седьмого класса, я увлекался российской историей. Алексей Иванович, наш учитель истории, принадлежал к благородному клану тех энтузиастов своего предмета, которые стремятся привить ученикам умение и желание мыслить, а не просто зазубривать параграфы учебника. Он готов был простить нам забытую дату, а о наших познаниях в области истории судил по домашним сочинениям, которые мы регулярно должны были писать. Несколько таких сочинений случайно сохранилось у меня, и перелистывая их как-то на досуге, я вспомнил забавный случай, связанный с ними.

Сочинения по истории я всегда писал со всей серьезностью, предварительно прочитывая дополнительную литературу, тщательно подбирая звучные эпитафии и даже украшая их своими собственными рисунками. Алексей Иванович чувствовал, что я делал это не для галочки, а из уважения к его любимой профессии, и поощрял мой интерес, регулярно ставя мне “пять с плюсом”. Со временем я так привык к этому, что однажды, раскрыв свою тетрадь и увидев в ней “пятерку”, был неприятно удивлен и даже обижен. “Ведь хорошее же сочинение, – с досадой подумал я про себя, – так почему же на этот раз просто “пять”?”

Так вот, оставаясь верным своей первой привязанности, я в восьмом-девятом классе стал более или менее систематически читать литературу по истории Китая. Меня поразил тот факт, что эта страна – одна из самых древних и при этом единственная на планете, фактически не знавшая перерывов в развитии своей

культуры. Проходили века и даже тысячелетия, страна подвергалась нашествиям иноземцев, но нечто, изначально заложенное в основе этой удивительной цивилизации, упрямо продолжало давать о себе знать. Другого подобного примера из мировой истории я привести не мог.

К десятому классу я уже твердо решил поступать на китайское отделение Института востоковедения, что в Ростокинском проезде.

Происходившие в мире события тоже вполне соответствовали этому моему решению: осенью 1949 года на карте появилось новое государство – Китайская Народная Республика, новости из Китая были у всех на устах. Константин Симонов печатал свои репортажи с берегов Янцзы.

Все это создавало ощущение, что там сейчас свершается нечто грандиозное, историческое, заслуживающее пристального внимания. Вот бы взглянуть на все это собственными глазами, почувствовать себя сопричастным великим событиям!

Но была и еще одна причина того, что, казалось, какая-то неведомая сила влекла меня ко всему китайскому. Это было что-то неясное, неопределенное, незримо присутствующее в нашей квартире. Это нечто постоянно напоминало о далекой загадочной стране и об одном человеке, всю жизнь изучавшем ее.

Смутные воспоминания детства

Образ этого человека также был окутан какой-то тайной. Когда я был еще совсем маленьким, в нашей семье почти никогда не говорили о нем, а когда его имя все же упоминалось, разговор вдруг как-то неожиданно обрывался. С детства я исподволь привык к тому, что напрямую спрашивать о нем моих родителей было почему-то нельзя. Почему именно, я не знал. Но эта загадочность постоянно волновала воображение и влекла к себе.

Этот человек был моим дядей, братом моей мамы. Звали его Михаилом Георгиевичем; меня называли Мишей в его честь, и это было еще одной незримой нитью, навсегда связавшей меня с тем, о ком я в сущности почти ничего не знал.

В нашей квартире о дяде Мише постоянно напоминал лишь один предмет, стоявший у нас в шкафу, – маленький серебряный стаканчик, на внешней поверхности которого был изображен из-

вивавшийся дракон с острыми когтями и блестящей чешуей. Мама говорила, что он был привезен дядей из Китая.

Мама была родом из Астрахани. Она родилась в простой семье: ее отец, мой дедушка, отчество которого я не помню, в молодости был рыбаком, а потом работал счетоводом в рыбачьей артели. Бабушка занималась домашним хозяйством и воспитанием детей.

Семья была большая, Михаил Георгиевич был старшим сыном, а кроме него в ней было еще шестеро детей. Двух самых младших не стало в раннем детстве, всех других я знал по именам и представлял их себе в разном возрасте по фотографиям в семейном альбоме.

Следующей после дяди Миши шла тетя Ася, когда-то учившаяся в Швейцарии и свободно владевшая несколькими иностранными языками. Когда в 1950 году я поступил в Институт востоковедения и помимо китайского стал изучать английский язык (в школе мы учили немецкий), тетя Ася часто присылала мне из Риги интересные книги об Англии, которые я до сих пор перечитываю, и писала мне письма по-английски.

За ней следовала моя мама Нина Георгиевна, которую дядя Миша называл “милой сестренкой Ниночкой”.

Я смотрю сейчас на ее фотографию и вспоминаю, что с раннего детства мама казалась мне самой красивой, самой доброй и самой справедливой на всей земле. Когда я умышленно или по недоумию совершал что-то, что огорчало ее, она никогда не ругала и тем более – не наказывала меня. Но стоило мне ощутить на себе взгляд ее добрых глаз, как на меня сразу же находило прозрение и я давал себе слово никогда больше не причинять ей неприятностей.

Когда я вместе со своими товарищами попробовал затянуться папироской, она сказала мне только одну фразу: “Это, конечно, твое личное дело, но не советую тебе заниматься этим”. С тех пор я так и остался лишенным удовольствия насладиться “Беломором”. Моя мама была учительницей и преподавала биологию в школе, где между прочим училась Зоя Космодемьянская.

Затем шли двое младших ее братьев – Павлик и Костя.

Павел Георгиевич служил в армии, в Отечественную был начальником штаба полка и кавалером нескольких боевых орденов. После войны он поселился в Риге.

Дядя Костя, напротив, избрал себе сугубо гражданскую профессию, став инженером-мелиоратором. Он жил со своей семьей

сначала в Благовещенске, затем в Самарканде, а потом в Алма-Ата. Когда во время войны нас эвакуировали в Казахстан, мы на некоторое время нашли приют у дяди Кости.

Между дядей Костей и мамой существовали особенно теплые и нежные отношения, целиком распространявшиеся по маминым словам и на дядю Мишу. Он был любимым старшим братом, мама – его милой сестренкой, а удивительно ласковый и добрый Костя – младшим из детей и всеобщим любимцем.

Мама однажды рассказала мне, что когда дедушка тяжело заболел и понял, что ему уже не встать с постели, он позвал своего старшего сына и сказал ему:

– Миша, скоро на твои плечи лягут заботы обо всей семье. Кроме тебя ей не на кого надеяться. Мой тебе совет: иди в армию. Станешь офицером – сумеешь прокормить и поставить на ноги всех своих сестер и братьев.

В действительности же в те времена профессия российского офицера отнюдь не была ни привилегированной, ни способной обеспечить безбедное существование: пехотный поручик получал оклад в размере 41 рубля 25 копеек в месяц, что составляло немногим больше заработка квалифицированного рабочего.

Но дядя Миша исполнил отцовскую волю. После окончания в 1901 году Астраханского реального училища он поехал в Москву и поступил там в Алексеевское военное училище, будучи произведен в портупей-юнкера.

Два года учебы пролетели незаметно. Окончив курс училища в 1903 году, мой дядя надолго связал свою жизнь с армией. Девятнадцатилетний подпоручик стал младшим офицером 1-й роты 13-го Восточно-Сибирского полка.

Как я узнал недавно из архивных материалов, в 1890 году из состава войск Южно-Уссурийского отдела во Владивостоке был сформирован 7-й линейный батальон, на базе которого в мае 1900 года возник 13-й Восточно-Сибирский полк. Вскоре после этого он принял участие в китайском походе – это была совместная интервенция европейских держав, поводом для которой стало боксерское восстание. Младшие чины 13-го Восточно-Сибирского были за это награждены знаками на головные уборы с надписью “За отличие против китайцев в 1900 году”. А в 1903 году полк получил приказ на расквартирование в Маньчжурии, в районе Порт-Артура.

Полк был размещен близ городка Далянь, который по-русски именовался Дальним. Позднее японцы называли его Дайрен, а после Второй мировой войны он снова стал Далянем.

Когда я впервые попал туда несколько лет тому назад, Далянь предстал передо мной бурно развивающимся современным городом, в котором практически ничто уже не напоминало о временах восьмидесятилетней давности. Я было попробовал поехать в соседний Люйшунь, когда-то называвшийся Порт-Артуром, но из этого ничего не вышло: как мне сказали, иностранцам для этого требовалось специальное разрешение, для получения которого нужно было потратить определенное время, а им я тогда не располагал.

Это было очень досадно; мне очень хотелось взглянуть на места, где мой дядя служил в начале века.

В те далекие времена Далянь и Люйшунь были почти русскими городами. Дальний и Порт-Артур стали главными опорными пунктами военного присутствия России на Северо-Востоке Китая.

Важный в стратегическом отношении незамерзающий порт на берегу бухты Люйшунькоу и защищающая его крепость были построены китайцами еще в 1892 году. В тех пор этот лакомый кусочек не давал спать японцам, и уже через два года, разгромив Китай на море и навязав ему позорные условия мира, они захватили крепость вместе со всем Ляодунским полуостровом. Но это не соответствовало планам России, и Японию заставили вернуть этот район Китаю – чтобы еще через три года под давлением Петербурга Пекин согласился сдать в аренду сроком на 25 лет часть Ляодунского полуострова с Люйшунем, который и был переименован в Порт-Артур. Его рейд стал местом постоянной стоянки основных сил российского Тихоокеанского флота. А перестраивавшийся форт должен был стать, как утверждали, одной из самых неприступных крепостей в мире.

Но осуществить план тотального укрепления Порт-Артура российские инженеры не успели.

27 января 1904 года японские миноносцы внезапно атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре и крейсер “Варяг”, стоявший в корейском порту Чемульпо. Объявление войны перед началом военных действий казалось японцам странным европейским обычаем, традиционным самурайским кодексом чести не предусмотренным. Так началась русско-японская война.

А 22 апреля армия генерала Оку высадилась близ Бицзыво на Ляодуне, имея своей целью захват Порт-Артура с суши. Под угрозой быть отрезанными от основных сил, части 4-й дивизии, в состав которой входил 13-й Восточно-Сибирский полк, оставили свои позиции в районе Дальнего и отошли к Цзиньчжоу, где разыгралось первое крупное сражение русско-японской войны.

На сопках Маньчжурии

В нашем семейном альбоме сохранилась вырезка из журнала “Нива” за 1905 год, причинившая в свое время тяжкую душевную травму всем членам семьи и в первую очередь, конечно, бабушке.

В те времена в этом журнале печатали списки раненых, убитых и пропавших без вести в боях с японцами. И вот однажды кто-то из моих родственников, раскрыв очередной номер “Нивы”, вдруг обнаружил там фотографию дяди Миши и сообщение о том, что он, “подпоручик 13-го Восточно-Сибирского полка, был убит миной Уайтхеда при защите Порт-Артура”...

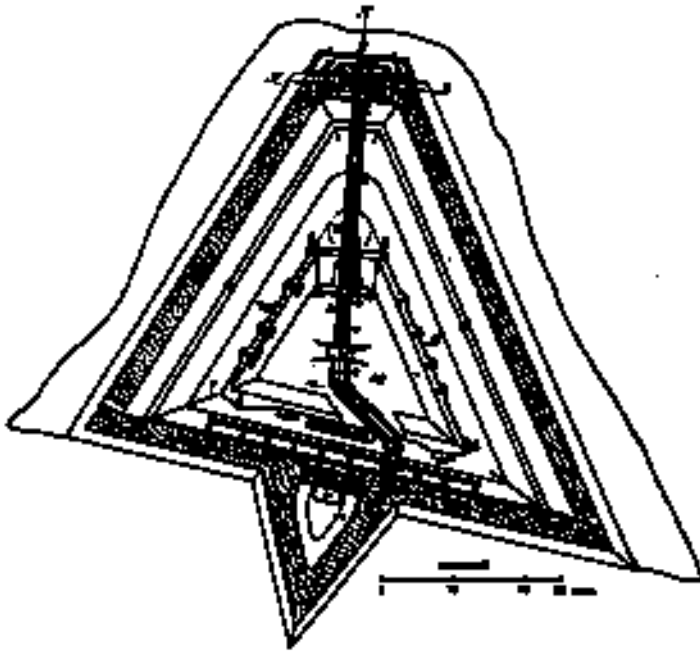
Насколько я могу сейчас судить, мины Уайтхеда широко применялись тогда и русскими и японцами главным образом на военных кораблях. Но позднее в обеих армиях стали использовать эти мины как средство для обстрела позиций противника на суше, для чего как правило использовались специальные приспособления.

Сейчас я не могу точно установить, когда именно взорвалась та самая мина. Тем не менее, проштудировав исследования по истории русско-японской войны и некоторые материалы, хранящиеся в Архиве военной истории, я могу предполагать, что произошло это судя по всему незадолго до падения Порт-Артура.

Под Цзиньчжоу русская армия потерпела первую чувствительную неудачу.

После того как 4-я дивизия под командованием генерала Фока была отведена из-под Цзиньчжоу к Порт-Артуру, ее части после боя 17 июля вступили в крепость. 13-й и 14-й полки были определены в общий резерв и размещены в Новом городе. В дальнейшем подразделения этих двух полков направлялись по мере необходимости на разные наиболее ответственные участки обороны. В результате к моменту сдачи Порт-Артура в 13-м полку осталось в строю лишь 660 солдат – гораздо меньше, чем в каком-нибудь другом.

В первые дни осады обстановка на левом фланге складывалась неудачно для русской армии, и 27 июля под натиском преобладающих сил противника были оставлены позиции на сопках Дагушань и Сяогушань. А в начале августа разыгралось сражение за Угловые горы, в котором приняла участие 2-я рота 13-го полка, командовать которой был назначен Михаил Георгиевич (я узнал это из его послужного списка). Неоднократные штыковые кон-

План укрепления №3

траты позволили ей удержать свои окопы. За эти бои полк, потерявший убитыми 437 человек, был награжден Георгиевским знаменем. Однако после того, как японцы подвергли оборонявшихся усиленной бомбардировке, командование приняло решение покинуть Угловые горы. А вслед за этим начался первый штурм крепости.

Отчаянные попытки противника овладеть укреплением, называвшимся “Китайской стенкой”, и Большим Орлиным гнездом кончились неудачей. 13-й полк был награжден Георгиевскими серебряными трубами с надписью “За отбитие штурмов на Китайскую стенку в Порт-Артуре 8-10 августа 1904 г.”

Неудача августовского штурма заставила японского командующего пересмотреть общий план осады. Было решено начать

Японские станки для метания мин Уайтхеда

минную войну – путем подкопов под наши укрепления попытаться взрывать их на отдельных участках. Между тем, в сентябре погода повернула на холода. Начали иссякать запасы продовольствия. Выдача консервов была прекращена; четыре раза в неделю стали давать конину, а три дня готовить постную пищу.

Ситуация в крепости резко ухудшилась с наступлением октября. Японцы шаг за шагом вгрызались в землю под нашими укреплениями. В это время они впервые стали в массовом масштабе применять ручные гранаты, которые русские солдаты называли “шариками”. Очевидец вспоминал впоследствии, как идет раненый стрелок с позиции в медпункт и сам с собой рассуждает, почесывая затылок: “Никак с им невозможно. Завел какие-то шарики. Начнет их бросать, смотришь, ежели и не убьет, то рука аль нога прочь”. Японские шарики Владимир Ильич вскоре стал рекомендовать участникам вооруженного восстания 1905 года.

21-е октября – день рождения *микадо* и к этому дню японская осадная армия поклялась взять крепость. Но в тот же день готовились к своему празднику – дню восшествия на престол Государя Императора – и русские солдаты. Генералу Ноги в тот раз подарить императору Порт-Артур не удалось.

Тактике японских подкопов обороняющиеся противопоставили ночные вылазки с целью уничтожения минных ходов противника.

И вот что мне удалось обнаружить в одном из описаний порт-артурской страды: на укреплении №3 в ночь на 15 ноября команда охотников 6-й роты 13-го полка произвела вылазку с целью засыпать окоп люнета перед редутом №2. Операцией руководил мой дядя, командир 6-й роты, – это единственное непосредственное упоминание о нем в известной мне литературе об обороне Порт-Артура. [56]

Цель вылазки была успешно достигнута, передовые посты японцев были уничтожены, а подкоп засыпан на 130 шагов. Но здесь охотники наткнулись на другой японский окоп, из которого японцы встретили их сильным огнем. Однако нашим удалось выбить японцев и вернуться к себе, захватив 15 ружей, несколько мешков с патронами и ручными гранатами, а также привести одного пленного японца. Во время этой вылазки Михаил Георгиевич был ранен, но остался в строю. Думаю, что именно за эту вылазку он был награжден первым своим боевым орденом.

В конце ноября пала господствовавшая над городом сопка Высокая и под артиллерийским огнем противника один за другим стали гибнуть корабли эскадры.

В декабре непрерывные штурмы укреплений Порт-Артура продолжались.

С раннего утра 17 декабря японцы стали громить снарядами укрепление №3. На следующий день там раздалось три оглушительных взрыва: детонировали складированные запасы мин.

“18-го декабря японцы штурмовали всю линию укреплений, в особенности укрепление №3 и Скалистый пляж”, – читаем мы рассказ участника этих боев. – “На укреплении №3 они взорвали минную галерею. Почти весь его гарнизон погиб”. [57]

18 декабря во время штурма укрепления №3, судя по всему, и произошел взрыв той мины Уайтхеда, о которой писала “Нива”.

От японской до первой мировой

В Стране Восходящего Солнца

Но в тот раз дяде Мише, оказывается, все же не было суждено умереть. Когда в нескольких метрах от него разорвалась мина, смерть заглянула ему прямо в лицо, но, смилостивившись, отступила. Тяжело раненый и потерявший сознание подпоручик оказался в госпитале, где после сдачи Порт-Артура попал в руки японцев.

... В начале 80-х годов во время очередной командировки в Японию меня занесло на остров Сикоку, в город Мацуяма. Там во время русско-японской войны размещался один из лагерей российских военнопленных. Мне было известно, что Михаил Георгиевич остался в живых и попал в плен при взятии Порт-Артура, но где именно ему довелось провести срок своей неволи, я не знал. Фукуока, Мацуяма, Нагасаки, Киото... Во всех этих городах во время русско-японской войны существовали лагеря для военнопленных, и во всех этих городах мне довелось побывать. Но только в Мацуяме я, как мне казалось, напал на след своего дяди.

В Мацуяме я случайно познакомился с писателем Сайками Токио, специально изучавшим историю пребывания в Японии русских пленных и написавшим об этом книгу. Сайками-сан с большим интересом выслушал историю Михаила Георгиевича и высказал предположение, что местом его заключения был именно город Мацуяма.

Дело в том, что доставленных в Японию русских солдат и офицеров распределяли по различным лагерям в зависимости от времени и обстоятельств, при которых они были взяты в плен. Защитники Порт-Артура содержались главным образом в Мацуяме.

Там же жили моряки, спасшиеся после гибели “Варяга”. Впрочем, они находились на особом положении, так как строго говоря не были военнопленными: их подобрала не японские, а французские корабли, и лишь позднее они были переданы в руки своих врагов.

Сайками-сан показал мне несколько исторических мест, связанных с пребыванием в Мацуяме русских. Может показаться невероятным, но на стенах храмов, где за неимением специальных помещений держали солдат и матросов, до сих пор сохранились сделанные карандашом надписи на русском языке. А баней пленникам служили местные горячие источники; один из них был отведен специально для офицеров.

Однажды мой новый знакомый повел меня туда. Когда мы после купания сидели в мягких *хаката* и пили пиво, он указал на бассейн, из которого мы только что вылезли, и доверительно сказал мне: “Судя по всему, вот сюда сорок лет тому назад раз в неделю приходил Ваш дядя...”

Я вернулся из Японии воодушевленный мыслью о том, что мне удалось соприкоснуться с чем-то, имеющим прямое отношение к моему родственнику, судьба которого меня все больше и больше интересовала. И лишь много лет спустя мне стало ясно, что я ошибся. Михаил Георгиевич никогда не бывал в Мацуяме.

В своих записях, которые мне удалось прочесть совсем недавно, он вспоминал:

Во время русско-японской войны я был тяжело ранен, после падения Порт-Артура попал в плен и перевезен в Японию в г. Инаса близ Нагасаки. [58]

... Город Нагасаки расположился на берегу длинной и широкой бухты, живописно изрезанной причудливыми фиордами и окруженной горными хребтами. У входа в нее, защищая ее от морских ветров, ощетинился пиниями крутой остров Катабоко. К городу примыкали громадные постройки доков и судостроительных верфей. Бухта шумела человеческими голосами, лязгала работающими лебедками, дымила многочисленными трубами коммерческих кораблей. Между крупными океанскими пароходами, стоявшими под флагами разных наций, проворно шныряли маленькие лодки – фунэ. Каждая из них блестела крытой лакированной каюткой, щеголяла приставным носом и была похожа на водоплавающую птицу с вытянутой шеей...

Таким был в начале века один из крупнейших портовых городов Японии – Нагасаки; таким он предстал тогда взору А. Новикова-Прибоя, оказавшегося в японском плену после Цусимского сра-

жения. Таким он был описан в его романе.

На северо-западной стороне Нагасакской бухты, среди скалистого взгорья заросла зеленая деревня Инаса, хорошо известная русскому флоту. За много лет до войны русское правительство сняло здесь в аренду участок земли, на котором были устроены шлюпочный сарай, поделочные мастерские, госпиталь. Над этими постройками господствова-

Японские часовые, охраняющие лагерь русских военнопленных

ло морское собрание, обслуживаемое экономкой Амацу-сан. В нем была бильярдная и богатая библиотека, внутренние стены его украшались портретами адмиралов и офицеров. На одном из холмов возвышалось двухэтажное здание под названием "Гостиница Нева". В западном конце селения расположено кладбище для русских моряков. Офицеры называли Инаса русской деревней. [59]

Вот тут-то, в этой русской деревне, и разместился нагасакский лагерь военнопленных. Здоровые пробыли в нем почти полтора года; дядя Миша вместе с другими тяжело ранеными был освобожден через пять месяцев и кружным путем через Суэцкий канал вернулся в Одессу.

Гранит востоковедной науки

По-разному отзывалась Страна Восходящего Солнца в душах и сердцах тех, кто поневоле оказался на ее земле.

Новиков-Прибой покидал Японию с грустью. Он писал:

Любовь не считается ни с расовым различием, ни с войной; она развивается по своим собственным законам. Встречаясь со мной, Иосие сначала настораживалась, как птица при виде приближающегося охотника, но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу... Я подбирал для нее самые поэтические слова, какие только знал. Она, конечно, не понимала их смысла. [60]

С иными чувствами уезжал из Мацуямы капитан 1-го ранга Г. Селецкий. Свою книгу “646 дней в плену у японцев” он заканчивает словами:

Ненависть японцев и вообще желтой расы к европейцам, а в особенности к нам, русским, – безгранична. Многие это прекрасно знают, но почему-то японская лесть и угодливость часто затуманивают у моих соотечественников чувство осторожности, и они, как бы загипнотизированные, поддаются мысли, что японец может быть другом русскому. [61]

Эта книга по-своему очень любопытна. Она свидетельствует, как трудно человеку, привыкшему к своему традиционному этническому стереотипу и к тому же попавшему в плен к врагу, понять проявления необычной культуры и психологии. Русские столкнулись в Японии с совершенно чуждой им обстановкой, в которой лишь очень немногие смогли подняться над однозначно выраженным презрением к супостату.

А мой дядя писал впоследствии: “Пребывание в плену в Японии толкнуло меня на изучение восточных языков”. [62]

Из Одессы он попал в Петербург, где продолжал курс лечения, а осенью 1906 года вернулся во Владивосток, в свой полк. Вскоре после этого он подал рапорт и, будучи произведен в поручики, откомандирован в Восточный Институт.

В те далекие годы в России было два крупнейших востоковедных центра. Один – в Петербурге, где на Восточном факультете Университета преподавали известные ученые, многие из которых работали и в Императорской Академии наук. В столице были прекрасные библиотечные фонды, уникальные коллекции Азиатского Музея, словом – все необходимые условия для успешного овладения тайнами языка и культуры Востока.

Но и Восточный институт во Владивостоке имел в этом отношении свои несомненные преимущества.

Главное из них – непосредственная близость к странам, которые были объектами изучения – к Японии и Китаю. Студенты Восточного института в отличие от своих петербургских однокашников гораздо лучше знали разговорный язык: у них были преподаватели-носители этого языка, они имели возможность не только поговорить по-китайски и по-японски на городском рынке, но побывать в изучаемой стране на практике. А каждый, кто грыз гранит востоковедной науки, знает, как много это дает.

Дядя Миша изучал во Владивостоке одновременно японский и китайский, а потому один раз побывал на практике в Японии

и дважды в Китае – сначала в 1906-1907, а затем в 1908-1909 учебном году.

Среди профессоров Восточного Института были тогда известные ученые, в числе которых следует упомянуть прежде всего японоведа Д.М. Позднеева, которого Михаил Георгиевич еще застал директором этого института (вскоре он уехал в длительную командировку в Японию).

А начиная с 1907 года Институт возглавил другой выпускник Петербургского университета – только что вернувшийся в Россию после трехлетнего пребывания в Китае профессор А.В. Рудаков. Он был одним из самых известных китаистов того времени. При нем изучение живых восточных языков (прежде всего китайского) стало главной составной частью профессиональной подготовки студентов Восточного Института. Одновременно Рудаков уделял много внимания преподаванию географии, истории культуры и этнографии Китая.

С начала века лицо Института определял в этом отношении и другой крупный востоковед – Н.В. Кюнер. Так же как Позднеев и Рудаков, он окончил факультет восточных языков Петербургского Университета и был учеником академика В.П. Васильева.

Кюнер был известным полиглотом – знал массу западных и восточных языков, да к тому же еще и какие-то малоизвестные диалекты. Тем не менее сам всегда считал себя лишь специалистом по странам Дальнего Востока. Во Владивостоке он преподавал главным образом историю и страноведческие дисциплины. Из-под его пера в начале 20-го века вышли такие монографии, как “Новейшая история стран Дальнего Востока”, “Исторический очерк развития основ китайской материальной культуры в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке” и другие фундаментальные исследования.

Преподавал Кюнер и экономическую географию Китая и Японии. Когда мой дядя слушал Кюнера, он, по-видимому, не предполагал, что через 10 лет после этого ему самому придется читать аналогичный курс лекций.

А японский язык вел тогда в Восточном Институте профессор Е.П. Спальвин, многократно бывавший в Японии и хорошо знавший эту страну и ее обычаи.

И среди студентов, учившихся одновременно с моим дядей, были те, кто со временем вырос в выдающихся востоковедов. Среди

таковых нельзя не упомянуть К.А. Харнского, окончившего Восточный Институт в 1912 году, затем в течение многих лет преподававшего в своей alma mater и ставшего одним из первых советских историков Китая.

Михаил Георгиевич окончил курс вместе с Харнским. Он вернулся в свой полк и вскоре был произведен в чин штабс-капитана.

Нежное весеннее облачко

Не могу сказать наверняка, когда именно и при каких обстоятельствах Михаил Георгиевич познакомился с Аполлоном Александровичем Савиным. Известно лишь, что тот также был офицером, но служил в инженерных войсках. Летом 1915 года он был уже подполковником, то есть опережал моего дядю в продвижении по службе, хотя был старше своего товарища всего на год.

В отличие от моих родственников по материнской линии, Аполлон Савин происходил из семьи потомственных дворян. Его отец Александр Власиевич был военным моряком. На одной из старых фотографий, к сожалению не датированной, отец Аполлона запечатлен в мундире младшего офицера; в конце концов он дослужился до адмиральского чина.

Когда ему было за пятьдесят, случилось несчастье: скоропостижно скончалась его жена, и адмирал остался с маленькой дочкой на руках.

В нашей семье существовало изустное историческое предание о том, что однажды в одном из аристократических салонов Петербурга разговор зашел о несчастном Савине.

– Бедняга, – сказала какая-то великосветская дама, – быть ему теперь до конца дней своих одиноким и всеми забытым вдовцом! Кто же согласится выйти за такого пожилого да еще и с ребенком?

– Я! – раздался неожиданно голосок юной шестнадцатилетней девушки, присутствовавшей при этом разговоре. А когда все в изумлении повернулись к ней, она повторила громко и отчетливо:

– Да, я действительно согласна стать его женой!

Мария Аполлоновна сдержала свое слово: она стала женой адмирала, взяла на себя воспитание его маленькой Шуры, а потом родила ему еще трех детей: сына, которого в память о дедушке назвали Аполлоном, и двух дочерей – Августу и Анну.

Александра была лицом в отца. Аполлон – в мать. Существует поверье, что такое предвещает жизненное везенье. Никому в семье Савиных это сходство в конце концов, увы, не принесло счастья.

Но тогда еще ничто не предвещало надвигавшихся бед. Напротив, абсолютно все складывалось как нельзя лучше. Сначала Александра, а за ней Августа и Анна окончили Смольный, получив приличествующее их происхождению аристократическое образование.

Случилось так, что моя мама познакомилась со старшей из сестер Савиных – Александрой – примерно в то же самое время, когда Михаил Георгиевич подружился с Аполлоном. После окончания Смольного Института Александра вернулась в Астрахань и начала преподавать в гимназии, где училась мама, а затем стала ее классной дамой. Однако тогда ни та, ни другая еще не предполагали, что вскоре они породнятся.

Настала осень 1913 года. С Дальнего Востока в родные пенаты возвратились на время короткого отпуска друзья-однополчане. Аполлон познакомил Михаила Георгиевича со своей семьей. За средней сестрой Августой тогда ухаживал инженер-путеец Володя Барнашвейлев.

А дядя Миша с первого взгляда влюбился в младшую из сестер – Нюрочку.

О том, как развивался тот бурный роман, сегодня можно судить только по случайно сохранившемуся письму, отправленному тридцатилетним штабс-капитаном 28 января 1914 года из Сибири, со станции Песчанка Забайкальской области. Адресовано оно “Ее Высокоблагородию Анне Александровне Савиной, Птичья ул. д. №21 Иванова, г. Астрахань”. [63]

Письмо это написано мелким почерком поперек обычной почтовой открытки. Содержание его на первый взгляд кажется постороннему человеку непонятным и даже загадочным.

Вот оно:

Семь дней... только семь дней осталось до моего экзамена после получения этого письма.

Я подплываю к Сцилле, где все мечтания, все грезы и надежды могут быть похоронены. Каково мое состояние!

Я боюсь не того, что пропадет мой интенсивный труд – в три месяца немислимо хорошо знать тот курс, что надо мне сдать, нет, я боюсь возможности потерять нечто более ценное, чем временная удача и что так же дорого, как сама жизнь. Ведь, срежусь я и прощай все

мечты о встрече и сближении и снова обстоятельства оторвут меня на неопределенное время от осуществления желаний моих и близкого мне человека.

Если случится подобный удар, я уйду... уйду куда-нибудь в Китай или Монголию на летнее время и быть может я порву тогда переписку со всем миром, чтобы пережечь внутри себя неудачу.

Сломит ли она меня? Нет и нет. Возможно, что никто не придет мне на помощь – “творить жизнь”, но я снова засяду за книжку, пробивать себе дорогу. Возьму куски старой жизни и буду творить легенду, насколько это удастся – покажет время. Я не знаю, устал ли я, изнервничался ли, но чувствую я себя отвратительно. Получаются ли мои письма, на последние четыре я не получил ничего. Если на это письмо ответить в день его получения, то я еще могу получить ответ в Чите, перед отъездом в Питер...

Написано в обычном “междустрочном” духе. Мих. П.

О чем это письмо, в котором, по словам его автора, следует читать между строк?

О каком экзамене идет здесь речь? Какой курс прошел он за короткие три месяца?

“Снова засяду за книжку”, – судя по всему речь тут идет не о продолжении учебы, а о том, что участник русско-японской кампании, вероятно, писал воспоминания о войне и плене. Тогда становится понятным, почему он собирался включить в свои записки “куски старой жизни”.

Но в целом смысл письма остается туманным. Намеки, в нем содержащиеся, были ясны и понятны, по-видимому, только двум лицам – автору и адресату.

Единственно приемлемая разгадка ребуса заключается, на мой взгляд, в том, что Михаил Георгиевич сделал предложение своей возлюбленной и теперь, мучаясь неизвестностью, ждал ее ответа.

А ответ все не приходил, и он, находясь на грани отчаяния, готов был уже уйти “на летнее время” куда-нибудь на край света и даже прервать хотя бы только на этот период все свои связи с внешним миром.

Но уезжать ни в Китай, ни в Монголию не пришлось. Начало лета 1914 года Михаил Георгиевич провел в Астрахани, а в середине июня уже плыл по Волге вместе со своей желанной. Это было свадебное путешествие.

Об этом он потом писал Анне Александровне [64]:

Помнишь, любимая, три месяца тому назад мы плыли с тобой по Волге, наслаждаясь счастьем. Глубокий след, быть может память на всю жизнь, оставит в душе у нас это первое совместное путешествие.

Анна Савина – воспитанница Смольного Института

Это была целая гамма ощущений, нежная мелодия еще неведомых, неиспытанных наслаждений.

Нам всё улыбалось. Горизонт перед нашими духовными очами был чист. Наша легкокрылая мечта резво рвалась ввысь, нашептывая нам дивные сказки об уюте и труде совместной жизни. Мы верили в лучшее будущее.

Незаметно, как ночь, назревали события и не успели мы осуществить и каплю наших мечтаний – грянула война.

И теперь я, оторванный от тебя, лишенный твоих ласк, иду на границу – в бой... Иду и уношу с собой благоухание твоих поцелуев в сердце, а в душе своей – нежное воспоминание о твоей любви и мучительную жажду новой встречи. С глубокой грустью я покидаю тебя, моя желанная. В этой грусти скрыта моя любовь, ибо любовь вызвала грусть и сама растворилась в ней. Вечерними сумерками, когда затихает шум дня, я много буду думать о тебе, моя любимая. В эту пору душа моя будет слагать тебе гимны, благодарственные гимны за минувшее счастье, а сердце... сердце будет плакать и томиться о пережитом. Никогда, никто не узнает его слез, лишь я один почувствую их горечь и изобилие.

Прощай, моя грезушка, нежная, как весеннее облачко!

...10 июля австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум. В ответ на него 16 июля Россия объявила о мобилизации в приграничных округах. 18 июля Берлин потребовал приостановить ее; Санкт-Петербург не ответил. На следующий день Германия объявила войну России.

Началась гигантская мировая бойня, стоившая человечеству неисчислимых жертв и во многом предопределившая события, разыгравшиеся в России тремя с половиной годами позже.

Михаил Георгиевич, как кадровый офицер, с самого начала войны оказался на передовой. Попал на фронт Аполлон Савин. Да и Володя Барнашвейлев, хоть был он человеком сугубо штатским, и тот надел военную форму и пошел в армию вольноопределяющимся.

Все трое вернулись домой живыми. Все трое погибли потом каждый от своей пули в один и тот же день и час.

Михаил Георгиевич в 1914 году

Тот самый волжский пароход

России верные сыны

Письмо с фронта

...**Л**ишь совсем недавно мне удалось хотя бы в общих чертах восстановить боевой путь моего дяди, пройденный им за годы первой мировой.

Из его послужного списка, сохранившегося в архиве 13-го Восточно-Сибирского полка (в 1910 году он был переименован в 13-й Сибирский), я узнал, что в первые месяцы войны мой дядя был начальником команды конных разведчиков, а с сентября 1915 года принял командование 11 ротой.

В составе 4-й армии 13-й Сибирский полк участвовал в 1914 году в операциях на Северо-Западном и Северном фронтах. Михаилу Георгиевичу довелось сражаться под Брезинам, Лодзью и Праснышем.

Каким-то чудом в бумагах моей двоюродной сестры Наталии Михайловны Фроловой сохранилось полуистлевшее от времени письмо, написанное им жене с германского фронта в конце января 1915 года [65]:

Милая моя Нюрочка!

У меня к тебе большая просьба. 19-го января у меня в роте тяжело ранило осколком гранаты моего старика фельдфебеля Андрея Владимировича Владимирова. Это тот самый служака доброго старого времени, о нем я тебе много говорил.

Я сказал, чтобы он отправлялся в Москву и дал ему твой адрес. Если ему действительно удастся попасть в Москву, он напишет тебе письмо или же сам придет, смотря по состоянию своего здоровья.

Передай ему, что я представил его к производству в подпрапорщики, что важно для него в смысле пенсии. Купи ему конфет, печенья, кофе в мешочках. Пусть позабавится! Я очень жалею его. С его ране-

нием я и рота понесли тяжелую утрату. Я потерял помощника, а рота – человека, который повел ее...

И лишь отдав распоряжения о том, как следовало позаботиться о старике-фельдфебеле и порадовать его незамысловатыми подарками, командир роты сообщал жене о буднях своей окопной жизни.

Сам он в это время тоже был только что ранен и потому ходил с забинтованной головой. Издали могло показаться, словно он – в турецкой феске.

Ходячий интернационал: сердце русское, голова – турецкая, дух китайский. Вот и разберись, кто это?

Недавно я ночью (ночи лунные) иду по окопу мимо часового – в феске, фуфайка без погонов. Часовой должен был меня опросить, но хохол так был поражен, что только и успел пролепетать: “Цо то за каргына!” Я прошел мимо, не сказав пропуса.

По ночам мы не спим, лишь под утро засыпаем – на рассвете, когда опасность внезапной атаки минует. Хожу я целыми ночами и томлюсь воспоминаниями, как старая дева...

Г-н цензор! Зажмурьтесь, пока я не выскажусь! О, цензор, все перед тобой трепещет, даже русский воин не может высказать своих затаенных мыслей, когда ему не спится.

Крепко целую тебя, моя ласточка, как никогда... как всегда. И этот поцелуй скажет больше, чем слово. Он послужит для тебя шифром моих желаний, которые не расшифрует ни один цензор.

Пиши мне чаще, ты ведь знаешь, как я дорожу твоими весточками, моя возлюбленная, мое нежное благоухающее страдание!

Спустя месяц после этого дядя вновь был ранен, на этот раз тяжело, и эвакуирован в госпиталь. А когда подлечился – получил разрешение съездить на побывку домой, где после столь долгого отсутствия наконец повидался с семьей. Потом – снова фронт, через полгода – снова тяжелое ранение, после которого он, уже командир батальона, “эвакуирован на лечение”. И снова краткие дни пребывания дома – награда за фронтовую доблесть.

Любящему правду, благочестие, верность

Как справедливо отмечал один исследователь военной темы в художественной беллетристике XX в., “русской армии, доблестно воевавшей в первой мировой войне, не повезло в литературе. В течение двух десятилетий, до самой второй мировой войны, она

Фронтная фотография 1915 года

была заслонена, вытеснена из нее темой гражданской войны. Жертвы, равно как и подвиги солдат и офицеров в 1914-1917 годах, были сведены на нет позором Брестского мира. Само участие в этой войне, на которую навесили ярлык “империалистическая”, вызывало долгое время подозрение, особенно к той части интеллигенции, которая носила “царские” погоны и ордена”. [66]

Одно из ярких воспоминаний моего детства: я зачем-то решил выкопать в саду колодец и несколько часов подряд работал своей игрушечной лопаткой, пока она вдруг не наткнулась на что-то твердое, оказавшееся заржавевшей жестяной коробкой. Я с трудом открыл ее крышку и остановился пораженный – блестящий металл крестов, яркие орденские ленты... Побежал домой, чтобы показать маме найденный мною клад, а она была не столько удивлена, сколько испугана моей находкой и строго-настрого запретила мне говорить о ней кому-либо из посторонних...

Много лет спустя она рассказала мне, что после всего, что случилось с дядей Мишей на тринадцатом году советской власти (об этом речь еще впереди), она от греха подальше закопала у нас в саду его “царские” ордена.

Сегодня, когда у меня перед глазами его послужной список, я могу задним число полностью восстановить содержимое той злополучной жестяной коробки.

В ней оказались почти все российские ордена, присуждавшиеся в начале нашего века за боевые заслуги.

Свою первую боевую награду Михаил Георгиевич получил во время обороны Порт-Артура. То был орден Святого Станислава третьей степени с мечами.

Не все сейчас быть может помнят, что орден Станислава пришел в Россию из Польши в 1815 году – после присоединения королевства Польского к русской короне, а вскоре после этого был причислен к общероссийским орденам. Он имел вид небольшого крестика; вокруг помещенного в середине вензеля “S” был выбит девиз ордена: “Premiando incitat” (“Награждая, поощряй”).

Орден Святого Владимира (его девизом было: “Польза, честь, слава”), которого Михаил Георгиевич также был удостоен за храбрость при обороне Порт-Артура, был учрежден еще в 1782 году, а его первым кавалером стал знаменитый русский флотоводец Д.Н. Сенявин.

Одной из самых почетных наград был в русской армии орден Святого Георгия, учрежденный в 1769 году. В отличие от боль-

На побывке дома. 1916 год.

шинства других орденов им награждали исключительно за боевые заслуги – как за проявленную на поле сражения личную храбрость, так и за руководство победоносной операцией. В частности, он мог быть присужден тому, кто “лично предводительствуя войсками, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение”.

С орденом Святого Георгия было прямо связано и так называемое “Золотое оружие” – сабля, на эфесе которой помещалась надпись “За храбрость”. Генералы и офицеры, удостоенные этой боевой награды, причислялись к кавалерам ордена Святого Георгия; во время первой мировой войны она получила название “Георгиевское оружие”.

В нашем семейном альбоме сохранилась помещенная выше фотография 1916-го года, на которой дядя Миша снят во время кратковременного пребывания дома после тяжелого ранения. За личную храбрость, проявленную в боях в Польше, Михаил Георгиевич был удостоен Золотого Георгиевского оружия. Рядом с ним сидит Павлик, также по счастливому совпадению оказавшийся на побывке в Астрахани, а за ними стоят Анна Александровна и Костя, тогда еще ученик Астраханской гимназии.

К тому времени Михаил Георгиевич был уже кавалером орденов Святой Анны трех степеней.

Первоначально этот орден был учрежден в память Анны Петровны, дочери Петра Ш. Награждали им не только офицеров, но и гражданских лиц (помните чеховскую “Анну на шее”!). Святая Анна, присуждавшаяся за боевые заслуги, отличалась от своей тезки тем, что ее восьмиконечная звезда была украшена скрещенными мечами. Ее девизом было: “Amantibus justiciam pietatem fidem”, или “Любящему правду, благочестие, верность”.

Не знаю почему, но Михаила Георгиевича чаще других награждали именно этим орденом. Наверное в этом был какой-то особый смысл.

А его Анна, его Нюрочка наградила его двумя дочерьми – сначала Таней, а потом Наташей.

Высочайшее благоволение

Покидая свою ставку в Могилеве, где он безвыездно находился в качестве главнокомандующего российской армии, император Николай II был не просто расстроен внезапно обрушившимися на него известиями.

Он был потрясен и подавлен. Он не мог понять этих людей, которые ради достижения собственных целей были готовы на чудовищную сделку с совестью. Он был глубоко возмущен тем, что произошло 1 ноября 1916 года на заседании возобновившей свою работу Думы.

Сначала Керенский, словно актер, почувствовавший контакт со зрительным залом, патетически воскликнул:

Неужели, господа, все, что мы переживаем, не заставит нас единодушно сказать: главный и величайший враг страны не на фронте, он находится здесь, между нами, и нет спасенья стране, прежде чем мы единодушным и единым усилием не заставим уйти тех, кто губит, презирает, издевается над страной?! [67]

Затем эстафету из рук Керенского подхватил лидер партии кадетов Милюков. Он закончил свою речь риторическим вопросом: “Что это, глупость или измена?” и потребовал отставки кабинета министров. Правительство запретило газетам помещать сообщения о выступлении Милюкова, но это лишь обострило ситуацию. На утро в расклеенных на стенах домов листовках говорилось: член Думы привел доказательства того, что “премьер-министр Штюрмер и царица продают Россию немцам”.

А через несколько дней в столице на каждом углу только и говорили, что об этой речи Милюкова и о “немке, которая погубит Россию”.

Царь решает на время покинуть ставку и отправиться в Киев, где в это время жила вдовствующая императрица. Николай испытывал потребность поговорить с матерью, что-то ей объяснить, о чем-то посоветоваться. Попутно он был намерен посетить киевские госпитали, куда с фронта прибывали тяжело раненные офицеры и солдаты.

Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая...

С самого момента появления на свет Николая преследовал злой рок. Он родился в несчастливый день 18 мая 1868 года. Бракосочетание его было отмечено столпотворением на Ходынском поле, которое в народе сочли недобрый предзнаменованием.

Вскоре после рождения долгожданного наследника выяснилось, что он болен неизлечимой болезнью. Физическая боль, испытываемая ребенком, приносила нравственные страдания его родителям и в конечном счете привела к появлению при дворе Распутина. Абсолютное доверие императрицы к невежественному ясновидцу не только было для Николая источником психологических мучений, но во многом предопределило падение авторитета династии в глазах большинства народа, а затем и ее фактический крах.

Николай Второй получил прекрасное образование, он отличался феноменальной памятью и был весьма силен в русской истории. Безукоризненно говорил по-немецки и по-французски, а его английский был настолько безупречен, что один оксфордский профессор как-то принял его за англичанина. Но по сути своей царь всегда оставался русским и невысоко ставил Петра Первого, преуспевшего в разрушении исконных традиций русской культуры.

От своего предшественника, вошедшего в историю под прозвищем “Великий”, Николай отличался врожденной мягкостью характера – качеством, самодержцу категорически противопоказанным.

На всем протяжении своего царствования многие решения и действия Николая подвергались критике и даже осмеянию. Он и в самом деле был слаб и нерешителен. Он не был создан для трона.

... В ноябре 1916-го Николай Второй добрался до Киева, где в одном из госпиталей простой медсестрой работала его младшая сестра, великая княгиня Ольга Александровна. Когда она увидела брата, ее поразило, каким усталым, бледным и похudevшим он был.

Наставник цесаревича Жильяр записал тогда в дневнике:

Признаться, я никогда не видел его раньше таким подавленным. Обычно он был всегда весьма сдержан, но теперь казался нервным и раздраженным; раз или два он даже был резок с Алексеем Николаевичем. [68]

И вот случилось так, что именно в том госпитале, куда царь пришел вместе со своим наследником, лежал в то время и мой дядя. Он получил тяжелое ранение в голову, был представлен к ордену и чину полковника. Врачи не были уверены в благоприятном исходе. Николай подошел к его койке и выслушал доклад адъютанта.

– Я знаю, что Вы, господин полковник, отличились в бою. Что я могу сделать для Вас? – спросил он.

– Ваше Величество, я выполнял свой долг и не заслуживаю награды. Но у меня только что родилась дочь. Я прошу в случае моей смерти позаботиться о ней!

– Тогда не будете ли Вы возражать, господин полковник, если я буду восприемником Вашей дочери?..

Николай повернулся к адъютанту и распорядился записать адрес, по которому следовало послать свидетельство новорожденной и золотую брошь с царским вензелем.

Поистине неисповедимы пути господни!

Сначала это произошло в 1904 году в Порт-Артуре. Тогда Николай в знак своего восхищения храбростью защитников крепости объявил всех их крестными отцами новорожденного цесаревича. Теперь они поменялись ролями, и старшая дочь моего дяди стала крестницей Императора Всея Руси.

Шел ноябрь 1916 года. До Февральской революции и отречения Николая II оставалось немногим более четырех месяцев.

Еще через полгода грянул Октябрьский переворот. Вскоре в армии была введена выборность командиров. В декабре 1917-го на общем собрании полка мой дядя, в это время командовавший 13-м Сибирским, был переизбран на своей должности. Но дни русской армии были сочтены.

В начале 1918-го на переговорах в Бресте Троцкий объявил о демобилизации армии. Российские вооруженные силы перестали существовать. Расформирован был и 13-й Сибирский полк. А его командир получил совершенно неожиданное для себя назначение: по приказу Троцкого он был откомандирован в Петроград. В распоряжение Народного комиссариата по иностранным делам.

Николай II в Киеве. 1916 год.

Часть третья

**НОВОБРАНЕЦ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
ФРОНТА**

У кормила внешней политики

Два таких разных наркома

Распрощавшись со своим полком, которому он отдал без малого полтора десятка лет жизни, и сняв военную форму, Михаил Георгиевич явился в марте 1918 года в Наркоминдел. Там он оказался в совершенно непривычной обстановке и в компании людей очень разных и в высшей степени неординарных.

Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий без сомнения был одной из самых ярких личностей эпохи пролетарской революции в России. Его неукротимый темперамент, недюжинный талант организатора, наконец, его необычная внешность сразу приковывали к себе внимание каждого, кому доводилось общаться с ним. Когда в ноябре 1917 года Троцкий пришел в Министерство иностранных дел, чтобы принять дела, сотрудники рассматривали его с нескрываемым любопытством. Один из них следующим образом описывал поразившую его внешность нового руководителя российской дипломатии:

Открывается дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый... Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И – непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатков рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народною фантазиею.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальный воротничок, рубашка сильно заношены... Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой... [69]

Через день после того, как в Брест-Литовске был подписан мирный договор с немцами, Троцкий подал в отставку с поста народного комиссара по иностранным делам. Его место занял Чичерин, с января 1918-го являвшийся заместителем наркома.

Несмотря на свое аристократическое происхождение, Чичерин, как и Троцкий, вовсе не был похож на дипломата, потому что так же совершенно не заботился о своей внешности.

По воспоминаниям английского посла Б. Локкарта, он был обычно одет в какой-то ужасный бурый твидовый костюм и никто никогда не видел на нем другой одежды.

Но на этом, собственно, и кончалось чисто внешнее сходство двух руководителей НКВД, шокировавшее новичков при первом знакомстве. Лев Давидович – прирожденный народный трибун, оратор; его стихией были митинг, схватка, бой. Георгий Васильевич, напротив, – интеллигент, привыкший вести кабинетный образ жизни, постоянно ночевавший в своем кабинете и отваживавшийся выйти из Наркомата лишь в исключительных случаях, разве что для того, чтобы сходить в магазин за нотами.

К. Шеридан, английская художница и скульптор, жившая в 1920 году в Москве, однажды записала в своем дневнике:

Сегодняшний день был особенно неудачным. Впервые за многие месяцы Чичерин вышел на улицу. Он ходил к зубному врачу.

Некто, наблюдавший за ним через окно учреждения, отметил феномен: Чичерин на улице. Он не поехал в автомобиле, а пошел пешком.

Остановившись на краю тротуара, он с тревогой глядел на дорогу, в точности, как в холодный день глядят на реку, прежде чем бросить-

Внешность Троцкого и в самом деле была необычной

“... Чичерин был довольно высок ростом, однако казался ниже из-за сутулости, развившейся в результате многих часов, проведенных за столом. Будучи художником в молодости, с годами он располнел, став даже несколько дородным...”

(Т. О'Коннор)

ся в нее. Решившись наконец перейти ее, он, дойдя до середины, побежал обратно.

Должно быть, уличное движение, свежий воздух, зубной врач совсем выбили его из колеи. [70]

У руководителя советской внешней политики было много других странностей и среди них – абсолютное неумение поддерживать на своем письменном столе хотя бы какое-то подобие порядка. На этот счет сохранились любопытные воспоминания корреспондентки Л. Брайант:

Беспорядок на столе министра иностранных дел был подобен национальной катастрофе. Среди книг я видела на этом столе его черную шляпу, расплюснутую грудой бумаг. Я видела горы бумаг, высившиеся на стульях и диване – серых от месяцами не стиравшейся пыли. У него была опасная привычка класть куда попало важные телеграммы, затем объявлять розыск. Это были ужасные моменты в жизни наркомата. Вся прочая работа останавливалась. После того как все было перевернуто вверх дном, кто-нибудь из подчиненных осмеливался спросить: “Товарищ Чичерин, может быть она у Вас на столе?” И всякий раз она оказывалась там – прямо у него под носом, как те бабушкины очки. [71]

К тому же Чичерин постоянно оказывался не в ладах с часовой стрелкой и опаздывал на важные мероприятия. Так было, в частности, на приеме в честь китайского генерала Чжан Сылиня, пребыванию которого в Москве советское правительство придавало чрезвычайно важное значение. Шеридан, присутствовавшая на этом ужине, писала:

Мы были приглашены на 9.00, однако сели за стол лишь в четверть двенадцатого... Пришлось ждать Чичерина: у него совершенно отсутствовало чувство времени. [72]

Поэтому Георгию Васильевичу ничего не стоило позвонить своему сослуживцу часа в четыре ночи (сам он допоздна засиживался в своем кабинете) и попросить его срочно представить какую-нибудь малосущественную справку.

Но было у наркома и кое-что, в чем никто в Наркоминделе не мог сравниться с ним. Он обладал поистине энциклопедическими знаниями в самых различных областях – экономике, политике, географии.

Одна американская корреспондентка из Сиэтла, встретив Чичерина на какой-то дипломатической церемонии, заметила, что он, скорей всего, никогда не слышал о ее родном городе.

В ответ, к ее изумлению, комиссар иностранных дел разразился небольшой лекцией по истории, колонизации, народонаселению и при-

родным ресурсам Сиэтла, содержащей много фактов, которые ей самой были неизвестны. [73]

При этом в Сиэтле Чичерин никогда не бывал...

Их непохожие друг на друга заместители

При Троцком заместителем наркома (“уполномоченным”) по иностранным делам был Е.Д. Поливанов – личность во многих отношениях совершенно исключительная.

У Поливанова был особый лингвистический талант: он блестяще знал уйму западных и восточных языков, в том числе китайский и японский. К тому моменту, когда осенью 1917 года Поливанов по рекомендации Урицкого пришел в НКВД, он был уже приват-доцентом Петербургского университета и автором многих новаторских научных работ.

Евгений Дмитриевич был родственником бывшего царского военного министра А.А. Поливанова; своими изысканными манерами он выделялся на общем фоне сослуживцев. Сотрудник китайского посольства, с которым Поливанов вел переговоры в начале 1918 года, специально отметил в своем отчете, что этот советский дипломат вовсе не был похож на комиссара в кожанке.

На первых порах Поливанов возглавил работу по поиску, дешифровке и публикации секретных договоров царского правительства. Позднее помимо своих непосредственных обязанностей в наркомате он постоянно выполнял другие поручения, осуществляя, в частности, контакты с Союзом китайских рабочих во главе с Лю Цзэжуном. Осенью 1918 года “Известия” писали о том, что “на днях вышел первый номер еженедельной газеты “Китайский рабочий”, издающийся Исполнительным Комитетом Союза китайских рабочих Северной области под редакцией Поливанова. Газета имеет целью распространение коммунистических идей среди находящихся на территории Советской республики китайцев”. [74]

Любопытно, что с именем Поливанова связано появление в китайском языке неологизма, впоследствии прочно в нем закрепившегося. Академик Н.И. Конрад, близко знавший Поливанова и тесно связанный в те годы с изданием на китайском языке советских правительственных документов, вспоминал:

Уверяю Вас, это была нелегкая работа. Сколько бились мы, пытаюсь перевести на китайский язык слово “Совет”. Рылись в словарях, под-

нимали фолианты классических китайских трудов, поворачивали всякое сколько-нибудь близкое слово и так и этак – ничего не получалось, ни одно не в состоянии было в точности передать то, что вложил русский народ в понятие “Совет”, “Советы”, “Советский”.

Сидим вот так, мучаемся, спорим, и вдруг Евгений Дмитриевич как стукнет кулаком по столу: “Есть слово!..”

То, что предложил Поливанов, было действительно отлично. Ведь, пока мы спорили и искали, китайские рабочие и китайские красноармейцы, не вдаваясь ни в какие филологические тонкости, решили этот вопрос без нас. Они и не пытались перевести русское слово “Советы” на родной язык, они просто включили это великое слово в свою речь так, как оно звучало. [75]

Единственное, что требует здесь комментария, так это реальное произношение данного слова в китайском языке: *сувэйай*. На первый взгляд это что-то не очень похожее на первоначальное “совет”. Но все дело в том, что так соответствующие китайские иероглифы произносятся в пекинском диалекте. В кантонском же произношении сходство почти полное. А взоры большевиков были в этот период обращены именно на революционный Юг!

Весной 1918 года после конфликта с Троцким Поливанову пришлось уйти из Наркоминдела и он сосредоточился на научной работе. В конце 20-х годов он был уже “председателем лингвистического разряда Института языковедения”, автором целого ряда важнейших трудов по общему языкознанию, а также по японскому, китайскому, корейскому, турецкому... Но и в официальной науке ему в конце концов не нашлось места.

Насильственное внедрение в языкознание марровского “нового учения о языке”, шельмование инакомыслящих, бесчинства невежественных бездарей, которых Поливанов называл “безъязыкими языковедами”, – все это заставило его покинуть столицу и уехать в Среднюю Азию. Там он как лингвист сделал невероятно много. А в 1938 году был расстрелян по обвинению в шпионаже.

Михаил Георгиевич пришел в Наркоминдел как раз в то время, когда Поливанов сдавал дела своему преемнику. На смену старейшему сотруднику НКВД пришли другие люди, в том числе новые заместители наркома – Литвинов и Карахан.

М.М. Литвинов был в определенном смысле полной противоположностью Чичерина.

Если Георгий Васильевич, по свидетельству очевидцев, был сдержан, самососредоточен и не любил официальные приемы,

то Максим Максимович, напротив, с удовольствием выполнял обязанности распорядителя на дипломатических раутах. Шеридан вспоминает:

За ужином я сидела между председателем Союза китайских рабочих и Литвиновым, который был неподражаемым хозяином и умело рассадил нас: за столом было так много почетных мест, что все были довольны. [76]

Личные отношения этих двух руководителей НКВД, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Литвинов явно недолго любил Чичерина.

Возможно, здесь было нечто вроде ревности: Чичерин в свое время примыкал к меньшевикам и даже был когда-то председателем комиссии по расследованию большевистских экспроприаций коммерческих банков; Литвинов, напротив, имел весьма солидный большевистский стаж.

Так или иначе, по словам одного иностранного дипломата, нарком и его заместитель постоянно ссорились и докучали Политбюро жалобами друг на друга. В комиссариате подшучивали над тем, что если Чичерин по какому бы то ни было поводу скажет “да”, то Литвинов непременно ответит “нет”, и наоборот.

Литвинову суждено было стать в 1930 году преемником Чичерина на посту наркома. А когда через шесть лет Георгий Васильевич скончался, в надгробной речи по личному указанию Сталина говорилось... о просчетах Чичерина, допущенных им в его внешнеполитической деятельности. Чичерин не был репрессирован, он со временем оказался в числе “реабилитированных” советских дипломатов, чьи заслуги в свое время были преданы забвению.

Если Литвинов был явным антагонистом Чичерина, то с Караханом, другим его заместителем, наркома связывали отношения полного доверия и даже почти родственные чувства.

Чичерин, сторонившийся женщин, никогда не был женат. Свою полную личную неустроенность он компенсировал прямотаки отеческим вниманием к Льву Михайловичу, а тот в свою очередь отвечал ему сыновней почтительностью и заботой.

Но своими привычками Карахан совсем не походил на Чичерина. Он был, что называется, “душой общества”, сразу же оказывался в центре внимания, где бы ни появлялся.

К тому же он любил и умел одеваться со вкусом, выделяясь этим на общем фоне сотрудников Наркоминдела. Под стать Льву Михайловичу была его жена, которую называли самой красивой женщиной в Москве. Позднее, впрочем, они расстались.

Шеридан характеризовала его в следующих выражениях:

Карахан – армянин. Он говорит на нескольких редкостных языках, но ни на одном из тех, которыми владею я. Его красивое лицо словно выточено из слоновой кости.

Он – большая загадка. Живет он лучше, чем кто бы то ни было, курит дорогие сигары, ездит на работу в лимузине и в своей каракулевой шубе и шапке похож на процветающего европейского джентльмена. По-видимому, он выполняет в правительстве какие-то очень важные обязанности, иначе его не стали бы терпеть. [77]

Шеридан продолжает:

Я думаю, что Ленин когда-то спросил, на что годен Карахан, и услышал в ответ, что он чрезвычайно ценная фигура. Иначе мог ли бы он быть единственным, кто позволял себе красоваться в вечерних костюмах?

Карахан действительно играл в Наркоминделе одну из главных ролей, нередко замещая Чичерина на посту наркома. В соответствии с принятым в НКВД разделением обязанностей, Карахан курировал страны Востока. Ему принадлежат два важнейших документа, определявших тогда политику РСФСР по отношению к Китаю. Они получили известность как Первая и Вторая декларации Карахана по китайскому вопросу. Позднее Карахан стал первым советским послом в Китае.

А главным специалистом по проблемам Запада в Наркоминделе был А. Иоффе, хотя затем и ему довелось сыграть немаловажную роль в сношениях с Китаем.

Пожалуй, ни с кем из ведущих сотрудников наркомата у Чичерина не было столь натянутых отношений, как с Иоффе.

В первые годы после Октября Иоффе принадлежал к числу виднейших советских дипломатов. Достаточно сказать, что с его именем были связаны наиболее важные из первых договоров РСФСР – Брестский с немцами и Рижский с поляками. Но беда заключалась в том, что сработаться с Чичериным Иоффе никак не мог, да, судя по всему, вовсе и не стремился к этому.

Как полагает дочь Иоффе, главной причиной отсутствия чисто человеческого контакта между ее отцом и наркомом была прежде всего разница в характерах, определявшая их образ жизни.

Иоффе был человеком до педантичности точным и любил говорить, что приходит на заседание, назначенное на 8.00, в тот самый момент, когда часы бьют восемь раз. Что же касается чичеринского стиля работы с его вечными опозданиями, неорганизо-

“Карахан был красив, жизнерадостен, интеллигентен, всегда как-то оказывался в центре внимания, где бы ни появлялся”.

(М. Т. Семенова)

ванностью и суматохой, то он постоянно раздражал пунктуально-го Адольфа Абрамовича.

К тому же он был человеком независимого образа мыслей, всегда четко отстаивал свою точку зрения и проводил ту линию, которую считал правильной, не очень считаясь с точкой зрения Чичерина. [78]

Иоффе то и дело подчеркивал, что деятелям, подобным Чичерину, вовсе не место у руля внешней политики советского государства.

Он язвительно замечал:

По финансовому вопросу изволь обращаться к Крестинскому, хотя с каких пор последний стал финансистом? По иностранным делам – к Чичерину, хотя всем известно, какой он дипломат... [79]

Иоффе постоянно жаловался на Чичерина непосредственно председателю Совнаркома, и Ленину то и дело приходилось разнимать их. На очередную жалобу Иоффе он, в частности, писал:

Трения между Вами и Чичериным иногда используются более бес-сознательно, чем сознательно, – в смысле или в направлении обостре-ния этих трений...

Я следил внимательно за Вашими письмами и убежден непреклонно, что трения эти неважные (хаос везде, неаккуратность везде – во всех комиссариатах, и от этого зла лечение медленное). Терпение и на-стойчивость, и трения уладятся. Чичерин превосходный работник, Ваша линия вполне лояльно проводит Брестский договор, успех у Вас уже есть, по-моему, – а отсюда вытекает, что трения легко ула-дим. [80]

Ленин пишет Л. Б. Красину в Берлин:

Я вполне ценю работу Иоффе и безусловно одобряю ее, но настоя-тельно требую, чтобы Иоффе держал себя как посол, выше которого нарком иностранных дел, и соблюдал приличия, не ругаясь и не трети-руя других, запрашивая обо всем важном наркома иностранных дел.

Только тогда я могу и буду поддерживать посла Иоффе. [81]

В другой раз Владимир Ильич пеняет Адольфу Абрамовичу:

Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много делового пишете в личном письме ко мне (последнем, карандашом) и вставляете ряд личных вылазок, выпадок, шпилек и проч. против Чичерина (“ненастоящий” м-р и т.п.). Чичерину же пишете: “Пер-спективы в письме к Ленину”. Это же черт знает что такое!

Чичерин спрашивает у меня письмо, я показать не могу, не желая быть орудием склоки. Выходит порча делу и порча отношений. Чи-черин – работник великолепный, добросовестнейший, умный, знаю-щий. Таких людей надо ценить. [82]

“Об Адольфе Абрамовиче пишут как о выдающемся дипломате, заключившем столько-то и столько-то договоров. Но основное его качество совсем не в том, что он был дипломат. Основное его качество в том, что он был революционер...”

(Л. Троцкий)

Подобная оценка деловых качеств Чичерина, впрочем, не мешала Ильичу иной раз буквально уничтожать его всей силой своего разящего сарказма, утверждая, например, что “бумажки Чичерина доказывают, что он болен” и предлагая немедленно направить его к врачу (забавно, что эту фразу некоторые биографы Ленина принимали всерьез, доказывая, как заботился он о своих товарищах).

Вообще, требуя от Иоффе соблюдения приличий во взаимоотношениях с сослуживцами, Ленин вовсе не считал необходимым самому следовать этому правилу (видимо, не без оснований полагая, что неприемлемое для быка вполне может быть дозволено Юпитеру).

Известно, что не только классовых врагов, но и своих товарищей по Совнаркому, ЦК и Коминтерну он то и дело смешивал с грязью, заявляя, что Ларин – “ляпала первосортный”, Сокольников “свихнулся”, Люксембург – “идиотка”, Тальгеймер и Бела Кун – “дураки”, а многие из его коллег и вовсе, да простит мне мой читатель эту цитату, “говно”...

Иоффе подобных выражений не употреблял никогда. Более того, хотя Адольф Абрамович привык высказывать все свои мнения вслух, вообще сомнительно, чтобы он был склонен к “ругани”. Во всяком случае, Троцкий отмечал в нем “чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость”. [83]

В Восточном отделе

Еще при Троцком заведующим Восточным отделом НКВД стал А.Н. Вознесенский.

Чичерин до революции служил в Министерстве иностранных дел, но был не дипломатом, а работником архива. В отличие от него, Вознесенский был профессионалом, при старом режиме служившим вице-консулом в Шанхае.

В свою бытность в Китае Вознесенский установил личные контакты со многими представителями прогрессивной интеллигенции. Еще в 1905 году он перевел на русский язык и издал в Петербурге книгу Лян Цичао “Ли Хунчжан, или политическая история Китая за последние 40 лет”. Позднее ему довелось встречаться с Сунь Ятсеном. Он писал по этому поводу:

В неоднократных беседах с автором этих строк в 1912-1913 годах

в Нанкине доктор Сунь Ятсен высказывал свою уверенность, что полное торжество социальной революции возможно только при одном непереносимом условии: участие в ней России, Индии и Китая. В своем органе “Китайский республиканец”, закрытом вскоре после появления по требованию английских властей Шанхая, Сунь Ятсен ратовал за союз германского, русского и китайского пролетариата против англо-японского империализма. [84]

В этой своей статье, опубликованной в Москве в начале 1919 года, Вознесенский явно идеализирует Сунь Ятсена в духе, потребном для большевистской стратегии поддержки китайской буржуазии, которая еще не успела загнить. Но надо признать, что заведующий Восточным отделом НКВД знал Китай лучше кого бы то ни было в наркомате. Не случайно он считался в Наркоминделе большим авторитетом по части дальневосточных дел и был в 1918-1920 годах на первых ролях среди тех, кто определял в Наркоминделе политику по отношению к странам Востока и, в частности, к Китаю.

Замечу, что дипломатическая карьера Вознесенского завершилась самым неожиданным образом осенью 1920 года, когда он вдруг был снят со своей должности. Считая такое решение несправедливым, Вознесенский обжаловал его, обратившись с письмом прямо к председателю Совнаркома. Ленин написал по этому поводу записку Н. Крестинскому:

Нельзя ли все же проверить через строгую комиссию? Вознесенский работал дельно. Нет ли тут в его удалении неправильностей? Личного? Склоки? [85]

Вопрос о Вознесенском обсуждался на Политбюро ЦК 19 августа 1920 года, но решено было все же в прежней должности бывшего завотделом не восстанавливать, а впредь использовать его при Наркоминделе по мере надобности в качестве знатока восточных дел.

Но это случилось потом. В 1918-м же деятельность Восточного отдела Наркоминдела усилиями Вознесенского успешно наглаживалась.

Собственно говоря, формирование штатов Наркоминдела по настоящему началось лишь с приходом в НКВД Чичерина.

До революции в Министерстве иностранных дел работало в общей сложности 689 сотрудников. Абсолютное большинство их поддержало Временное правительство, и в октябре 1917-го отказалось сотрудничать с большевиками. А объявленная ими забастовка побудила Совнарком уволить 13 ноября весь состав служащих МИД.

Поэтому на первых порах одним из важных направлений работы НКВД стал отбор новых сотрудников (из прежних в наркомат вернулось всего лишь 17 человек). К концу декабря 1917-го их общее число достигло 126; это было уже кое-что. А в августе 1918 года в наркомате (включая его заграничные учреждения) насчитывалось уже 340 человек. Больше половины из них имели стаж политической деятельности.

За подбор новых кадров в НКВД тогда отвечал Карахан. Автор его биографии В.В. Соколов пишет, что в списках сотрудников Наркоминдела за 1918 год нередки такие пометки: принят “по утверждению тов. Карахана”, перешел на службу из другого наркомата “по просьбе тов. Карахана”, зачислен “на основании резолюции тов. Карахана” и т. д. и т. п. [86]

Когда мой дядя во исполнение приказа Троцкого приехал в марте 1918 года в Петроград и явился в Наркоминдел с докладом о прибытии к месту службы, Карахан долго и подробно беседовал с ним. Замнаркома остался доволен новобранцем, который обладал достаточным жизненным опытом и умением быстро ориентироваться в обстановке. Ко всему прочему, а это в данном случае было особенно важным, он владел двумя восточными языками.

25 марта 1918 года Михаил Георгиевич вместе со всеми другими сотрудниками, упаковав необходимые бумаги, переезжал в Москву.

Однако вскоре выяснилось, что Наркоминделу тесно в первоначально отведенном для него здании на углу Спиридоновки. Снова было новоселье: НКВД в соответствии с решением правительства перебазировался в бывшую гостиницу “Метрополь”; там же поселились и многие служащие наркомата (других разместили на жительство в “Савое”).

А дяде Мише дали квартиру в доме №36 по Сивцеву Вражку. Там и поселилась вся его семья: он сам с женой и двумя дочками, тетя Люся с мужем (к тому времени она уже стала Августой Александровной Брандашвейлевой) и Аполлон, так на всю жизнь и оставшийся холостяком.

Многое в районе Арбата изменилось с тех пор. Но дом №36 по Сивцеву Вражку сохранился до сих пор. Он стоит там же, где и раньше, но выделяется среди соседей своим подчеркнуто строгим, словно даже насупленным видом. Он стал свидетелем событий, тесно связанных с моим рассказом. Но о них он предпочитает умалчивать.

Первые контакты с Китаем

Переговоры в Петрограде

Активная деятельность Восточного отдела началась еще в самом начале 1918 года. Именно к этому времени относится первая попытка НКВД установить деловой контакт с китайскими дипломатами.

Выше я отмечал, что заводделом Вознесенский имел опыт работы в Китае и лучше, чем кто-либо в Наркоминделе, знал эту страну. Тем не менее, и он не имел в то время достаточной текущей информации о происходящих там событиях. Известно было, что Пекинское республиканское правительство признано державами. Но политический курс его был не вполне ясен. Как должна была вести себя по отношению к нему Советская Россия? Как к пособнику империалистов или как к правительству, по-прежнему находящемуся в неравноправном положении и потому представлявшему собой потенциального союзника революционной России? Необходимо было как можно скорее дать аргументированный ответ на данный вопрос, чтобы в дальнейшем строить свою конкретную политику в отношении Китая.

Пекинское правительство также было весьма заинтересовано в том, чтобы получить из первых рук информацию о ближайших планах и намерениях большевиков. Поэтому посланник Китая в Петрограде Лю Цзинжэнь получил от своего МИДа инструкцию не уклоняться от неофициальных контактов с НКВД, но в то же время пока что не заходить в них слишком далеко.

Вот в такой ситуации Вознесенский посетил 19 января 1918 года китайское посольство и был встречен там секретарем Ли Шичжуном. Беседа проходила, как обычно бывает в подобных случа-

ях, “в дружественной обстановке”. А на следующей неделе Ли нанес Вознесенскому ответный визит в качестве частного лица. Активное участие в обмене мнениями принимал в тот день и Поливанов.

По свидетельству авторитетных историков советско-китайских отношений, в российских архивах пока не найдены материалы, позволяющие восстановить содержание имевшего тогда место разговора. А вот в архиве МИД Китая сохранилась депеша Лю Цзинжэня, подробно доложившего своему начальству обо всем произошедшем. Данный документ [87] представляет значительный интерес и поэтому я хочу его процитировать.

Поливанов: В Китае и в России революция произошла почти одновременно. Если оставаться на почве исторических фактов, следует сказать, что революционная ситуация в России созрела раньше, чем в Китае. Но путь ее был извилист, и никто не мог предположить, что Китай станет страной, опередившей в данном отношении Россию. Я уверен, что китайцы не могут не приветствовать установление власти народа в нашей стране. Ведь народы Китая и России являются братьями, которые должны рука об руку идти к общей цели. Я всегда выступал за налаживание добрых отношений с Китаем. Харбинская проблема не свободна от известного взаимонепонимания с обеих сторон, и ее необходимо безотлагательно решить.

Под “Харбинской проблемой” Поливанов имел в виду события, имевшие место в зоне отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, где вскоре после восстания в Петрограде русские рабочие по прямому указанию Ленина захватили власть, создав там свой Совет. Данная акция, столь естественная с точки зрения большевиков, взбудоражила китайскую общественность, к такому повороту дела не подготовленную. Пекинское правительство направило в Харбин войска, разогнавшие Совет и взявшие дорогу под свою охрану.

Ли Шичжун: Нет нужды повторять, что китайский народ приветствует русскую революцию. Что же касается событий на КВЖД, то Харбин находится на территории Китая. Китайское правительство было вынуждено принять меры и послать в Харбин войска для поддержания там порядка... Здесь затрагивается вопрос суверенитета Китая!

Поливанов: Вы совершенно правы. Поэтому мы вовсе не против того, что в Харбин были направлены китайские войска...

Ли Шичжун: Поскольку у вас отныне нет больше секретной дипломатии, позвольте спросить, какую политику вы намерены проводить в отношении Японии?

Поливанов: Она определяется двумя моментами. Во-первых, принципом, согласно которому политические и экономические проблемы Китая должны решаться самими китайцами. Во-вторых, мы не выступаем против проникновения японцев в Сибирь с целью освоения этого края, о чем мы уже сообщили первому секретарю посольства Японии при личной встрече.

Ли Шичжун: Но эти два принципа противоречат один другому! После окончания войны в Европе Япония превратится в самое могущественное империалистическое государство мира, сфера влияния которого будет охватывать прежде всего Дальний Восток. А вы еще намерены предоставить ему возможность усилиться за счет Сибири? Япония и сейчас уже является монопольной хозяйкой Китая. А если в будущем она откажется признавать ваш первый принцип в отношении Китая, каким образом вы окажете китайскому народу помощь?

Поливанов: Вы совершенно правы. Но мы вынуждены действовать в соответствии с обстановкой, прибегая к временным мерам. А вообще-то мы должны изыскать возможности для того, чтобы стимулировать революцию в Японии, которая свергнет правительство микадо.

Ли Шичжун: Революция в Японии – это не более, чем сладостная мечта! Япония позже других превратилась в великую державу, ее милитаризм и национализм может сравниться только с Германией. В этой стране нет условий для распространения идей революции!.. Германия граничит с Россией, но несмотря на рабоче-крестьянскую агитацию русских в Германии до сих пор нет антиправительственных выступлений. Что же говорить о Японии, расположенной на Дальнем Востоке?!

Поливанов: Но иностранцы раньше говорили то же самое и о нашей стране...

Ли Шичжун: Не будь нынешней мировой войны, в России ни при каких условиях не могла бы быть установлена власть народа!

Поливанов: Bravo! Несмотря на то, что мировая война принесла людям неисчислимые бедствия, она стала войной, освободившей народы. Я уверен, что противоречия между Англией, Японией и Америкой – уже совершившийся факт. В недалеком будущем между этими странами вспыхнет война. Ее результатом станет революция в Японии. Мы должны воспользоваться этим и начать действовать. Сейчас мы способствуем тому, чтобы Индия вышла из-под гнета Англии. Мы помогаем ей обрести независимость. Одним словом, общая ситуация в 20-м столетии заключается в том, что дни империалистических правительств сочтены!..

Если забыть на мгновение, что в этом разговоре на квартире Вознесенского участвовали тогда дипломаты двух соседних стран, можно было бы подумать, что сотрудник Восточного отдела Наркоминдела обращал тогда в коммунистическую веру своего несколько более сдержанного соратника по борьбе.

Но вскоре выяснилось, что Пекинское правительство было не той лошадкой, на которую следовало делать ставку.

Дипломатическая блокада

Со школьной скамьи мы твердо усвоили ту очевидную истину, что вскоре после победы пролетарской революции в России империалистические государства в своем стремлении задушить Советскую власть объявили ей жестокую блокаду, отказавшись признать сам факт существования молодого социалистического государства. Однако наши учителя никогда не рассказывали нам подробности того, как фактически все произошло. Сегодня это уже – дела давно минувших дней, и запрет на историческую истину снят.

Вначале все складывалось как будто наилучшим образом и ничто не предвещало грядущего накала страстей. Советский полномочный представитель Литвинов прибыл в Лондон и хотя еще не был принят министром иностранных дел Великобритании, но уже установил прямые контакты с английским правительством.

Что касается Китая, то 24 января 1918 года в “Известиях” было опубликовано заявление китайского посольства в Петрограде о том, что “мера, принятая в гор. Харбине, не имеет никакого отношения к событиям, происходящим внутри России”. В связи с этим газета писала, что промелькнувшие в зарубежной печати сообщения о каком-то конфликте между РСФСР и Китаем не имеют под собой основания. Через два дня “Известия” поместили еще одно заявление китайского посольства о том, что первоначальный запрет на вывоз продовольствия из Китая в Россию, равно как и на транзит товаров из Владивостока через Маньчжурию, полностью отменен.

Однако в том же самом январе 1918 года, когда Поливанов излагал Ли Шичжуну свое видение перспектив мировой революции, в Петрограде произошли небывалые дотоле события.

Началось с того, что Румыния стала действовать по отношению к Бессарабии примерно таким же образом, как большевики намеревались вести себя в Индии: румыны оказали решительное содей-

Уполномоченный Наркоминдела Е.Д. Поливанов

ствии своим соседям, вознамерившимся освободиться от русского владычества и воссоединиться со своей этнической родиной.

Большевики и до и после революции заявляли о своей приверженности принципу самоопределения народов. Казалось бы, стремление бессарабов к отделению не могло противоречить национальной политике Советского государства. Но так дело обстояло лишь абстрактно-теоретически. В данном же случае, по мнению большевиков, чистота эксперимента была нарушена вмешательством Румынии – страны если не архиимпериалистической, то все же явно враждебной идеям социализма.

Хорошо еще, что страна эта была невелика, и с ней не было необходимости церемониться. Ленин распорядился одним ударом заставить Румынию отказаться от своих коварных планов. Посланник Китая в Петрограде Лю Цзинжэнь следующим образом информировал свое правительство о случившемся:

Большевицкое правительство послало солдат, которые арестовали румынского посланника и весь штат его сотрудников, после чего они были заключены в Петропавловскую крепость. Дуайен дипломатического корпуса, посол Великобритании, был в это время в отлучке, и посол США собрал корпус на экстренное заседание. Единогласно было принято требование немедленно освободить арестованных и составлено заявление, в котором говорилось, что все подписавшие его дипломатические представители выражают свою глубокую озабоченность по поводу ареста посланника Румынии и рассматривают этот факт как нарушение дипломатического иммунитета, признаваемого международным правом на протяжении столетий. [88]

Случай и впрямь был из ряда вон выходящий. Но так полагали послы иностранных государств, не исповедовавшие принципы новой, революционной дипломатии, которая решительно порывала с безнадежно устаревшими догмами и беспомощными ссылками на нормы буржуазного международного права.

Поэтому когда дипломатический корпус в полном составе явился к председателю Совета Народных Комиссаров и вручил ему свое официальное заявление, рассерженный Владимир Ильич на первых порах и не думал отменять свое распоряжение. Запись имевшей место беседы – весьма любопытный документ истории.

Ленин: Если бы вы знали причину ареста посланника, вы согласились бы с тем, что это действие вполне правомерно.

Представитель дипкорпуса: Мы явились, чтобы требовать освобождения посланника Румынии и не намерены обсуждать вопрос о том,

каковы были причины его ареста. Согласно существующим правовым нормам, подобные действия по отношению к аккредитованному в стране дипломатическому представителю недопустимы ни при каких обстоятельствах. Оскорбление, нанесенное одному послу, означает оскорбление всех вместе взятых. Случившееся не имеет прецедентов в истории и является абсолютно неприемлемым.

Ленин: Надеюсь, господа понимают, что бывают обстоятельства, которые сильнее общепринятых норм. По последним сообщениям, российский полк интернирован румынскими войсками, препятствующими доставке ему продовольствия. Их намерения ясны: довести до голодной смерти несколько тысяч человек. Налицо также беспрецедентный и совершенно недопустимый произвол!

Представитель дипкорпуса: Если это так, Россия должна объявить войну Румынии и выслать румынского посланника за пределы страны.

Ленин: Но мы стремимся к миру и ненавидим войну, а конфликт с Румынией был бы чреват непредсказуемыми последствиями. Поэтому мы и взяли ее дипломатического представителя в качестве заложника, стремясь избежать начала военных действий... [89]

И все же председатель Совнаркома вынужден был в конце концов пойти на попятный, и румынского посланника графа Даманди из Петропавловки освободили.

Но не успел дипкорпус перевести дух, как 8 февраля Советское правительство объявило о непризнании внешнего долга России. Дело было посерьезнее предыдущего. Впоследствии вопрос о возвращении долгов иностранным инвесторам стал главной проблемой во взаимоотношениях Советской России с западно-европейскими странами, прежде всего с Францией.

Когда немцы начали наступление на Петроград, дипломатический корпус принял решение эвакуироваться из столицы и переехал в Вологду. Но на этом официальные отношения Советской России с бывшими союзниками не прервались.

21 февраля Троцкий, действуя через небезызвестного Ж. Садуля, связался с французским послом и задал ему вопрос: готова ли Франция помочь России остановить наступление немцев. Ответная телеграмма посла Ж. Нуланса из Вологды гласила: “В вашем сопротивлении Германии вы можете рассчитывать на военное и финансовое содействие Франции”. Ленин реагировал незамедлительно, направив в ЦК следующую записку: “Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма”. Ровно через месяц Троцкий писал генералу Лаверну: “Имею честь просить от имени Совета

народных комиссаров технического сотрудничества французской военной миссии в реорганизации армии, предпринимаемой советским правительством”. Генерал направил трех своих офицеров в качестве советников наркомата по военным и морским делам. В ответ Троцкий запросил еще пятьсот человек, а затем обратился в просьбой о военной помощи к США и Италии. [90]

Историки, писавшие о дипломатической блокаде Советской России, предпочитали умалчивать об этих подробностях, которые многозначительны не только сами по себе. Они свидетельствуют помимо всего прочего о том, что брать картошку и оружие настоящие революционеры могут у кого угодно, даже у империалистических разбойников. Поэтому тот факт, что примерно в это же время Сунь Ятсен хотел заручиться военной помощью России для свержения пекинского правительства, еще отнюдь не свидетельствует о его солидарности с идеями Октября.

С Севера на Юг

Когда китайский посланник Лю Цзинжэнь вместе со всем дипломатическим корпусом переехал в Вологду, а затем был отозван в Пекин, в Петрограде по-прежнему оставалось несколько сотрудников посольства – секретари Ли Шичжун и Чжэн Яньси, аташе Ли Баотан и другие.

Наркоминдел продолжал сноситься с ними, время от времени направляя им свои ноты. Один из таких официальных документов, датированный 8 апреля, был подписан лично Чичериным. Позднее, 21 мая, в НКИД пришло письмо из китайского посольства: в нем содержалась жалоба на незаконное задержание китайских товаров на границе с Монголией. Вознесенский отвечал на представление немедленно и деловито. Он писал при этом: “Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы передали это письмо г. Лу Цзенцзяну”.

В сборнике “Документы внешней политики СССР”, в котором данное письмо было впервые опубликовано, в этом месте сделано примечание: “По-видимому, имеется в виду Ли Цзинчжан, китайский посланник в России”. Но, как мы с вами знаем, посланника звали Лю Цзинжэнь; в документе речь идет не о нем, а о министре иностранных дел Лу Чжэнсяне.

Вознесенский добавляет:

В этом отношении Вы достаточно знаете меня, чтобы быть уверенным, что все мыслимое, – а иногда даже неммыслимое, – нами делается, чтобы наладить искренне-добрососедские отношения... Шлю привет, г. Ли. Когда можно ожидать Вашего приезда, или Вы хотите, чтобы я сам приехал в Петроград? [91]

Автором этого письма был Вознесенский, адресатом – Ли Баотан. Они когда-то были товарищами по учебе и потому заведующий Восточным отделом НКВД выражал надежду на то, что атташе посольства Китая достаточно хорошо его знает и может ему доверять.

Все это достаточно наглядно свидетельствует о том, что с отъездом посланника контакты между Москвой и Пекином отнюдь не были прерваны.

И все же несмотря на это, в определенном смысле отношение большевиков к Пекинскому правительству после описанных выше событий изменилось самым решительным образом.

22 февраля 1918 года Наркоминдел направил Международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал им: в отношении к соседним народам надлежит руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире, каковой Декрет необходимо как можно более широко распространить на местных языках.

Что касалось Японии, НКВД требовал помнить о “совершенно определенных захватных стремлениях нынешнего наиболее реакционного в новейшей истории Японии правительства”.

Содержалась в инструкции и вполне конкретная формулировка ситуации в Китае:

В отношении китайцев надлежит помнить, что нынешнее Пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику. [92]

Наркоминдел не отказывался от общения с реакционным Пекинским правительством, но явно не считал отныне необходимым обсуждать с ним проблемы мировой революции. Данная тема должна была стать центральным пунктом в общении Советского правительства с революционным Югом во главе с Сунь Ятсеном.

4 июля в отчете НКВД 5-му съезду Советов нарком Чичерин упоминает о полученной от Сунь Ятсена приветственной телеграмме. А еще через месяц он посылает д-ру Суню письмо, в ко-

тором приветствует его “как вождя китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей – северокитайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств”. [93]

“Южнокитайский пролетариат” назван в этом тексте другом Советской России, а о Пекинском правительстве сказано, что оно, будучи создано иностранными банкирами, готово присоединиться к империалистическим грабителям. “Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира. Да здравствует трудящийся китайский крестьянин. Да здравствует китайский рабочий. Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатами”, – этими словами заканчивается письмо, с начала до конца выдержанное в духе идей, Сунь Ятсену абсолютно чуждых. Ни тогда, ни позднее он не был озабочен судьбой китайского и мирового пролетариата, так же как не считал необходимым бороться против империализма как такового.

Если вспомнить, что именно о своих встречах с Сунь Ятсеном писал примерно в то же время Вознесенский, можно обнаружить вполне закономерное сходство обоих текстов. Не исключено, что черновик письма Сунь Ятсену был подготовлен для наркома заведующим Восточным отделом.

Есть в этом послании и еще одна небольшая деталь, говорящая в пользу данного предположения: имитируя традиционный китайский эпистолярный стиль, автор письма трижды называет Сунь Ятсена “уважаемым Учителем” – обращение, чичеринскому слогу вообще несвойственное и языку того времени абсолютно чуждое.

Консулом в Шанхай

Полная смена караула

Сказанное выше не означает, однако, что Наркоминдел вообще отказался от каких-либо контактов с Пекинским правительством. РСФСР и Китай при любом раскладе глобальных революционных планов были и продолжали оставаться соседями, у которых были общие проблемы, требовавшие своего решения.

К тому же как раз в это время НКВД готовил проект декрета Совнаркома об организации консульств РСФСР.

Когда в феврале 1918 года Чичерин и Карахан подписали инструкцию краевым совдепам, последние были наделены правом предлагать кандидатов на должность консулов и контролировать их деятельность. Хабаровск должен был ведать консульствами в Хэйлунцзяне, Чита – в Халхе, Иркутск – в Урге, Омск – в Кобдо, Ташкент – в Кульдже. Особую роль должен был играть Владивосток: кроме организации консульств в Восточной Маньчжурии, в Хакодате и Корее, он был ответственен за установление контактов с Тяньцзинем, Чифу и особенно Шанхаем, “так как в последнем центре многочисленная русская колония совершенно устранена от дел самоуправления реакционно настроенной кучкой банкиров и чиновников”. [94]

В готовившемся проекте декрета Совнаркома отмечалось, что поскольку Республика не признана иностранными державами, консульства предполагалось учредить в странах, с которыми она имела “деловые отношения”.

В обязанности консульств и консулов вменялось:

1) защита экономических и правовых интересов Российской Республики;

2) исключительное представительство всех Народных Комиссариатов и прочих органов Рабоче-Крестьянского Правительства, за исключением лишь политических задач Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м, Военным и Морским Дела́м, осуществление коих поручается Дипломатическому Представителю Республики;

3) защита экономических, правовых и социальных интересов отдельных граждан Российской Республики или их объединений (организаций).

Последняя функция консулов должна была осуществляться путем:

а) исправления ими обязанностей по ведомству Народного Комиссариата Юстиции, как то: функции народного нотариуса, включая и ведение актов состояния, принятие на себя организации третейского суда и т. п. во всех случаях обращения к ним о том граждан Российской Республики;

б) исправления обязанностей Отделов Социального Обеспечения относительно опеки, попечительства и социального обеспечения (пенсии и т. д.);

в) исправления обязанностей Бирж Труда и местного Комиссариата Труда по отношению не только к рабочим – гражданам Российской Республики за границей, но и к рабочим-иностранцам, ищущим работы или уже работающим в пределах Российской Республики;

г) исправления обязанностей, возлагаемых на них по отношению к защите российских моряков как на судах Российской Республики, так и на судах, принадлежащих иным странам или гражданам;

д) исполнения функций других ведомств Рабоче-Крестьянского Правительства, возлагаемых на них особыми инструкциями. [95]

Декрет был подписан Лениным, Караханом и Бонч-Бруевичем лишь в октябре 1918 года, но уже весной и летом некоторые из назначенных Наркоминделом консулов готовились выехать к месту исполнения своих обязанностей.

Руководство НКВД возлагало в это время большие надежды на то, что одним из первых государств, признавших РСФСР, станет Китайская Республика. Потому подготовке дипломатического представителя и консулов в Китае придавалось особое значение.

Уехав в 1918 году в Китай, Михаил Георгиевич был вынужден оставить свою семью в Москве.

На фото: Анна Александровна (вторая справа) с дочерьми Таней и Наташей, сестрой Августой, братом мужа сестры и няней около храма Христа Спасителя.

Еще 18 января 1918 года НКВД официально уведомил посольство Китайской Республики о том, что бывший российский посланник в Пекине князь Кудашев лишен своих полномочий и не может представлять правительство России. Заведующий Восточным отделом Вознесенский после этого позвонил в китайское посольство и выразил желание встретиться с господином посланником для того, чтобы прокомментировать эту ноту.

На следующий день Вознесенский посетил посольство Китая и сообщил, что будучи назначен дипломатическим представителем РСФСР в Пекине, он намерен 22 января выехать к месту службы. Однако согласие китайского правительства не было получено. 24 числа, когда Вознесенский уже должен был ехать по Транссибирской магистрали, он вместо этого принимал у себя на квартире советника китайского посольства Ли Шичжуна. В разговоре с ним заведующий Восточным отделом упомянул о том, что его отъезд откладывается до 29 января. Но ему снова было отказано во въездной визе.

Об отрешении от должностей всех бывших дипломатических и консульских представителей старого режима Чичерин вновь напомнил в ноте Министерству иностранных дел в Пекине от 8 апреля 1918 года. Он подчеркивал, что дальнейшие сношения правительства Китая с лишенными всяких полномочий лицами будет рассматриваться в Москве как вмешательство во внутренние дела РСФСР. В ноте выражалась надежда на то, что “Китайское Правительство подобным вмешательством во внутренние дела России не захочет нарушать дружественных отношений, существующих между двумя соседними странами”. [96]

Видимо после этого у кого-то из руководителей НКВД и родилась неординарная идея. Никто тогда не мог предвидеть, что Советская Россия будет официально признана Китаем лишь через пять с лишним лет. Поэтому решено было не мешкая направить в Китай консулов, но... пока что в качестве частных лиц. Прибыв на место, представители Наркоминдела должны были дожидаться момента восстановления официальных отношений между двумя странами с тем, чтобы сразу же после этого приступить к исполнению своих обязанностей. Прежде всего им предстояло принять от прежних консулов имущество и архивы.

Правда, никто не мог припомнить, бывали ли подобные прецеденты в предшествующей истории международных отношений, но на то ведь и величайшая из революций, чтобы идти непроторенными дорогами!

Рассмотрев несколько кандидатур на пост консула в Шанхае, Вознесенский остановил свой выбор на моем дяде. Карахан поддержал это решение. И вскоре Михаил Георгиевич выехал во Владивосток, откуда должен был добраться до Шанхая.

До Владивостока, далее морем

Спустя четыре года Михаил Георгиевич вернулся в город, с которым так много было связано в его жизни – служба в армии, учеба в университете.

Многое изменилось во Владивостоке до неузнаваемости.

Первый Владивостокский совет был избран еще в марте 1917-го. Тогда большинство в нем составляли эсеры и меньшевики, но большевистское влияние в массах неизменно росло. Рабочую секцию Совета возглавлял большевик К. Суханов.

В сентябре Владивостокский совет принял большевистскую декларацию об организации власти в центре и на местах. На созванном 15 октября Всесибирском съезде Советов была принята резолюция, в которой говорилось:

Всякое соглашательство с буржуазией должно быть решительно отвергнуто. Всероссийский съезд Советов должен немедленно взять в свои руки власть... В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут съезду действительную поддержку. [97]

Как только во Владивосток пришло известие о революции в Петрограде, местный совет принял решение о взятии власти. Был избран исполнительный комитет, больше половины членов которого составляли большевики. Во главе исполкома встали К. Суханов и П. Никифоров. А в феврале 1918 года были распущены городская дума, возглавлявшаяся меньшевиком Агаревым, и земская управа, председателем которой был эсер Медведев.

Поскольку Наркоминдел предписывал вновь назначенному консулу в Шанхае работать в контакте с Владивостокским Советом, мой дядя по прибытию в город немедленно явился за инструкциями к председателю исполкома Суханову.

Некоторое время потребовалось для сборов, получения всей необходимой документации, изготовление печатей и тому подобное. Наконец, все было готово. Михаил Георгиевич сел на пароход, отплывавший в Шанхай, и отправился к месту своей новой службы.

И только после того, как он добрался до места назначения, постепенно выяснилось, что Наркоминдел явно опередил события. В Шанхае пребывал подчинявшийся Кудашеву прежний российский консул В. Гроссе, который вовсе не собирался складывать чемоданы. А пекинское правительство и слышать не хотело о признании РСФСР прежде, чем это сделают союзники. Положение советского консула, не имевшего возможности выступать в качестве официального лица, было, согласитесь, двусмысленным.

К тому же примерно через два месяца у Михаила Георгиевича кончились деньги, и он остался в чужом городе без средств к существованию. Надо было что-то предпринимать.

В конце концов он решил, что ему не остается ничего, кроме как исправить неоправданную поспешность Карахана и вернуться во Владивосток в ожидании последующих указаний.

Но там его подстерегало новое, еще более серьезное испытание.

Впервые за решеткой

В мае в Сибири вспыхнул чехословацкий мятеж. Еще не до конца сформированные части Красной Армии были не в состоянии противостоять Чешскому легиону, который, ставил своей целью не свержение власти большевиков, а лишь возвращение на родину. Путь в Прагу лежал через Владивосток, который был взят 29 июня. К этому моменту все пространство от Среднего Поволжья до Приморья оказалось в руках чехословаков.

К власти во Владивостоке пришло правительство Автономной Сибири. Генерал Иванов-Ринов начал арестовывать большевиков, к которым был причислен и мой дядя, только что вернувшийся из Шанхая.

Через несколько дней после этого похороны убитых во время переворота вылились в стихийную демонстрацию рабочих.

– Мы требуем, чтобы на похоронах наших товарищей присутствовали Суханов и Никифоров! – пронеслось по площади.

Скопление людей на центральной площади было столь значительным, что чехи не решились идти наперекор. Вскоре один из офицеров скрылся в здании штаба, а выйдя из него, объявил:

– Суханов сейчас придет, а Никифорова доставить не можем: он находится в ведении других властей!

Суханова привезли на машине под конвоем. Он попытался обратиться к присутствующим с призывом не прекращать борьбу, но ему не дали говорить и снова увезли.

Процессия двинулась в направлении городского кладбища. Проходя мимо тюрьмы, демонстранты фуражками приветствовали заключенных в ней товарищей.

Несостоявшегося шанхайского консула держали в это время в одной тюремной камере с Никифоровым. В отличие от Суханова, которого через некоторое время после этого вывели из тюрьмы и расстреляли, им повезло. В марте 1919 года они были освобождены.

Никифоров позднее занимал важные посты во Временном правительстве Приморья, а затем стал премьер-министром Дальневосточной Республики.

В поисках средств к существованию мой дядя, свободно говоривший по-английски, устроился переводчиком в одну из американских фирм.

О возвращении в Москву пока нечего было и думать.

Часть четвертая

СОГЛАСНО МАНДАТУ

В поисках инициалов

In fatis est, что значит “на роду написано”

Так все-таки что в жизни человека определяется объективными закономерностями исторического развития общества и что зависит от непредсказуемого стечения случайных обстоятельств? Не знаю, как у вас, но в моей жизни случай не раз и не два играл исключительную, решающую роль.

Читатель, перелиставший предыдущие страницы этой книги, очевидно помнит, что мой дядя в свое время отправил учиться в Швейцарию свою сестру Александру. В отношении моей мамы у него был иной план. Он почему-то решил, что ей больше подошла бы Италия. Но что-то помешало осуществлению задуманного, и мама уехала учиться в Москву, на Бестужевские курсы. Там она познакомилась со студентом Московского университета Васей Крюковым, моим будущим отцом. Но ведь этого наверняка не произошло бы, если бы она училась не в Москве, а где-нибудь в Венеции!

Как-то раз разговор на эту тему зашел у нас с моей старшей сестрой Натудей, и она, выслушав изложенную выше точку зрения, вдруг рассмеялась.

– В чем дело? – удивился я.

И услышал в ответ, что лично мое появление на этот свет зависело, оказывается, не только от несостоявшейся маминой поездки в Италию, но и еще одного, не менее важного стечения случайных обстоятельств.

Дело было в том, что едва я стал проявлять первые признаки жизни, родители мои собрались на семейный совет. Шел голодный 1931 год, на продуктовые карточки выдавали немного пшена

и воблы – деликатесы, не слишком подходящие для будущего новорожденного. По здравому размышлению решено было ограничиться тремя уже имевшимися в наличии детьми, и мама отправилась к доктору за практическими указаниями.

Но врач, которого я должен теперь считать своим благодетелем, то ли был в тот день не в духе, то ли вообще относился к своим обязанностям спустя рукава. Так или иначе, он заявил маме, что она пришла слишком поздно и ребенка придется оставить. И только после моего рождения выяснилось, что врач ошибся в своих подсчетах и мое появление на свет вполне могло не состояться.

Не потому ли я всю свою жизнь ощущал на себе какую-то особенную нежность, с которой ко мне всегда относилась моя мама? Спору нет, она старалась делить свои материнские чувства на всех детей, но мне при этом каждый раз почему-то доставалось больше, чем брату или сестрам. Горько сознавать, но я не успел вернуть маме даже малую долю ее забот обо мне. Когда я окончил Пекинский университет и вернулся в Москву, ее уже не было с нами.

Но ведь и в Пекин я тогда попал тоже совершенно случайно.

Как-то в начале зимы 1957 года я шел по одной из московских улиц и вдруг встретил своего товарища по институту Володю Мясникова, с которым мы пять лет учились в одной группе (это сейчас он – всемирно известный ученый и действительный член Российской Академии Наук; тогда он был просто Володя). Мы о чем-то поговорили, и он вдруг заторопился: “Прости, мне нужно бежать в министерство!”

Это было странно – какие же это дела у Володи в столь высоких инстанциях? И тут выяснилось, что в Москве в это время формировалась большая группа китаистов (студентов и уже окончивших вуз), которых намеревались послать учиться в Китай. Я об этом ничего не знал, и Володино сообщение было для меня словно гром среди ясного неба: там уже все собрались ехать в страну моей мечты, а я в это время занимаюсь какими-то другими делами! Словом, я тут же побежал в Министерство высшего образования и в последний момент все-таки успел сдать документы.

Самое парадоксальное во всем этом выяснилось чуть позже: кандидатура Володи по каким-то неизвестным причинам была отклонена, а я с его легкой руки попал в число счастливцев, кому довелось тогда поехать в Пекин и учиться в лучшем из китайских университетов.

И в дальнейшем многое в моей жизни происходило совершенно случайно, причем однажды очередное стечение обстоятельств снова было связано с академиком В.С. Мясниковым.

В 1993 году меня пригласили на Тайвань, в Институт истории и филологии Академии наук Китая. По окончанию годичного контракта я уже заказал себе обратный билет до Москвы, как вдруг мне позвонили из Тамканского университета. Выяснилось, что Владимир Степанович Мясников должен был приехать туда читать лекции для аспирантов Института России, но научные и административные дела задержали его в Москве. Тем временем начинался учебный год, медлить больше было невозможно, и меня пригласили хотя бы на время заменить известного российского специалиста. Так я попал в Тамканский университет, где потом был зачислен на штатную профессорскую должность.

Так вот именно там, в Институте России, и произошел еще один совершенно неожиданный случай, имеющий уже прямое отношение к моему повествованию.

Однажды меня попросили дать предварительное заключение о нескольких магистерских диссертациях. Среди них была одна, показавшаяся мне явно легковесной и еще не готовой к защите. Я сел писать на нее отзыв, а для этого мне нужно было выискать в работе хотя бы несколько серьезных огрехов, чтобы моя рекомендация автору не спешить с получением ученой степени и еще немного поработать над темой “Ранние контакты Советской России и Китая” выглядела бы обоснованной.

Помню, как я буквально заставил себя отложить в сторону более важные и интересные занятия и уселся за чтение этой в общем-то очень слабой диссертации. Я делал необходимые мне выписки, когда мое внимание вдруг привлекла фраза:

В начале 1920 года некто полковник Попов, направленный в Китай советским правительством, встретался в Шанхае с Сунь Ятсеном...

Для того, чтобы пояснить читателю, почему этот абзац так поразила меня, я должен сделать здесь еще одно отступление от темы.

Мне довелось как-то прочесть, что иногда в момент физического или нервного напряжения человек вдруг оказывается способным воспринимать окружающее и самого себя с необычной для него степенью проникновения в происходящее и даже чувствовать, что с ним произойдет в последующее мгновение. Говорят, такие моменты озарения бывают у спортсменов: разбегаясь перед

прыжком, легкоатлет вдруг как бы со стороны отчетливо видит, что он преодолевает планку, и через миг, уже падая в яму с песком, чувствует, что высота действительно взята...

Хотя в детстве я занимался в легкоатлетической секции, таких ощущений мне во время прыжков в высоту переживать не доводилось. Но зато я прекрасно помню момент, когда мы играли в футбол и я должен был пробить штрафной. Я сделал замах и тут неожиданно для себя еще до мгновения удара совершенно отчетливо увидел, как пробитый мною мяч влетает в девятку ворот. И именно так это и произошло!

Так вот, когда я прочел приведенную выше фразу из диссертации, меня словно ударило током. Я вдруг сразу и бесповоротно поверил в то, что раньше никогда не приходило мне в голову:

Полковник Попов, встречавшийся с Сунь Ятсеном в Шанхае в начале 1920 года, – это мой дядя...

Основания?

Во-первых, рассуждал или, точнее говоря, убеждал самого себя я, фамилия. Девичья фамилия моей мамы – Попова.

Во-вторых, дядя Миша был полковником, а после революции солдаты избрали его командиром полка.

В-третьих, Михаил Георгиевич был китаистом и его появление в Шанхае с этой точки зрения также вполне закономерно...

Предвижу скептическую усмешку читателя.

Попов – вовсе не редкая фамилия и строго говоря это ровным счетом еще ничего не доказывает. Среди многочисленных Поповых, бывших царских офицеров, перешедших на сторону советской власти, вполне могли быть не только штабс-капитаны, но и полковники.

Знание китайского языка? Но многочисленные эмиссары Москвы, устанавливавшие контакты с Сунь Ятсеном и другими китайскими деятелями в начале 20-х годов (Войтинский, Снефлит, Далин, Иоффе и многие другие), китайского языка не знали. Некоторые из них пользовались услугами китаистов (в частности, петербургского профессора А.А. Иванова, известного в Китае под именем И Фэнгэ), но привлекали их как правило лишь в качестве переводчиков и самостоятельных заданий им не поручали.

И еще одно. Мой дядя никогда не был членом партии. Как могли послать в Китай со столь ответственным заданием не испытанного большевика, а просто бывшего полковника царской армии?

Шанхай, французская концессия, улица Мольера, 29

Все эти возражения звучали, казалось бы, весьма убедительно. И все же они не могли поколебать мою внутреннюю уверенность в том, что “полковник Попов” – это мой дядя, старший брат моей мамы, и что вот здесь, на Тайване, я смогу прочесть еще одну неизвестную мне главу необычной и трагической жизни Михаила Георгиевича Попова.

И я начал поиски.

В особняке на улице Мольера

На первых порах результаты моих разысканий свелись к тому, что я обнаружил материалы, позволявшие хотя бы в общих чертах восстановить обстановку встречи Сунь Ятсена и полковника Попова.

Когда д-ру Суню доводилось бывать в Шанхае, он обычно останавливался на территории французской концессии: здесь он чувствовал себя в большей безопасности. За 65 юаней он снимал там себе небольшую комнату. Но однажды к нему в Кантон приехала из Канады группа китайских иммигрантов. Узнав от секретаря Сунь Ятсена, что у бывшего президента Китая нет в Шанхае собственного дома, они решили, что это непорядок. Посоветовавшись между собой и заручившись согласием правления своей

фирмы, они купили в Шанхае небольшой особняк на улице Мольера и презентовали его Сунь Ятсену. Тот на первых порах категорически отказывался принять столь дорогой подарок и лишь потом уступил настойчивым просьбам своих почитателей.

Порвав весной 1918 года с южным военным правительством, Сунь Ятсен решает поселиться в Шанхае. 8 мая он дал телеграмму находившемуся там Ван Цзинвэю с просьбой выяснить, не предвидится ли каких-либо препятствий для осуществления его намерения. Сун Цинлин, супруга экс-президента, в это время как раз тоже была в Шанхае, где только что похоронила своего отца. Через некоторое время она сообщила мужу о том, что уже договорилась с управляющим французской концессией: возражений по поводу поселения в Шанхае у местных властей не было.

Для того, чтобы добраться до места назначения, Сунь Ятсену пришлось плыть окружным путем – сначала на Тайвань, где он сделал остановку в порту Цзилун, а затем – в Японию. 26 июня 1918 года японский пароход “Кинко мару” с добровольным изгнанником на борту ошвартовался у шанхайского пирса.

Встречать прибывшего в порту собралась целая толпа – человек сто. Им хотелось своими глазами увидеть своего уважаемого лидера. Он появился на палубе в несколько необычном виде – с повязкой на левом глазу, в котором у него перед этим началось воспаление. Кратко ответив на приветствия и отказавшись от интервью, Сунь Ятсен в сопровождении встречавшей его жены уехал прямо на Мольера 29.

Один из друзей д-ра Суня так описывал этот дом:

Мы прошли через красивый бульвар, опоясывающий стадион во французской концессии. Улица Мольера упиралась прямо в его живописную ограду. Третьи ворота от угла этой тихой улочки, за которыми газон пестрел цветами, – вот здесь-то и жил великий человек! Небольшой особняк, как нельзя лучше подходивший для непритязательного образа жизни Сунь Ятсена. В нем – гостиная, раньше бывшая удобной столовой. На втором этаже – кабинет и библиотека. Плюс две-три спальни и ванная комната – вот и все скромное жилище. Запомнился симпатичный балкон, под которым располагался красивый сад; в хорошую погоду двери здесь всегда были открыты. Большая часть мебели была европейского типа. [98]

А вот другое описание:

Дом на территории французской концессии в Шанхае, в котором жил д-р Сунь, – каменный двухэтажный особняк в европейском стиле. Обстановка в доме – наполовину китайская, наполовину – европейская. Это сочетание, являвшее собой воплощение эстетических

представлений г-жи Сунь, привлекало своим изяществом. В гостиной стоял рояль – свидетельство музыкальных пристрастий этой супружеской четы. [99]

Личность Сун Цинлин действительно во многом определяла облик их жилища на улице Мольера. По словам очевидцев, в этом доме они сразу обращали внимание на европейскую обстановку интерьера, лужайку для крокета (любимое развлечение четы) и саму очаровательную хозяйку дома, которая обычно занимала гостей приятной светской беседой об английской литературе или новостях сезона в Метрополитен Опера.

В конце 1919 года Сунь Ятсена посетил в Шанхае Матвеев-Бодрый; вот каким предстал его взору дом №29 по улице Мольера. Небольшой особняк за белой стеной. Автомобиль остановился рядом с домом. Внешне он ничем не выделялся на фоне других таких же шанхайских домов. Не без волнения гости подошли к воротам и нажали на звонок. Дверь приоткрылась и за ней появился невысокий пожилой китаец. Он был чисто выбрит, очень скромен и приветлив. Он не был похож на слугу. Можно было предположить, что это охранник Сунь Ятсена. Он пригласил приехавших войти во двор и провел к открытой двери в дом. [100]

Судя по всему, невысоким пожилым китайцем со свежесвыбритым лицом, открывшим тогда ворота во двор суньятсеновского дома, был Ма Сян, выполнявший при Сунь Ятсене функции домоуправителя и впоследствии опубликовавший свои воспоминания под названием “Десять с лишним лет рядом с Сунь Ятсеном”.

Ма Сян пишет, в частности, о том, что жили в этом доме более чем скромно. На еду ежедневно тратили не более двух юаней в день, в связи с чем автор вспоминает следующий комичный случай.

Однажды в гости к Сунь Ятсену пришел бывший премьер-министр Китайской республики Тан Шаои, возглавлявший на проходивших тогда в Шанхае переговорах Севера и Юга делегацию кантонского правительства. Коллеги по первому республиканскому правительству так заговорились, что не заметили, как настало время обеда, а в доме было хоть шаром покати. Тогда хозяин послал Ма Сяна купить на углу жареную курицу. Проголодавшийся Тан Шаои мигом умял ее и вопросительно смотрел на Сунь Ятсена в ожидании, когда принесут следующее блюдо. Делать было нечего, и Ма Сян принялся за поиски на кухне, которые увенчались обнаружением залежавшегося там куска соленой рыбы. Гость принялся за нее, приговаривая, что из-за своего прекрасно-

го аппетита он обычно тратит по 10 юаней за один обед. Ма Сян тут же сравнил две цифры, свидетельствовавшие о том, что экс-премьеру в те годы жилось куда вольготнее, чем бывшему президенту. Интересно, а чем потчевали в его доме полковника Попова?

Ма Сян рассказывает также о другом эпизоде их шанхайской жизни. Однажды Сунь Ятсен и Сун Цинлин вместе с Ма Сяном отправились в книжную лавку и вышли из нее нагруженные несколькими большими связками книг. До дома было далеко, и Сунь Ятсен попросил Ма Сяна взять извозчика. Но тут выяснилось, что все деньги, которые захватила с собой хозяйка, были уже истрачены на покупки. Пришлось мажордому порыться в карманах и найдя там последние 40 фэней, расплатиться с извозчиком.

Книги вообще были страстью Сунь Ятсена. Он говорил:

В моей жизни помимо революции существовали только книги. Если в течение дня я не брал в руки книгу, существование становилось невыносимым. [101]

Невольно вспоминаешь Чичерина, для которого кроме революции на свете существовала только музыка, и прежде всего — Моцарт, о творчестве которого он написал объемистое исследование.

Но вернемся в дом Сунь Ятсена, следуя за Матвеевым-Бодрым и его спутниками.

Войдя в дверь, они заметили слева за сводчатым проемом в стене просторную комнату. Она была буквально заставлена цветами, словно это была не комната, а красивая крытая оранжерея. Гостей поразило то, что начиная с самого порога в этом доме было чисто, словно в больничной палате.

По деревянной лестнице они поднялись на второй этаж. Эта блестящая лестница вела в кабинет хозяина. Приехавшие поднимались молча, взволнованные тем, что через минуту-другую увидят человека, которого знает весь мир.

Вошли в просторный кабинет; в нем никого не было. Окинули взглядом стены, обстановку и письменный стол. Через открытое окно в комнату лился яркий солнечный свет. Мебель была скромной, кабинет производил впечатление простоты и строгости. Все здесь подчинялось рациональным требованиям хозяина.

Большой письменный стол и все, что находилось на нем, свидетельствовало об образе мыслей, которым должен был обладать ученый. В застекленных шкафах, поднимавшихся почти до потолка

“Хозяйка дома говорила по-английски, причем гораздо чище и свободнее, нежели ее супруг“.

(Ван Гэнсюн)

ка, было множество книг. По этикеткам на корешках хозяин мог сразу определить их названия. Матвеев-Бодрый подумал, что, вероятно, он мог найти нужную ему книгу даже с закрытыми глазами...

В этот момент, поднявшись по лестнице, в кабинет неслышно вошел китаец. Это был пожилой человек высокого роста, широкоплечий, с большой головой. Он был коротко острижен и одет в светло-синий длинный, почти до самого пола, халат.

Нетрудно было догадаться, что вошедший – хозяин этого тихого особняка Сунь Ятсен. Поздоровавшись с ним, гости с интересом смотрели на его широкое лицо с выступающими скулами, на котором вдруг промелькнула едва заметная улыбка. Глаза у Сунь Ятсена были очень живые, выдававшие его незаурядный ум. Приветливым простым жестом Сунь Ятсен пригласил гостей сесть в кресла. [102]

И наконец – воспоминания Г.Н. Войтинского, приезжавшего в Шанхай и встречавшегося с Сунь Ятсеном в этом доме осенью 1920 года. Сунь Ятсен принял его в своем кабинете. Просторная комната, в ней много шкафов, полных книг. На вид ему дашь лет 45-47 (хотя в действительности было 54). Вопреки обыкновенным китайским обычаям вежливости, Сунь Ятсен сразу усадил Войтинского за стол и приступил к вопросам о революции в России. [103]

В конце 50-х годов Григорий Наумович преподавал новейшую историю Китая в Московском Институте востоковедения. Мы встречались с ним только на лекциях, а вот другой мой тогдашний учитель – Р.В. Вяткин – имел возможность постоянно общаться с профессором Войтинским.

Рудольф Всеволодович вспоминал:

Как сейчас помню, в один из весенних дней в Сокольниках, где тогда находился Московский институт востоковедения, мы сидели в профессорской после окончания лекций и Григорий Наумович начал вспоминать некоторые эпизоды своей жизни в Китае. “Я был нередким гостем Сунь Ятсена, – говорил он. – Приходил к нему обычно в первой половине дня. Приносили неизменный чай, мы рассаживались за маленьким столиком, часто с нами была и Сун Цинлин”. [104]

Примерно так же Сунь Ятсен, вероятно, встречал в феврале 1920-го и приехавшего из России полковника Попова.

Гораздо хуже обстояло дело с выяснением конкретных подробностей этой встречи.

Загадка фигуры умолчания

Тамканский университет – не самый большой и известный на Тайване, однако в одном отношении он превосходит все другие здешние вузы. Речь идет о том, что уважаемый основатель этого частного университета д-р Чжан Цзяньбан в свое время определил трех китов, на которых надлежало утвердиться его любимому детищу. К таковым относились: интернационализация, ориентация на будущее и компьютеризация. Благодаря этому Тамканский университет стал обладателем лучшего на Тайване информационно-компьютерного центра, а это предоставило преподавателям и студентам уникальную возможность с предельной легкостью получать исчерпывающие сведения обо всей существующей в природе научной литературе, будь то книги или статьи на китайском или любом из европейских языков.

Грех было не воспользоваться столь очевидными преимуществами для того, чтобы с минимальной затратой сил и времени познакомиться с исследованиями по истории советско-китайских отношений и выяснить, что же известно специалистам о встречах Сунь Ятсена с “полковником Поповым” ранней весной 1920 года.

Первой книгой, в именном указателе которой я с волнением обнаружил фамилию “Попов”, была монография американки Л. Шарман “Сунь Ятсен: его жизнь и ее смысл”. Но открыв текст на указанной автором странице, я был разочарован:

В то время Китай стал убежищем для многих несчастных, лишившихся состояния русских. Как утверждают, в 1919 году в Шанхай прибыл русский наблюдатель Попов. [105]

Вот и все. Информация была расплывчата и неопределенна. Она практически ни о чем не свидетельствовала, не содержала ссылок на источник и потому не указывала направления для дальнейших поисков.

Совсем иное дело – книга известного американского историка К. Уилбура “Сунь Ятсен. Разочарованный патриот”. Этот автор сообщал о том, что визитер из России был послан в Шанхай со специальной миссией и после ее завершения рассказывал о впечатлениях, которые вынес из встречи с д-ром Сунем.

Более того, Уилбур приводил указание на некое хранящееся ныне в Национальном архиве Соединенных Штатов донесение,

из которого, собственно, нам и известно о самом факте переговоров. Упоминал он и о воспоминаниях составителя этого документа, с которыми можно познакомиться в библиотеке Колумбийского Университета в США. К сожалению, автор этого исследования не сообщал того, что на этом этапе было для меня главным – имени или хотя бы инициалов Попова. А без этого я по-прежнему не мог быть уверенным в том, что мое предположение правильно.

Из-за занятости по работе в Тамканском Университете, где я читал лекции и потому не мог надолго бросить своих студентов на произвол судьбы, я не имел возможности сразу же осуществить план, который мгновенно созрел в моей голове: отправиться в Вашингтон, чтобы разыскать оригинал документа, выборочно процитированного Уилбуром. Может быть в нем все-таки упоминаются инициалы Попова?

Вот в этот критический момент мне на помощь и пришел мой старинный товарищ по Институту этнологии и антропологии РАН И.И. Крупник. Он работает сейчас в США, и я, узнав его адрес, наудачу послал ему письмо с просьбой посодействовать. Игорь Ильич откликнулся и посоветовал написать в Национальный архив по указанному им адресу и попросить прислать копию искомого документа.

Послание в Штаты было отправлено, но неделя проходила за неделей, а ответа все не было.

Между тем, просматривая одну за другой все ставшие доступными мне монографии и иные публикации о ранних контактах Страны Советов с Сунь Ятсеном, я обнаружил одно совершенно удивительное и непонятное мне явление.

Имя Попова упоминалось в специальной литературе довольно часто, однако о нем писали главным образом американские авторы, на которых позднее стали ссылаться китайские историки. Но лишь в одном из многочисленных советских исследований мне удалось найти ссылку на то, что некто Попов был судя по всему первым советским эмиссаром, беседовавшим с Сунь Ятсеном. Создавалось впечатление, что русские, отправившие его с миссией в далекий Шанхай, ничего о Попове не знали. Это было поистине странное обстоятельство, еще более подогревавшее интерес к начатым мною поискам.

Допустим, рассуждал я, в советских архивах по тем или иным причинам не сохранилось следов поездки Попова в Китай. Но со-

ветские исследователи читают зарубежную научную литературу и им известна, в частности, книга Уилбура; о ней они нередко упоминают в своих исследованиях. Почему же в таком случае вокруг имени полковника Попова существовал какой-то необъяснимый заговор молчания?

Я долго размышлял над этим, и мне в голову наконец пришла мысль, возможно, дававшая ключ к разгадке парадокса. К тому же она еще более укрепляла меня в моей первоначальной уверенности.

Но об этом – ниже.

Два изображения сливаются в одно

Донесения Джорджа Сокольского

Вы поймете непередаваемое словами волнение, с которым я в один прекрасный день взял в руки конверт с надписью “Национальный архив США”. Что в нем? Письмо, в котором вежливо сообщают о том, что не могут послать нужный мне документ? Или все-таки...

Я держал конверт двумя руками и все никак не мог заставить себя вскрыть его. На карту было поставлено слишком многое. Наконец, я решился. Кроме письма от сотрудника архива Уолша в конверте было еще что-то. Неужели мне вновь фантастически повезло?.. Я развернул ксерокопию текста и в какие-то мгновения пробежал глазами все пять страниц:

Генеральный консул США

№148 Шанхай, Китай, 30 марта 1920 г.

Донесение м-ра Сокольского о взаимоотношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками.

Достопочтенному Государственному секретарю, Вашингтон.

Сэр,

Я имею честь направить Вам донесение, составленное м-ром Джорджем Е. Сокольским и врученное мне конфиденциально, об отношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками. М-р Сокольский связан с Китайским бюро общественной информации и считается довольно хорошо информированным в такого рода вопросах. Следует упомянуть о том, что многие считают его социалистом крайнего толка. Поскольку содержимое пакета было передано в мой офис конфиденциальным образом, оно направляется в департамент для информации, но не для печати. Впрочем, сомнительно,

что в подобной публикации вообще мог бы быть какой-либо смысл.

Имею честь, сэр, оставаться Вашим покорным слугой,

Эдвин Г. Каннинггам, Генеральный консул США

Приложение 1. Донесение об отношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками. 22 марта 1920 г.

Конфиденциально.

Большевистская пропаганда в Шанхае незначительна и никак не связана с Москвой. Три основных фактора заслуживают упоминания в этой связи: генерал Потапов, полковник М.Г. Попов и Русское Бюро Труда.

Генерал Потапов выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции. На самом деле во время столкновения между Керенским и Корниловым в Петрограде он был на стороне Корнилова и действовал против революционных войск. В этом – одно из объяснений его появления на Дальнем Востоке. Будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-либо существенное. Он – неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным сомнением о важности собственной персоны. Он высказывается в том смысле, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать Владивостокское Земство; он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно. Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом. Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде в Шанхае. Он был в близких отношениях с генералом Ван Итаном и секретарем последнего, м-ром Цао. Он также обсуждал свои планы с генералом Гао Шипином, бывшим начальником штаба дучжуня Гиринской провинции. Однако Гао Шипин не обладает ни властью, ни влиянием; он воспротивился даже тем, кому первоначально импонировал его разгульный образ жизни.

Генерал Потапов – близкий друг м-ра Лю, корейца, который недавно встречался в Токио с м-ром Хара и которого считают японским агентом. М-р Лю называет себя демократом, но есть серьезные основания полагать, что он просто друг (так в оригинале. – М.К.). Остается неясным, почему он и генерал Потапов так близки между собой.

Потапова не следует принимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках.

Полковник Попов – человек совершенно иного сорта.

Он прибыл с мандатом, выданным ему командующим большевистскими войсками в Амурской области. Я видел его мандат, который оказался подлинным. Его миссия носит секретный характер и он никому не открывает ее цели. Он не вовлечен в пропаганду.

Тем не менее он посетил м-ра Тан Шаои, который передал ему копии китайско-японского оборонительного пакта, заключенного в мае 1919 года.

Полковник Попов читает, пишет и говорит по-китайски и по-японски; он переводил на русский язык японскую поэзию. Он служил в армии при старом режиме и был пять или шесть раз ранен. В 1918 году он был послан Троцким для принятия всей собственности, принадлежащей России на Дальнем Востоке, но был взят в плен чехами и попал в тюрьму.

Во время своего нынешнего визита он встречался с д-ром Сунь Ятсеном, который обсуждал с ним возможности сотрудничества.

Полковник Попов пришел к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы. Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира. Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного.

Полковник Попов встречался также с корейцами, студентами и т. д., но в его намерения входило составить себе представление о местной ситуации. Он привез с собой письмо от русских студентов во Владивостоке, адресованное китайским и корейским студентам.

По его поведению я делаю вывод, что полковник Попов был послан для ознакомления с ситуацией и перспективами на будущее, а также для того, чтобы выяснить состояние дел здешнего российского консульства.

Местные русские не знают, ради чего он приехал, а он не информировал их об этом. Он сообщил мне, что их идеи и способности не произвели на него сильного впечатления. Исключение составляет лишь один из них, м-р Тобинсон, известный в России под другой фамилией; его брат является командиром, под началом которого служит полковник Попов.

М-р Тобинсон жил в Соединенных Штатах, а сейчас является здесь сотрудником одной американской фирмы.

В настоящее время полковник Попов уже вернулся во Владивосток.
[106]

Главное, в поисках чего я тщетно бился несколько лет подряд, – это инициалы в самом начале документа: “полковник М.Г. Попов”. Михаил Георгиевич Попов. Старший брат моей мамы – Нины Георгиевны Поповой.

2.
pictures living. General Potapoff is a very intimate friend of Mr. Lynch, the Korean who visited Mr. Sava in Tokyo recently and who is suspected of being a Japanese agent. Mr. Lynch claims to be a Communist but there is every reason to believe that he is a friend. Why he and General Potapoff are such close friends is not altogether clear. Potapoff is not to be taken seriously. Nobody here, except ~~anybody~~ looking for a Bolshevik stooge Colonel Potapoff is quite a different sort of man. He came here with credentials from the Commander of the Solovki troops in the Amur district. I saw the credential and it was bona fide. His mission was of a secret nature and he did not disclose its purpose to anyone. He did not engage in propaganda. He did however visit Mr. Tang Shao TI, and gave him copies of the Sino-Japanese Defense Pact of May 1918 in Chinese. Colonel Potapoff reads, writes and speaks Chinese and Japanese and has translated Japanese press into his Russian. He has been in the old regime army and has been wounded five or six times. He was sent here by Trotsky in 1918 to take over all the property belonging to Russia in the Far East and was captured by the Chinese and imprisoned.

During his visit here this time to see Dr. Sun Yat-sen who discussed possibilities of co-operation, Colonel Potapoff thought that Dr. Sun's plans were impossible of fulfillment. He said that the Manchurians were tired of fighting and wanted peace. He characterized Dr. Sun as an old fashioned militarist who saw no way of saving his country except through arms. Colonel Potapoff also met Borzhen, students and others but his general attitude was to find out what the situation was here. He brought a letter to the Chinese and Korean students from the Russian students in Tsingtao. From his general attitude I assume that Colonel Potapoff was sent here to ascertain what the situation and the

Совпадали и другие детали: знание китайского и японского языков, ранения на фронте, чехословацкий плен...

Сомнений больше быть не могло. Это была победа!

А примерно через полтора года после этого благодаря усилиям аспиранта Института России Дай Говэя мне удалось получить еще один документ, проливающий дополнительный свет на переговоры полковника Попова с Сунь Ятсеном на улице Мольера, 29, в марте 1920 года.

Работая над темой “Сунь Ятсен и Чэнь Цзюньмин”, Дай Говэй обнаружил еще одно донесение Дж. Сокольского, попавшее в конечном счете в архив военной разведки США. Оно датировано более поздним временем, чем первое – 1 июня. В этом документе дается оценка политической ситуации в Китае и высказывается мысль о том, что в случае, если державы окажут финансовую помощь Сунь Ятсену, она будет использована для реализации его военных планов, “весьма далеких от насущных нужд этой страны”. [107]

Мы знаем, что конечной целью Сунь Ятсена было свержение Пекинского правительства и объединение Китая силой оружия. Но в конце 1919 года он пришел к выводу, что осуществить свой “Северо-Западный план” ему удастся лишь после объединения под своей эгидой всего Юга.

В это время он видел главного врага прежде всего в лице Южного военного правительства, которое он еще недавно возглавлял, – не случайно генерал Потапов, рассказывая впоследствии о своих контактах с Сунь Ятсеном, называл его “врагом пекинского и кантонского правительства”. [108] Последнее контролировалось гуансийскими милитаристами и поэтому все помыслы шанхайского отшельника были направлены на борьбу с Гуанси.

В своем втором донесении [109] Сокольский пишет:

Д-р Сунь неоднократно говорил мне, что он собирается силой оружия уничтожить гуансийцев на Юге. То же самое он сообщил большевистскому представителю в Китае Попову. Он спросил большевика, сможет ли Москва помочь ему и в этой операции.

Такой поворот, судя по всему, был для Попова неожиданным. Сам по себе план введения частей Красной Армии через Туркестан в северо-западные провинции Китая для дальнейшего похода на Пекин с военной точки зрения представлялся ему в высшей степени сомнительным. Участие же советских соединений в военных действиях на далеком Юге тем более должно было показаться Попову неосуществимой авантюрой.

“Полковник Попов – человек совершенно иного сорта”.
(Дж. Сокольский)

Попов спросил его, почему он не планирует военные действия прежде всего против ориентирующихся на Японию Маленького Сюя (Сюй Шучжэна) и Дуань Цижюя. Д-р Сунь ответил, что прежде всего следует очистить от милитаристов Юг. После этого он предпримет поход на Север.

К началу 1920 года Сунь Ятсен уже наладил тесные контакты с аньфуистской группировкой и вел с ней в это время секретные переговоры о предоставлении ему финансовой помощи. Его русский собеседник не знал об этом.

Попов спросил его, не допускает ли он, что аньфуисты сначала используют его в своих целях, а когда он поможет им уничтожить [милитаристов] Юга, они уничтожат его самого?

Он ответил, что это невозможно, так как он обладает более значительными силами.

Сокольский добавляет: в разговоре с ним Сунь Ятсен заявлял, что один его солдат может справиться с двумя иностранными или с добрым десятком из армии любого другого военачальника... У Михаила Георгиевича на этот счет было совсем другое мнение.

Аргументы полковника Попова, отвергнувшего план Сунь Ятсена ввиду его нереальности, хорошо запомнились Чичерину и тот уверенно оперировал ими, когда примерно через год после этого на его рассмотрение был представлен аналогичный замысел.

В мае 1921 году в Москве появился некто Цзян Канху, отрекомендовавшийся председателем Китайской социалистической партии. На первых порах он был обласкан высшими советскими руководителями и даже стал делегатом III-го конгресса Коминтерна. Цзян Канху сформулировал предложение, которое почти полностью повторяло прежний “Северо-Западный план” Сунь Ятсена. Опять речь шла о вводе частей Красной Армии на территорию Синьцзяна, которую предполагалось превратить в военный форпост китайской революции; оттуда войска необходимо было перебросить в Гуандун, тем самым протянуть руку Сунь Ятсену и связать его с Советской Россией. Сообщая об этом начальнику Штаба Красной Армии Лебедеву, Чичерин добавлял от себя, что подобный план мог появиться на свет лишь благодаря тому, что его автор плохо знал географию. [110]

Недаром же говорили, что способность аккумулировать в своей памяти суждения и факты была одним из самых замечательных достоинств советского наркома по иностранным делам!

Их человек в Шанхае

Донесения Сокольского о контактах Сунь Ятсена с большевиками содержат немало ценных исторических данных. Но их анализу следует предпослать краткие сведения об авторе этих сообщений.

Джордж Сокольский родился в 1893 году в Нью-Йорке в еврейской эмигрантской семье, переселившейся из России. Его отец был раввином. А сам он с детства рос в атмосфере, которая и в России и в Америке порождала скептиков, нигилистов и мятежников.

Джордж поступил в Колумбийский университет, но вскоре был исключен – по причинам, которые по-разному толкуются его биографами. Так или иначе, он решает отправиться в Россию, где, как он был уверен, творится история.

Сокольский попал в Петроград летом 1917-го. Вскоре он стал свидетелем Октября и имел возможность лично познакомиться с многими из тех, о ком он знал раньше лишь понаслышке (по его собственным словам, имя Льва Троцкого было известно ему еще до поступления в университет).

А затем произошло одно малопонятное событие. Американский журналист, получивший редкую возможность своими глазами наблюдать, как делается революция, то ли разочаровывается в своей мечте, то ли, напротив, оказывается в числе добровольцев, призванных нести идеи Октября вперед и дальше. Так или иначе, Джордж Сокольский покидает Советскую Россию и отправляется в Китай.

В марте 1918 года, то есть примерно в то же самое время, когда М.Г. Попов ехал во Владивосток, чтобы затем отправиться в Шанхай, Сокольский сидел у окна поезда, двигавшегося в том же направлении.

После непродолжительного пребывания в Тяньцзине, он в конечном итоге оказывается в Шанхае и поступает на службу в одно из зарубежных информационных агентств.

Где-то в начале 1919 года Сокольский знакомится с Сунь Ятсеном и оказывается в его окружении. Лидер Гоминьдана, как мы знаем, немного владел английским языком, но все же не настолько хорошо, чтобы самому писать своим иностранным респондентам. Он привлек для этой цели Сокольского, которому поручил также функции редактора организованной им англоязычной “Shanghai Gazette”.

Так молодой американский журналист, только что вернувшийся из Петрограда, стал своего рода доверенным лицом Сунь Ятсена. Ежедневно после обеда он приходил на улицу Мольера, 29 и обсуждал с вождем китайской революции содержание очередной передовой статьи. Нередко он присутствовал на встречах Сунь Ятсена с зарубежными гостями, а также переводил получаемую им корреспонденцию и готовил тексты ответов.

Сказанное однако не означает, что “толстяк Джорджи”, как называли его друзья, полностью разделял идеи своего работодателя. Его, в частности, увлекала мысль о возможности осуществления федеративного государственного устройства в Китае, весьма популярная в те годы среди китайской интеллигенции. Сунь Ятсен же относился к ней резко отрицательно, полагая, что новый демократический Китай должен быть единым унитарным государством (позднее расхождения по вопросу о федерализме в Китае стали одной из причин разрыва Сунь Ятсена с Чэнь Цзюньмином, выступавшим за создание федерации провинций).

Отношение к Сокольскому в Шанхае было двойственным. Многие считали его коммунистическим агентом; до сентября 1920 года его имя продолжало оставаться в списках подозреваемых в причастности к большевистской пропаганде, регулярно составлявшихся английскими секретными службами в Китае. Другие, в том числе американский военный атташе полковник Уолтер Драйздел (тот самый, у которого в его бытность в Пекине установились дружеские отношения с М.И. Казаниным) и генеральный консул США Эдвин Каннинггам, вполне доверяли своему молодому соотечественнику.

Достаточно близкие отношения между Сокольским и Каннинггамом привели к тому, что официальный представитель Соединенных Штатов однажды предложил журналисту стать его осведомителем и регулярно сообщать в консульство о контактах Сунь Ятсена с иностранцами. Сокольский принял это предложение.

В результате этого альянса в Госдепартамент стали поступать донесения, составлявшиеся Сокольским. Среди них был и документ, датированный 22 марта 1920 года и информировавший о встречах Сунь Ятсена с генералом Потаповым и полковником Поповым.

Сунь Ятсен не подозревал об этой тайной роли своего сотрудника, которому он продолжал полностью доверять. Позднее, уже в начале 1923 года, Сокольскому было, например, поручено про-

вести необходимую подготовительную работу по организации переговоров Сунь Ятсена и полномочного представителя России в Китае Иоффе, завершившихся публикацией известного коммюнике.

Тем временем “толстяк Джорджи” активно сотрудничал с издававшимися в Китае американскими газетами, в которых время от времени публиковал статьи на злободневные политические темы. Вскоре он стал одним из самых авторитетных американских корреспондентов в Китае.

В 1931 году Сокольский вернулся в США и продолжал заниматься там журналистской деятельностью. В 1935 году он стал писать обзоры на темы дня для “New York Herald Tribune”, критикуя президента Рузвельта, а позднее подвизался на телевидении, став продюсером собственной программы.

На 40-е годы приходится пик его карьеры газетчика. Передовые статьи, которые он писал для “New York Herald Tribune”, а позднее для “New York Sun”, пользовались огромным успехом.

В конце сороковых годов он посвятил немало времени и сил разоблачению пороков дальневосточной политики Трумэна и немало преуспел в этом.

Сокольский оставил после себя пухлые мемуары, хранящиеся ныне в Колумбийском университете.

Постановили: шпионам не верить

Но вернемся к началу 1920-го, к тому периоду пребывания Джорджа Сокольского в Китае, когда он, облеченный доверием Сунь Ятсена, шпионил за ним, информируя о его контактах с иностранцами американское генеральное консульство.

Разведчик – агент – резидент – шпион. Эти слова вовсе не являются в современном русском языке синонимами, хотя все они обозначают человека, так или иначе занимающегося сбором секретной информации. Все дело в том, “на кого он работает”.

Разведчик – это благородный борец за правое дело, наш человек, каждодневно подвергающийся опасности в тылу врага, о коварных планах которого он с риском для жизни сообщает в центр. Разведчик сметлив, решителен и в то же время благороден. Это профессия героя невидимого фронта, романтическая, ответственная, крайне важная для того, чтобы мы в конечном счете сумели одолеть врага.

Шпион – полная противоположность разведчика. Он фигура сугубо отрицательная. Шпион хитер, беспринципен, не брезгает никакими средствами для достижения цели. Он действует не во имя высоких идеалов, а из сугубо корыстных побуждений, потому что хозяева платят за его грязную работу долларами.

Информируя Наркоминдел в лице заместителя наркома Каракхана и заведующего отделом Янсона, министр иностранных дел Дальневосточной республики Б.З. Шумяцкий (Червонный) ссылался в августе 1920 года на сообщения “нашего резидента” в Пекине, “нашей пекинской агентуры”. [111] Незадолго перед тем китаец, проживавший в столице ДВР и умевший писать на ломаном русском языке, представил Шумяцкому доклад о том, что именно было сказано представителем находившейся в Верхнеудинске китайской миссии на собрании тамошних китайцев-иммигрантов 23 июля того же года. Все эти люди, равно как и некто действовавший под псевдонимом “Лидин” и переживший в свое время какой-то “провал в Харбине”, были, разумеется, разведчиками.

Несомненно разведчиком должен был стать и тот “наш человек”, секретно поселить которого в Кантоне распорядился в ноябре 1921 года Владимир Ильич. Какие сведения должен был собирать он? Секретно от кого должен был действовать этот резидент? Быть может, от англичан, обосновавшихся в Гонконге. Или от пекинских властей, проводивших явно недружественную Советской России политику. Но вчитайтесь еще раз в ленинскую записку. Ильич писал тогда Чичерину, что с Сунь Ятсеном “надо всячески быть любезным, писать *регулярнее* и постараться *секретно* поселить нашего человека в Кантоне”. [112]

Замечу в скобках, что при расшифровке этой записки публикаторы допустили некоторые неточности (почерк Ильича был своеобразным): вместо “поселить” они прочли “послать”, но это ошибка легко выявляется благодаря наличию в слове “Кантон” окончания “е”.

Всячески быть любезным – это не то, что характеризует отношения товарищей по общей борьбе. Судя по всему, разочаровавшись в конце 1920 года в возможности опереться на Сунь Ятсена как на единомышленника и соратника, Ленин предлагал проявлять по отношению к нему внешнюю любезность и поддерживать с ним регулярный контакт, но одновременно заслать в Кантон нашего человека, который бы исподволь наблюдал за действиями д-ра Суня.

Думаю, что примерно так же толковали смысл ленинского предписания те советские историки, которые впервые процитировали его, – иначе они не опустили бы при этом последнюю, самую многозначительную фразу вождя. Она явно не укладывалась в априори заданную концепцию искренней и братской дружбы двух великих революционных деятелей, а потому ее постигла судьба других бородавок на канонизированных портретах Ленина и Сунь Ятсена.

Если наш человек, которого планировали поселить в Кантоне для сбора информации о деятельности Сунь Ятсена, был нашим разведчиком, то Джорджа Сокольского разумеется следует считать шпионом. То, что оба должны были заниматься одним и тем же делом, не может изменить такой оценки их деятельности, ведь проводили они ее в интересах своих правительств, находившихся по разные стороны баррикады.

Впрочем, речь сейчас идет вовсе не о нравственной оценке деятельности “Лидина” или Сокольского. Нас в данном случае интересует вопрос о степени достоверности сообщавшейся ими секретной информации.

А это в свою очередь подводит нас к весьма важной проблеме критического анализа источников, находящихся в распоряжении историка.

Без гнева и пристрастия

О некоторых источниковедческих проблемах

Исследователи средневековой и древней истории привыкли к тому, что используемые ими источники относительно немногочисленны. Чем дальше вглубь прошлого, тем меньше мы знаем об объекте наших штудий. Но и в условиях подобного безрыбья специалисты по древней истории будут долго вертеть в своих руках рака, прежде чем решатся причислить его к ихтиологической братии.

К сожалению, их коллеги, занимающиеся новейшей историей и располагающие несравненно более обширной и разнообразной совокупностью исторических фактов, зачастую куда менее строги по отношению к своим источникам. Нередко можно видеть, как восстанавливая историческую ткань недавнего прошлого, авторы вообще не касаются проблем “внешней” и “внутренней” критики источников, для любого античника являющейся неотъемлемой предпосылкой и составной частью исследования, его альфой и омегой.

Под “внешней” критикой источника обычно понимают выяснение вопросов его датировки, авторства и подлинности. Разработаны и тщательно совершенствуются специальные приемы и методы, позволяющие отделить синхронные источники от более поздних, а также выявить подделки.

Ведь известно, что психология древних во многом отличалась от современной. Сегодня исследователь то и дело норовит под шумок присвоить себе достижение своего предшественника, включив его без кавычек в свое собственное произведение. Но подобного понятия “плагиата” в древности вообще не существо-

вовало, точно так же, как отсутствовало тогда и авторское право. Незакавыченное цитирование было всеобщим правилом. Более того, сочинитель нередко стремился приписать свой труд другому, более древнему автору. Авторитет старины придавал большую весомость его собственным высказываниям. Нетрудно понять, какие сложные головоломки приходится порой решать современному исследователю, стремящемуся с достаточной степенью достоверности определить, когда и кем был написан используемый им древний текст.

“Внутренняя” критика источника ставит перед собой иные цели. Она должна по возможности ответить на более сложный вопрос: в какой степени сведения, сообщаемые данным источником, соответствуют исторической реальности или, быть может, являются лишь плодом воображения их автора. Степень достоверности фактов, известных нам из источников различных типов, заведомо неодинакова. Эта проблема является в равной мере актуальной для источниковедения как древней так и новейшей истории.

Достаточно противопоставить в этом отношении документальные свидетельства – ту кипу передовиц, резолюций, протоколов, программ и речей, о которых писал М.И. Казанин, призывавший историка не отгораживаться ими от мира, – и, например, воспоминаниями участников исторических событий.

Сам Марк Исаакович любил и умел вспоминать о том, свидетелем чего ему довелось быть. Он говаривал:

Не существует рецепта писать мемуары, но есть два обязательных условия: говорить правду, что означает – не приукрашивать, не искажать и не угождать, и не добавлять “воды”, т.е. узнанного не из личного опыта. [113]

Все это справедливо и важно. Человек слаб, и осознанное или произвольное желание приукрасить, исказить и угодить – еще не самая неприятная черта его натуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать воспоминания очевидцев, появившиеся на свет не спонтанно, а, скажем, в связи с той или иной юбилейной датой или, хуже того, по прямому социальному заказу. Над ними нередко довлеет то самое неистребимое желание непременно подогнать события и людей под заранее выструганную рамку, которое вообще столь характерно для творчества тупейных дел мастеров. При этом автор мемуаров отнюдь не обязательно ставит своей целью говорить неправду; он зачастую приукрашивает, преувеличивает одно и преуменьшает другое помимо своей воли.

Типичный пример – воспоминания о вождях. В них достоверные события прошлого нередко оказываются причесанными по последней моде, что придает им осовремененный и потому искаженный вид.

Тем не менее и субъективная решимость мемуариста говорить правду, только правду и ничего кроме правды сплошь и рядом оказывается в серьезном противоречии с объективной свойством человеческой памяти давать сбои и произвольно смешивать факты в изложении событий прошлого.

Перелистаем, например, мемуары вдовы Ляо Чжункая, соратника Сунь Ятсена, или супруги последнего, г-жи Сун Цинлин. Обе в один голос утверждают, что сразу же после пролетарской революции в России Ленин и Сунь Ятсен наладили между собой оживленную переписку, обмениваясь мыслями о методах строительства нового общества. Но из высказываний и Ленина и Сунь Ятсена мы узнаем, что сведения об их переписке являются плодом либо ошибки, либо вымысла.

В самом деле, поздней осенью 1921 года Сунь Ятсен, отвечая на письмо Чичерина, начинает словами:

Прежде всего, я должен сообщить Вам, что это первое письмо, которое я когда-либо получал от Вас или от кого бы то ни было в Советской России... Если кто-либо из Ваших друзей и посылал мне свои письма, я обращаю Ваше внимание на то, что ни одно из них не дошло до меня.

Свое послание Чичерину Сунь Ятсен заканчивает так:

Наилучшие пожелания Вам, моему другу Ленину и всем, кто сделал так много для освобождения человечества. [114]

Получив письмо Сунь Ятсена, Чичерин пишет записку Ильичу: Посылаю Вам для ознакомления письмо Сунь Ятсена, заключающее в себе, между прочим, привет Вам. Он называет Вас своим другом. Знакомы ли Вы с ним лично?

Ильич, прочитав записку Чичерина, пишет на ней:

Не знаком, никогда даже не писали друг другу ни слова. [115]

Итак, кому же верить: Хэ Сяннин, опубликовавшей свои воспоминания в 1978 году, и Сун Цинлин, в 1986 году упоминавшей об исполненных искренней симпатии письмах Ленина к Сунь Ятсену, или самим этим двум деятелям, высказывавшимся в 1921 году?

Одно из трех: либо мемуаристы, писавшие в эпоху, когда дружба двух великих вождей была необходимым фоном текущей политики, что-то примыслили к сохранившимся в их памяти фактам;

либо им изменила память; либо, наконец, сами вожди по тем или иным причинам сочли за благо сказать неправду и скрыть эти факты от общественности.

Как же в этом случае быть историку? Может ли он найти выход из этого поистине запутанного положения?

Выход в том, что историк должен исходить из принципа: больше источников, хороших и, главное, разных! Только перекрестное использование и тщательная перепроверка сведений, полученных из источников разного свойства, может обезопасить историка от привлечения сомнительных или заведомо ложных свидетельств. Соответственно, к любому факту, известному из одного-единственного источника, историк относится с известной долей скепсиса.

Крупнейший советский специалист в области суньятсеноведения академик С.Л. Тихвинский неоднократно касался в своих работах оценки вклада, внесенного в разработку данной проблематики специалистами разных стран. Анализируя труды М. Уилбура, он резко критиковал своего американского коллегу за его неразборчивость в выборе источников.

В качестве одного из наиболее ярких примеров подобной всеядности российский историк приводит сведения, которые сообщал в своих донесениях и мемуарах американский шпион Джордж Сокольский (в данном случае он почему-то назван Сикорским).

Но возникает вопрос: позволительно ли смешивать оценку морального облика вражеского агента с проблемой достоверности сообщаемых им сведений? Ведь если он в своих донесениях умышленно отклонялся от истины, он тем самым дезориентировал своих хозяев – наших врагов, и его следует хвалить, а не ругать за это.

Говоря более конкретно, можем ли мы доверять тому, что нам известно из эпистолярного наследия нехорошего человека Джорджа Сокольского?

Отвечая на этот вопрос, необходимо, на мой взгляд, прежде всего провести различие между его сообщениями, относящимися к тем двум различным категориям исторических источников, о которых шла речь выше.

В качестве примера недостоверности свидетельств Сикорского (Сокольского) академик Тихвинский приводит запись в его мемуарах относительно того, что однажды Сунь Ятсен якобы получил телеграмму от Ленина, в которой тот приветствовал своего кол-

легу и приглашал его посетить Советскую Россию. Телеграмма была написана по-французски, поэтому Сокольский по просьбе Сунь Ятсена перевел ее содержание, а затем составил письмо, в котором благодарил за послание.

Приглашение же в Россию осталось без ответа.

Является ли это сообщение Сокольского вымыслом? Если да, кого он в данном случае хотел ввести в заблуждение? Если нет, то какова реальная цена данного свидетельства как упоминания об определенном историческом факте?

Для ответа на эти вопросы нам уместно вспомнить, что не только “их человек” Сокольский, но и вполне “наш человек” Матвеев-Бодрый также упоминал о каком-то письме Ленина Сунь Ятсену. Обратимся к тексту:

Когда мы спросили Сунь Ятсена о его отношении к Великой Октябрьской революции в России, он молча вынул из кипы аккуратно лежавших на столе документов небольшой листок бумаги. С едва заметной счастливой улыбкой на лице он протянул его нам.

Это была телеграмма от Ленина, написанная по-французски. В ней Ленин выражал Сунь Ятсену свое уважение. Было видно, что эти несколько слов вождя пролетарской революции чрезвычайно взволновали великого китайского революционера. [116]

Итак, Ленин спустя год после этого утверждал, что никогда не состоял в переписке с Сунь Ятсеном, тот в свою очередь говорил, что до 1921 года никогда не получал от кого бы то ни было никаких посланий из Советской России, а Матвеев, разговаривая с Сунь Ятсеном, почувствовал, как того взволновало послание Ленина... “Карусель, я говорю, получается”, – заметил бы по этому поводу один из персонажей фильма “Чапаев”.

Сделаем скидку насчет этого волнения: оно могло быть просто элементарным художественным приемом, использованным автором мемуаров для придания им вящей убедительности. Но ведь сообщения Матвеева и Сокольского, заподозрить которых в преступном сговоре у нас просто нет никаких оснований, сходятся даже в деталях: “ленинская” телеграмма была написана по-французски!

Разгадка этого ребуса, как мне кажется, может быть найдена также в воспоминаниях – на этот раз английской художницы Клэр Шеридан. Она присутствовала на приеме, устроенном Наркоминделом перед отъездом из Москвы в октябре 1920 года китайского генерала Чжан Сылиня. Среди приглашенных она обнаружила “одного китайца, говорившего по-французски; это был председатель Союза китайских рабочих”. [117]

Шеридан имела в виду Лю Цзэжуна, который, как мы с вами знаем, действительно по поручению Ленина и Чичерина посылал Сунь Ятсену телеграммы. Он не мог сделать это по-китайски, так как пользовался услугами датской компании; его знание французского здесь пригодилось.

Если эта версия имеет под собой основания, значит, сообщения Матвеева и Сокольского и верны, и ошибочны одновременно. Верны – потому что Сунь Ятсен действительно получил телеграммы Лю Цзэжуна. Либо он сам (в принципе, справедливо) интерпретировал их как волеизъявление Ленина, либо это домыслено авторами воспоминаний. Ошибочны – так как формально подписи Ленина на этих документах не было.

Точно так же, Сокольскому видимо изменяет память, когда в своих мемуарах он утверждает, что видел Попова в Шанхае еще во время происходивших там студенческих беспорядков – речь явно идет о “событиях 4 мая”. Между тем весной 1919 года Попов никак не мог быть в Шанхае, имея при себе официальный мандат, потому что формально направившая его в Китай Приморская областная управа была создана лишь в январе 1920-го.

Но неточности или ошибки Сокольского, содержащиеся в его воспоминаниях, не могут быть основанием для недоверия к его донесениям американскому консулу, составившимся не много лет спустя, а по горячим следам событий. Нет у нас также оснований подозревать Сокольского в выдумке – хотя бы потому, что очень многое в его сообщении, датированном 22 марта 1920 года, совпадает как с тем, что мне лично известно о полковнике Михаиле Георгиевиче Попове, так и со свидетельствами других достоверных источников.

Г-н Тан Шаои и м-р Тобинсон

Прежде всего, в первом донесении Сокольского сообщается, что помимо переговоров с Сунь Ятсеном, М.Г. Попов имел встречи с Тан Шаои и получил от него оригинальный текст секретного китайско-японского соглашения о военном антисоветском сотрудничестве в Сибири.

Читатель, наверно, помнит, как Тан Шаои, видный государственный деятель и бывший коллега Сунь Ятсена, с аппетитом ел у него в доме купленную на уличном лотке жареную курицу?

Тан Шаои был профессиональным дипломатом и прославился главным образом благодаря своему участию в двух конференциях Севера и Юга.

Первый раз это было в 1911 году, накануне падения маньчжурской династии, интересы которой Тан Шаои должен был представлять в Шанхае на переговорах с делегацией повстанцев-южан.

Он занял тогда весьма гибкую позицию и во многом способствовал переходу власти к новому правительству.

В 1919-1920 годах Тан Шаои вновь участвовал в проходивших в Шанхае переговорах между Севером и Югом, но на этот раз был главой южной делегации. Одной из самых острых проблем, обсуждавшихся на этой встрече, была судьба секретного китайско-японского договора.

13 февраля 1919 года Тан Шаои потребовал от Севера обнародования текста этого документа. Несмотря на яростное сопротивление Японии, Министерство иностранных дел Китайской Республики было вынуждено выполнить это требование. А 31 ноября того же года правительство приняло постановление о прекращении действия соглашения.

Сообщения об этом просочились в прессу, но официально оно утратило силу лишь 14 июля следующего года, спустя пять месяцев после возвращения Попова во Владивосток. Поэтому ему и было поручено получить от представителей Юга подлинный

Тан Шаои – первый премьер-министр Китайской Республики

текст этого соглашения, имевшего прямое отношение к поведению оккупационных войск Японии и Китая на территории Сибири. Тан Шаои выполнил просьбу Попова. Тот подтвердил этот факт десять лет спустя.

В этой части сообщение Сокольского вполне достоверно, за исключением одной фактической неточности. Он сообщает, что Тан Шаои передал Попову “китаеязычные копии китайско-японского оборонительного пакта, заключенного в мае 1919 года”. В действительности, соглашение, о котором идет речь, было подписано еще в 1918 году.

Другое соображение, подтверждающее, что Сокольский в своем отчете консульству мог ошибаться в деталях, но в основном точно и правильно передал всю имевшуюся у него информацию. Речь идет о встрече Попова в Шанхае с неким м-ром Тобинсоном.

Выше я уже приводил следующее сообщение Сокольского:

Местные русские не знают, ради чего он приехал, а он не информировал их об этом. Он сообщил мне, что их идеи и способности не произвели на него сильного впечатления. Исключение составляет лишь один из них, м-р Тобинсон, известный в России под другой фамилией; его брат является командиром, под началом которого служит полковник Попов.

М-р Тобинсон жил в Штатах, а сейчас является здесь сотрудником одной американской фирмы.

Если о самом “м-ре Тобинсоне” вряд ли можно было найти какие-либо дополнительные сведения, то нужно было попытаться выяснить что-либо о его брате, тем более, что он был начальником полковника Попова.

Однако ни среди опубликованных материалов о Советах в Сибири, ни в тех архивных материалах, которые мне вначале удалось просмотреть в Москве, фамилия Тобинсон ни разу не встретилась.

Правда, промелькнула другая, похожая на нее – Тобельсон, но уверенности в том, что это одно и то же лицо, у меня, естественно, не было.

Тобельсоном был кто-то из руководителей советской власти в Сибири или на Дальнем Востоке. Его фамилия встречается в воззваниях белогвардейских генералов, обращенных к местному населению. Смысл контекста таков: “Неужели вы хотите, чтобы бронштейны и тобельсоны продолжали обманывать вас?”

Если под Бронштейном следовало понимать Троцкого, то Тобельсон – вероятно, настоящая фамилия человека, которого в то

время называли как-то иначе. Брат шанхайского Тобинсона ведь тоже был “известен в России под другой фамилией”. Может быть Тобинсон – это все-таки искаженное написание Тобельсона или наоборот?

Лишь спустя довольно много времени мне удалось наконец ответить на этот вопрос. В книге П.С. Парфенова (Алтайского) говорится об одном из выступлений Тобельсона, а к его фамилии дана поясняющая сноска: “А.М. Краснощеков”. [118]

Тот факт, что Краснощеков – революционный псевдоним Тобельсона, нашло также иное подтверждение. Старый большевик В.В. Рябиков в своей книге называет одного и того же человека то Краснощековым, то Тобельсоном. [119]

Аналогичное свидетельство я обнаружил и в книге А. Дени, посвященной истории внешней политики Советской России. Этот автор сообщает, что “Краснощеков, первый премьер-министр [ДВР], был евреем русского происхождения, который получил образование в Чикаго и практиковал там в качестве юриста под именем Тобельсона”. [120]

И лишь Г. Нортон, автор книги о Дальневосточной Республике, утверждает, что во время пребывания в США Краснощеков стал пользоваться псевдонимом “Тобинсон”. [121]

Наконец, в именном указателе к полному собранию сочинений Ленина я наткнулся на упоминание о некоей Г.Б. Тобинсон-Краснощековой.

Она была переводчицей Ленина на его встрече с американской журналисткой Б. Битти. В 1957 году она опубликовала воспоминания “Бесси Битти у Ильича”, в которых между прочим пишет:

Ленин поднялся нам навстречу, приветливо поздоровался, расспросил меня о здоровье А.М. Краснощекова, бывшего тогда председателем Совета министров Дальневосточной народной республики. [122]

Это, наконец, разрешило сомнения. Краснощеков и Тобинсон – одно и то же лицо, а Тобельсон – лишь искаженная передача его фамилии.

Итак, Александр Михайлович Краснощеков! Это была известная личность.

В 16 лет он был уже студентом Киевского Университета, а через два года арестован за активное участие в социал-демократической организации. Выйдя из тюрьмы, сблизился с Троцким и вел революционную работу в Кременчуге, Полтаве и Екатеринославе. В 1905 году полиция намеревалась вновь арестовать его, но Краснощекову на этот раз повезло – ему удалось бежать за границу.

Сначала он жил в Германии, затем – в Соединенных Штатах. Там он пробыл шестнадцать лет и вернулся в Россию только после февральской революции. Вся его последующая деятельность была связана с Сибирью и Дальним Востоком.

Сначала – председатель Дальсовнаркома, созданного в 1917 году в Хабаровске, затем – руководитель Дальневосточной республики в Верхнеудинске.

В 1920 году он отправил в Пекин дипломатическую делегацию ДРВ с М. И. Казаниным в качестве секретаря. В своих мемуарах Казанин упоминает о том, что Дальбюро ЦК РКП(б) в ту пору разбилось на две группы: в одной были сторонники Краснощекова, в другой – его противники:

Никто не оспаривал того, что Краснощеков имел большие заслуги перед Советской властью: он был первым председателем Советского правительства на Амуре в 1917-1918 гг., а затем ушел в подполье. Но его коллеги по Дальбюро (а один из них был старым рабочим-большевиком) не могли вынести того, что, по их словам, от него так и несло анархо-синдикализмом. Краснощеков в годы пребывания в Америке, куда он эмигрировал после революции 1905 года, был деятельным членом полуанархического союза промышленных рабочих мира. [123]

Итак, в отношении “м-ра Тобинсона” сообщение Сокольского также оказалось заслуживающим доверия.

Правда, он все-таки и здесь допустил небольшую неточность. Краснощеков вовсе не был командиром Попова. Но в 1918 году, когда Попов приехал во Владивосток и явился с докладом к председателю исполкома, Краснощеков руководил Дальсовнаркомом, которому подчинялся Владивостокский совет.

Неверно и утверждение Сокольского о том, что Попов по явился в Шанхае “с мандатом, выданным командующим большевистскими войсками в Амурской области”. Американец перепутал здесь Приморье с Приамурьем.

Полковник Попов и его двойники

Таким образом, можно утверждать, что донесения Сокольского в основном правильно освещали обстоятельства переговоров М.Г. Попова с Сунь Ятсеном, хотя они и требуют некоторых уточнений, сделать которые можно на основании других источников.

К сожалению, Уилбур был до недавнего времени единственным историком, который видел полный текст первого сообщения Сокольского. При этом ни он, ни другие исследователи доступа к каким-либо дополнительным источникам, проливающим свет на личность полковника Попова, не имели.

В результате этого, приведенная в книге Уилбура лапидарная информация о переговорах в Шанхае в феврале 1920 года стала со временем обрастать неточностями, словно киль корабля ракушками.

Начать с того, что у полковника Попова и генерала Потапова, примерно в одно и то же время встречавшихся с Сунь Ятсеном, были почти одинаковые фамилии. Одним слогом “та” больше, одним меньше – для иностранного, в особенности, китайского уха разница не ахти какая. В результате у тех авторов, которые черпали сведения о них не из первоисточника, а из третьих рук, отличительные черты этих двух людей катастрофически перемешались, и уже невозможно было точно сказать, где тут генерал, а где полковник.

Автор исследования “Сунь Ятсен и Шанхай” Ван Гэнсюн одним из первых пал жертвой подобного смешения двух личностей, которые под пером Сокольского предстают перед нами в качественно различном свете (вспомните: “Полковник Попов – человек совершенно иного сорта”).

Ван Гэнсюн пишет в своей книге:

В октябре 1920 года, после того, как Попов вернулся в Москву, он специально опубликовал статью под названием “О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики”, в которой он описывал обстоятельства встречи с Сунь Ятсеном в Шанхае. [124]

“Краснощеков с его мало располагавшей к себе наружностью был костляв, долговяз, неуклюж, с большим мифистофельским лицом, с насмешливой речью”.

(М. Казанин)

В этом предложении – по меньшей мере три фактических ошибки.

Во-первых, текст под таким названием представлял собой не статью, а докладную записку на имя Чичерина;

во-вторых, данный документ датирован не октябрём, а декабрём 1920 года;

в-третьих, написан он не Поповым, а Потаповым.

Вопросы, связанные с пребыванием Попова и Потапова в Шанхае, освещаются также в недавно вышедшей монографии американского историка китайского происхождения Чжоу Гу “Сунь Ятсен и 3-й Интернационал”.

Этот автор утверждает:

В начале 1920 года с Сунь Ятсеном в Шанхае встречались приехавшие из Советской России контр-адмирал Потапов и армейский полковник Попов.

Сунь Ятсен сообщил Чэнь Цзюнмину, командующему войсками Фуцзяни и Гуандуна, штаб-квартира которого находилась в Чжанчжоу, что советские представители направляются с визитом в Чжанчжоу, просил надлежащим образом принять их и провести с ними переговоры. [125]

Из донесения Сокольского нам известно, что, в отличие от полковника Попова, генерал (но не контр-адмирал!) Потапов не приехал из Москвы, а, напротив, собирался ехать в Москву.

Далее, к Чэнь Цзюнмину в Чжанчжоу ездил Потапов; Чжоу Гу приписывает Попову то, что относится лишь к Потапову.

Намереваясь вернуться в Россию, Потапов стремился приехать туда не с пустыми руками, а с доказательствами своей лояльности по отношению к советской власти. От Сунь Ятсена он не получил никаких зримых подтверждений результатов своей деятельности на Юге; Чэнь Цзюнмин же передал с ним в Москву письмо на имя Ленина, которое в начале 1921 года было опубликовано в “Вестнике НКВД”.

Замечу попутно, что вопрос о том, был ли Потапов единственным русским, встречавшимся в 1920 году с Чэнь Цзюмином, пока не прояснен. В мемуарах сподвижников генерала Чэня помимо “русского адмирала”, приехавшего в Чжанчжоу под вымышленным именем Лубо, упоминается некто “В”. Последний активно участвовал в политических дискуссиях с местными деятелями и отстаивал точку зрения на советскую демократию как самую передовую в мире. На право считаться этим “В” могут претендовать либо Войтинский, либо Виленский (Сибиряков); оба в 1920 году были в Китае, но у нас нет документальных свидетельств того, что

кто-то из них побывал у Чэнь Цзюньмина. Бесспорно лишь, что среди лиц, посетивших Чжанчжоу, полковника Попова не было.

Далее Чжоу Гу пишет в своей книге:

[Потапов] счел Сунь Ятсена старомодным милитаристом, полагающим, что не существует никаких иных способов спасения Родины, кроме военной силы. Потапов полагал, что выдвинутый Сунь Ятсеном план военного сотрудничества с Советской Россией совершенно неосуществим. [126]

Здесь Потапову приписаны высказывания, принадлежащие в действительности Попову.

Но, кажется, все рекорды побила в этом отношении пекинская исследовательница Ли Юйчжэнь в книге “Сунь Ятсен и Коминтерн”.

Этот автор сообщает своим читателям:

Если Матвеев-Бодрый приехал к Сунь Ятсену по собственной инициативе, побуждаемый к тому лишь его известностью, то Попов появился в суньятсеновском особняке во исполнение полученного им распоряжения.

Попов был офицером в чине поручика и служил в Амурском военном округе. Он был послан большевиками этого округа, 12 июля отбыл из Владивостока, а 18 июля прибыл в Шанхай под вымышленным именем Смольского (доклад британского генерального консула в Шанхае помещен в “Регистрационном журнале полицейской службы” за 22 и 28 июля 1920 года, хранящемся в архиве управления по делам иностранных концессий в Шанхае; согласно этому сообщению, во время пребывания в Шанхае Попов принимал участие в редактировании издававшейся русскими эмигрантами просоветской газеты “Шанхайская жизнь” и кроме того выступал на заседании редколлегии этой газеты). Это был первый приехавший из Советской России большевик, которого увидел Сунь Ятсен...

В Шанхае поручик Попов имел многочисленные связи с сочувствующими революции русскими эмигрантами, группировавшимися вокруг газеты “Шанхайская жизнь” и принимал участие в редактировании этой газеты.

Он всячески агитировал Сунь Ятсена, рассказывал ему о положительном опыте русской революции, советовал Сунь Ятсену осуществлять революцию в Китае большевистскими методами. Со стороны Сунь Ятсена он тем не менее не встретил горячего одобрения советской системы. Сунь Ятсен говорил ему лишь о своих взглядах на революцию в Китае, полагая, что “для спасения Китая нет иного средства, кроме применения военной силы”. Может быть именно из-за этого у Попова в какой-то степени появилось чувство разочарования. [127]

Нетрудно убедиться, что в этом повествовании что ни фраза, то ошибка.

Чин поручика был присвоен Михаилу Георгиевичу Попову в 1906 году, в 1910-м он стал штабс-капитаном, в 1916-м – полков-

ником. В качестве такового он и приехал в Шанхай в 1920 году; Сокольский называет его “Colonel M.G. Popov”. Его внезапное понижение до чина поручика остается целиком на совести историка, чье сочинение я только что процитировал.

В 1920 году на Дальнем Востоке не существовало никакого “Амурского военного округа”; Джордж Сокольский говорит о “the Bolshevik troops in the Amur district”, эту же формулировку точно повторяет и Уилбур.

Все, что мне известно сегодня о М.Г. Попове, совершенно не вяжется с предположением о том, что приехав в Шанхай с секретной миссией чрезвычайной государственной важности, он мог позволить себе “иметь многочисленные связи” с тамошними русскими иммигрантами, пусть даже и сочувствовавшими советской власти.

Не согласуется с этим и утверждение о том, что Попов выступал на заседании редколлегии газеты “Шанхайская жизнь” и даже принимал участие в ее редактировании. Оно к тому же противоречит утверждению Сокольского: “Его миссия носит секретный характер и он никому не открывает ее цели. Он не вовлечен в пропаганду”.

М.Г. Попов никогда не был членом РКП(б), а значит – не мог быть и первым большевиком, с которым встречался Сунь Ятсен.

У нас нет никаких оснований полагать, что во время шанхайской встречи Попов агитировал д-ра Суня и советовал ему осуществлять революцию в Китае большевистскими методами. Вероятнее всего, это не более чем плод игры воображения автора.

И наконец – о вымышленной фамилии “Смольский”. Это сообщение не находит подтверждения ни в одном из имеющихся источников. По-видимому, Ли Юйчжэнь спутала Попова, о котором рассказывается в этой книге, с каким-то его однофамильцем. Понятно, что каждый поручик (полковник) Попов – это Попов, но не всякий Попов – поручик (полковник).

Вероятнее всего, в первой половине 1920 года, вскоре после отъезда полковника Попова, в Шанхай из Владивостока приезжал еще какой-то русский по фамилии Попов, выдававший себя за Смольского. В регистрационном журнале шанхайского полицейского управления сделана запись о том, что “Смольский” выехал из Владивостока 12 июля, а прибыл к месту назначения 18-го числа того же месяца. Между тем Сокольский недвусмысленно сообщает о том, что полковник Попов покинул Шанхай по крайней мере до 22 марта.

Это означает, что к Смольскому он не мог иметь никакого отношения.

Часть пятая

НЕ ПУШКОЙ ЕДИНОЙ

Буферная политика республики

Что такое кансё:коку

Ситуация, согласитесь, и впрямь была несколько необычной: профессиональный военный охарактеризовал лидера демократического движения как “старомодного милитариста”, поскольку тот намеревался решать проблемы спасения своей родины исключительно военными методами. Узнай Сунь Ятсен об этой оценке своей деятельности, он бы был обижен и даже возмущен.

Аналогичные чувства по-видимому испытывают и те специалисты в области суньятсеноведения, которые – разумеется, из самых лучших побуждений – склонны чуть-чуть (самую капельку!) приукрашивать образ вождя китайской революции.

Во всяком случае, им наверняка не терпится без обиняков задать полковнику несколько неллицеприятных вопросов. Да кто ты такой? Кто дал тебе право высказывать столь едкие суждения о всеми уважаемом лидере? И главное – легче всего критиковать других, а ты-то сам что можешь предложить взамен?

Обстоятельства сложились так, что буквально через месяц после встреч с Сунь Ятсеном полковнику Попову самому пришлось на практике доказывать, что не пушкой единой сильна государственная власть.

Но прежде, чем рассказать об этом, нужно сделать небольшой экскурс в область лингвистики.

Вскоре после революции российский политический лексикон обогатился неологизмом, на первых порах показавшимся ревнителям чистоты русского языка весьма неудобоваримым и режущим ухо. Но непривычные нововведения, труднопроизносимые

сокращения и исковерканные слова, мутным потоком хлынувшие после Октябрьского переворота в речь россиян, оказывались под стать эпохе бури и натиска; многие из них впоследствии прижились и перестали шокировать. Вполне возможно, что и словечко “буфер” было бы в их числе, если бы само понятие, им обозначаемое, не утратило бы вскоре своей актуальности.

М.И. Казанин, получивший в мае 1920 года предписание явиться в совершенно неизвестный ему Совет Министров какой-то Дальневосточной Республики, вспоминал, как один из его однокашников в следующих выражениях объяснял ему смысл этого новоиспеченного термина:

Знаешь, существуют буфера между вагонами, чтобы вагоны не столкнулись друг с другом. ДВР – это наше государство-буфер, созданное для того, чтобы избежать прямого столкновения с Японией. Япония объявила себя смертельным и непримиримым врагом Советской власти и коммунизма. Она поддерживала Колчака, до сих пор помогает Семенову и снова лезет на рожон, стремясь захватить Сибирь и уничтожить Советскую власть. Партия решила помешать Японии, образовав между Советской Россией и Японией государство-буфер. Конечно, на время, но пока – это нужно. Сейчас Япония протирает глаза, видя, что перед ней от Байкала до Тихого океана возникло какое-то государство – не коммунистическое, как РСФСР, но и не капиталистическое, как она, – буфер, понимаешь? [128]

Хотя вышеприведенный комментарий в целом правильно отражает позицию, занятую в этом лексикографическом вопросе большевистским руководством весной 1920 года, он все же требует некоторых существенных уточнений.

Начать с того, что буфера различаются между собой своим колором. Дальневосточная Республика, на примере которой приятель Казанина пояснял значение этого слова, была по существу красным буфером, который был создан Лениным во избежание военного столкновения с Японией. Но сам по себе этот термин вовсе не был изобретением Ильича.

Насколько сегодня можно судить, впервые (еще в 1919 году) употребили слово “буфер” японцы, понимая под этим самым *кансё:коку* некое промежуточное государственное образование, конструируемое для достижения своих специфических стратегических целей. Япония замышляла создать в Сибири свой белый буфер отнюдь не для того, чтобы избежать столкновения с Советской Россией: такого столкновения японцы вовсе не боялись, а, напротив, всячески искали его. Но в условиях, когда правительство Колчака дышало на ладан, а Соединенные Штаты уже

приняли решение вывести из Сибири свои оккупационные войска, Японии нужно было подумать о том, каким способом можно было бы “уходя, остаться”, или точнее говоря, оставив вместо себя послушную марионетку. На эту роль японские стратеги прочили атамана Семенова. И их планы успешно осуществились: 15 января 1920 года Семенов сформировал в Чите свое правительство “восточной окраины”.

Практически одновременно с формированием семеновского правительства возникла идея создания буферного государства иного типа и другого цвета. В начале января власть в Иркутске – последнем оплоте Колчака – фактически перешла в руки Политцентра, антиколчаковского эсеровского правительства, которое начало переговоры с Сибревкомом о признании его Москвой в качестве розового буфера. Таковой замышлялся как некий аналог белого семеновского, но со знаком “плюс” по отношению к Советам: он должен был решать проблемы отношений с США и Японией в благоприятном для Москвы направлении.

Информируя центр о ходе этих переговоров, председатель Сибревкома И. Смирнов писал 20 января Ленину и Троцкому:

Политцентр предлагает создать на востоке буферное государство, которое разорвет блокаду при помощи Америки и очистит от японцев Дальний Восток исключительно путем давления Америки... В случае нашего несогласия на существование буфера и открытого продвижения красных войск на Иркутск неизбежно перед Иркутском столкновение с Японией... Ревсовет считает временное существование фиктивного государства полезным по чисто стратегическим соображениям, но закрепление буфера больше чем на 4 недели едва ли возможно. Сообщите ваше мнение об этой игре с буфером. [129]

Однако 21 января, когда в Москве еще не успели обсудить это предложение, идея буфера была отвергнута местными большевиками. В результате Политцентр был устранен и власть в Иркутске перешла к Сибревкому.

Лишь в феврале сначала Троцкий, а затем Ленин приходят к выводу о том, что буферные государства могут сослужить немалую службу Советам, если только они создаются по инициативе РСФСР и будучи розовыми снаружи имеют красную начинку. Именно таким буфером и должна была стать по мысли большевистских руководителей созданная 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (Улан-Удэ) Дальневосточная Республика. В своей долгожданной директиве ЦК РКП(б) предписывал всем коммунистам Сибири и Дальнего Востока безусловно поддерживать буферную

политику Москвы; противникам ее Ленин грозил партийным судом.

Но положение на местах было в этом смысле сложным. Инспектор-организатор при Военном совете Народно-революционной армии ДВР Чертов писал, например:

К буферу красноармейцы относятся крайне враждебно: говорят, что будут бороться за Советскую власть до последней капли крови, несмотря на голод и лишения, но буфера не хотим, и если положение на фронте потребует нашего отступления, то мы истребим всех стоящих у власти в буфере, не считаясь и с коммунистами. [130]

Не было единства во взглядах на эту проблему и среди руководящего состава сибирских партийцев. Это и неудивительно, потому что создание буферного государства имело еще один аспект своей предыстории.

Нужно обратить внимание на то, что у идеи буфера было как бы два измерения: во-первых, буфер мог стать таковым лишь в том случае, если он был бы формально независимым от центрального Советского правительства; во-вторых, он должен осуществлять образ правления, отличающийся от однопартийного советского, то есть быть парламентско-демократическим государством многопартийного типа.

Что касается первой особенности, то еще в феврале 1918 года, задолго до свержения советской власти в Сибири в результате чехословацкого мятежа, на II Всесибирском съезде Советов была принята резолюция, фактически провозглашавшая создание “Сибирской Советской Республики”. От имени этой республики съезд выступил против заключения Брестского мира.

О целесообразности и необходимости объявления Сибири независимой республикой в то время много писалось в местной большевистской печати. В связи с этим один из руководителей местных большевиков Янсон (по другим данным – Яковлев) направил Ленину запрос о том, каково отношение центра к самостоятельности Сибири.

В своей ответной телеграмме Ильич писал:

Так называемая самостоятельность Сибири только облегчит формально дело аннексии с Востока; перед вами примеры независимой Украины, Финляндии. Предлагаю ограничиться автономией Сибири как неразрывной части России. [131]

Вскоре “Правда” опубликовала сообщение о том, что позиция сторонников самостоятельности Сибири местными органами власти не разделяется, и существование Сибирской Советской Рес-

Сибиряка Б. Шумяцкого за его “купеческий” вид товарищи по подполью называли в свое время “Пуд Пудычем”.

публики признается революционно нецелесообразным и политически вредным.

Что же касается возможности сотрудничества большевиков Сибири с другими социал-демократическими партиями, то известный сибирский большевик Б.З. Шумяцкий в августе 1918 года написал тезисы по текущему вопросу, в которых настаивал на том, что в современной обстановке упрочение союза рабочего класса Сибири с крестьянством возможно лишь при условии соглашения со всеми элементами “народничества”, в частности, с эсерами.

Однако состоявшаяся в ноябре 1918 года 1-я Общесибирская подпольная конференция РКП(б) отвергла его призыв к союзу с мелкобуржуазными партиями. Затем в “Правде” появилась статья Е. Ярославского, в которой позиция Шумяцкого подвергалась резкой критике, а возможность какого бы то ни было “третьего пути” категорически отвергалась.

Шумяцкий как настоящий большевик критику, прозвучавшую со страниц центрального органа, воспринял правильно и решительно отказался от своих прежних коалиционных настроений.

Он заверял своих товарищей по партии, что “уже через некоторое время понял капитулянтский, антиленинский характер этого предложения”. Мог ли он предвидеть, что вскоре антиленинское предложение о создании в Сибири формально независимого и не советского по форме государственного строя буферного государства будет исходить теперь уже не от кого-нибудь другого, а от самого Ленина?

Можно представить себе, какие нравственные муки испытывал в это время Шумяцкий: ему нужно было выбирать между Сциллой упорствования в своем прежнем капитулянстве и Харибдой противодействия “антилевацким” решениям центра. Он выбрал, разумеется, Сциллу, но у него вероятно срывался голос, когда он агитировал за то, от чего только что прилюдно отрекался.

Столь резкий поворот к буферной политике большевистского руководства объяснялся тем, что вопреки своим намерениям как можно скорее разжечь пожар всемирной революции Ленин и Троцкий вовремя осознали реальную опасность, исходившую от потерявшей чувство меры милитаристской Японии.

Уже 16 июня 1918 года Троцкий заявлял:

На Дальнем Востоке нам угрожают японцы, готовые оккупировать Сибирь вплоть до Урала; немцы протягивают руки им навстречу. Они встретятся как союзники и поделят шкуру убитого медведя... Если бы наша Советская Республика оказалась бы в подобной кри-

тической ситуации и была бы вынуждена выбирать между германскими и японскими войсками, я сказал бы, что германская армия лучше, чем японская. Потому что немцы цивилизованнее, они более образованные, более работающие; им легче пробудиться. Японцы же чужой нам народ, мы не знаем их языка, рабочий класс там менее сознателен и прежде, чем революция вспыхнет на японской земле, пройдет больше времени... Если Япония введет свои войска, она больше уже никогда не выведет их. [132]

15 декабря 1919 года Ленин телеграфирует в Омск:

Помните, что будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток. [133]

Опасениями, связанными с японской опасностью, объясняется и та осторожность, с которой Ильич предлагал теперь действовать в сношениях, например, с корейскими революционерами.

В. Виленский направил в августе 1919 года письмо Ленину, в котором он излагал свои предложения по развертыванию агитационной работы в странах Дальнего Востока. К письму он приложил тексты трех нот НКИД, которые уже были подписаны заместителем наркома Караханом: “Китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая”, “Монгольскому народу и правительству автономной Монголии” и “Корейской революционной организации и всему корейскому народу”. Первая из этих нот вскоре была опубликована и получила известность как “Первая декларация Карахана”; две другие остались необнародованными. Объяснение этому странному факту мы находим в следующих словах Чичерина:

Мы не будем бросать вызов Японии. Конечно, нужно держать камень за пазухой; конечно, втайне можно и должно оказывать содействие корейским партизанам. Но никаких открытых и тем более демонстративных действий с нашей стороны. [134]

Ленин тут же высказывает свое мнение:

Я вполне за Чичерина. Никаких открытых и тем более демонстративных действий. Больше тайны. Сию директиву дать от ЦК. [135]

Исходя из этих стратегических соображений, 16 апреля 1920 года Наркоминдел и направил телеграмму Дальбюро ЦК РКП(б) в Верхнеудинск:

Полагаем признать правительство буферного государства как единственный выход из создавшегося положения. [136]

Директива была принята к исполнению.

За и против

Дальневосточная Республика была создана, но проблем у ее руководителей было хоть отбавляй.

Премьер-министр ДВР А.М. Краснощеков в начале мая 1920 года буквально бомбардирует Москву жалобами на всех и вся. Он пишет Ленину, что весьма существенные обстоятельства заставляют его

еще раз поставить вопрос о буфере во всей его полноте и потребовать определенной линии поведения, для того чтобы покончить с трагикомедией, в которой мне приходится играть роль злого гения... Фактически же получается политика шатания, нерешительности, разброда, недостойная твердой руки нашей партии... Наркоминдел в лице Карахана не имеет определенной точки зрения. Вечно спрашивает Янсона, нужен ли буфер или нет? [137]

Неразберихе в вопросах разделения функций фактической и номинальной власти в ДВР во многом способствовали и факторы чисто личного характера. Уполномоченный на Дальнем Востоке Я. Янсон и представитель НКВД во Владивостоке В. Виленский были категорически против назначения руководителем Дальневосточной республики Краснощекова, по их мнению, “не заслуживающего доверия вообще, как политического представителя в особенности”. В свою очередь Краснощеков то и дело жаловался в Москву на Янсона, действовавшего через голову верхнеудинского правительства и тем “взрывавшего” буфер:

Товарищ Янсон считает необходимым посылку своих уполномоченных независимо от меня, назначая представителей местной власти для этой цели, вводя параллелизм, демонстрируя иностранцам нашу распыленность, отсутствие ответственного центра и, главное, скрывая крышу буфера. [138]

Доставалось от Краснощекова и Виленскому, который, по его словам, “ведет себя как сатрап, доминирует, заменяет местные власти, вместо того, чтобы инструктировать их, выступает самостоятельно”. Случайно ознакомившись с содержанием телеграмм Виленского в центр, Краснощеков заявлял:

Опять ставлю вопрос категорически: если считаете меня не заслуживающим доверия, то настаиваю на немедленном отзыве, считая совершенно невозможным под знаком подозрения заниматься ответственной работой... Или прикажите распустить правительство и уйти. [139]

Впрочем, у Краснощекова как главного буферщика были и свои сторонники, отстаивавшие его идеи с наименьшей горячностью. К их числу принадлежал И. Дзевалтовский, более извест-

ный в те годы под своим псевдонимом Юрин. Бывший кадровый офицер, перешедший после Октябрьского переворота на службу в Красную армию, он стал заместителем военного министра вновь созданного верхнеудинского правительства. По словам Казанина, близко познакомившегося с Дзевалтовским во время пребывания в Китае, тот никого кроме Краснощекова не признавал и активно выступал против всех, кто не был согласен с буферной политикой.

Дзевалтовский считал “безусловно необходимым оставление Краснощекова”, которому предлагал дать в помощь товарищей, активно разделяющих буферную политику центра.

В мае 1920 года на совещании партийно-советских и военных руководителей ДВР большинство ораторов выражало сомнения в правильности предписанного центром курса на укрепление буфера. Некоторые высказывались даже в том духе, что он таит в себе опасность для РСФСР, так как может сплотить вокруг себя контрреволюционные силы и, как до этого говорил Ленин, “облегчить дело аннексии с Востока”. Поскольку рано или поздно большевикам все равно придется выступать под флагом Советской власти, лучше этого не скрывать, а заблаговременно готовиться к решающим схваткам с врагом.

Дзевалтовский считал, что совещание 1) не отдало себе ясного отчета в дальневосточном вопросе; 2) неправильно оценило международное положение; 3) не наметило правильной линии поведения. Он потребовал, чтобы в протокол совещания было занесено его особое мнение:

Считаю, что буфер в данный момент является единственным и наиболее приемлемым выходом для Советской России из запутанного международного положения на Дальнем Востоке. [140]

Герб Дальневосточной Республики

Словом, красный верхнеудинский буфер рождался в муках. Но дело мало-помалу двигалось в предначертанном Троцким и Лениным направлении.

14 мая нарком Чичерин заявил в Москве, что советское правительство признало ДВР и выразило искреннее пожелание «преуспевания Дальневосточной республике в мирном сожительстве с соседними народами».

Позднее, в декабре 1920 года, Ленин, выступая на заседании коммунистической фракции VIII съезда Советов, говорил:

Обстоятельства принудили нас к созданию буферного государства – в виде Дальневосточной республики... Мы прекрасно знаем, какие неизмеримые бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны сделать все, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. [141]

Нужен ли нам розовый переворот?

Неустанными усилиями Москвы красный буфер в Верхнеудинске был наконец создан и признан Советской Россией в качестве независимого государства (правда, РСФСР оставалась в этом отношении в гордом одиночестве). Но он не был ни первым, ни единственным на Дальнем Востоке. Обстановка сложилась так, что еще задолго до провозглашения ДВР на далекой окраине России – в Приморье возникло временное государственное образование розового цвета.

Советская власть во Владивостоке, существовавшая с конца 1917 года, была свергнута в результате переворота, осуществленного чехословаками. К власти пришло бесцветное правительство Дербера, в свою очередь устраненное военными из лагеря Колчака. Но наступил январь 1920 года, ставший для Верховного правителя России последним.

После падения колчаковского правительства среди большевистских деятелей во Владивостоке шли такие же, как и в Иркутске, ожесточенные споры о том, что теперь следует предпринять. Одни настаивали на том, что судьба революции будет решена в непосредственной военной столкновении Красной Армии с белогвардейцами и их японскими покровителями. Другие не менее

красноречиво убеждали колеблющихся в том, что самым рациональным путем к достижению конечной цели было бы создание буржуазно-демократической власти, которая бы в своей политике ориентировалась на РСФСР.

Споры затягивались, и Дальневосточный обком РКП(б) решил запросить центр:

Желателен или не желателен розовый переворот? Должны ли мы отказаться на время от советских лозунгов, поддерживать только розовые лозунги или же розовые лозунги для нас неприемлемы и мы находим возможным выступить только под советским именем? [142]

Читатель помнит, что ответ на аналогичный вопрос, заданный сибиряками, из Москвы все не приходил. Не было указаний на сей счет и дальневосточникам. Но если среди иркутян победила точка зрения сторонников немедленного установления советской власти, то во Владивостоке все повернулось иначе.

24 января один из расквартированных там батальонов отказался повиноваться колчаковскому наместнику генералу Розанову. Тот попытался было разоружить бунтовщиков силами юнкеров, но это лишь обострило ситуацию; город гудел, как потревоженный улей.

Напуганный этим Розанов отдал приказ об освобождении политических заключенных. А на следующий день ему было предъявлено требование о передаче власти Земской управе во главе с А. Медведевым. 29 января представители управы заручились согласием на невмешательство в конфликт со стороны командования японских оккупационных войск.

В тот же день во Владивосток прибыла делегация из Никольска-Уссурийского, занятого партизанскими отрядами. Она предъявила Розанову ультиматум с требованием к 9 часам утра 31 января сложить с себя полномочия и передать всю полноту власти Областной земской управе “как органу управления, выявляющему волю народа”. Эти условия были выполнены, и утром 31 января китайский консул во Владивостоке сообщал в Пекин, что власть в городе полностью перешла к управе. Так в Приморье произошел практически бескровный “розовый” переворот.

В этой ситуации Дальневосточный обком РКП(б), так и не получивший инструкций из центра, был вынужден обратиться к населению края и признать, что он полностью изолирован от РСФСР и не знает “ни ее сил, ни ее намерений по отношению к японцам”. Поэтому обком на свой страх и риск следующим образом формулировал свое отношение к земской управе: воспре-

пятствовать полному захвату Дальнего Востока японцами можно лишь “при временной передаче всей полноты власти Приморской областной земской управе”.

Во главе управы, объявившей себя Временным правительством Дальнего Востока, в конце января 1920 года встал Медведев. По совместительству он возглавил три самостоятельных министерства: внешних сношений, юстиции и транспорта. Товарищ Медведева по партии Афанасьев руководил министерствами финансов, промышленности и снабжения, а Иванов был министром внутренних дел. Главой городской управы Владивостока стал Меньшиков.

Одновременно важные посты в правительстве занимали видные коммунисты. Пост заместителя председателя Временного правительства занял П. Никифоров, одновременно возглавлявший Финансово-экономический совет. Для руководства всеми революционными вооруженными силами был создан Военный совет, в который вошли С. Лазо, В. Сибирцев, А. Луцкий. Командующим войсками Владивостокского укрепрайона стал А. Краковецкий.

Положение Временного правительства Приморья с самого начала было не из легких. С одной стороны от него обосновался атаман Семенов, земскую управу демонстративно не признававший. С другой была японская оккупационная армия, насчитывавшая только во Владивостоке 25 тысяч штыков.

После ухода американцев в Приморье продолжали квартировать китайские войска, но отношения между ними и японцами были дружественными только на уровне официальных правительственных заявлений. Фактически же их скрытая взаимная неприязнь то и дело выплескивалась наружу. По словам очевидца, китайский солдат не проходил мимо японского, не обругав того “макакой”; нередко завязывались драки, порой заканчивавшиеся потерями в живой силе.

Как и полагается буферу, с первых же дней своего существования Земская управа вплотную занялась проблемами взаимоотношений со своими соседями – Японией и Китаем.

Во Владивостоке тогда находился Верховный комиссар Китая в Сибири Ли Цзяо. Он постоянно информировал свой МИД о происходившем и поддерживал непосредственный контакт с руководителями управы. По его словам, правительство Медведева пользовалось широкой поддержкой населения.

Земская управа, выступая в качестве независимого от Москвы органа власти, использовала также другой канал общения с Китаем. В то время в Пекине по-прежнему находился посланник России князь Кудашев, назначенный еще при Керенском. Наркоминдел РСФСР отстранил его от должности, но тот делал вид, что и знать ничего не знает, продолжая исполнять обязанности представителя уже не существующего правительства. Земская управа использовала Кудашева в своих целях: вступив с ним в переписку, она демонстрировала китайским властям, а заодно и аккредитованным в Пекине иностранным дипломатам свою политическую самостоятельность.

21 февраля на имя Российского посланника в Пекине из Владивостока была направлена телеграмма:

В эпоху чрезвычайной национальной опасности, гражданской смуты, полного развала власти бывшего Омского правительства, Приморская Областная Земская Управа, следуя единодушному желанию всех слоев населения области, военных, профессиональных и общественных организаций, первого сего февраля приняла на себя осуществление всей полноты государственной власти. Отнюдь не стремясь к превращению ее в постоянную и к созданию из Приморской области самостоятельного государственного образования, ставя себе главной задачей скорейшее прекращение гражданской войны, защиту верховенства России на Дальнем Востоке, установление государственной правовой жизни, прекращение интервенции, мирное скорейшее воссоединение со всей Россией, Управа готова сложить свою власть как только население выскажет о том свое решение. Присвоив себе наименование “Временное правительство”, Областная Земская Управа принимает все меры к надлежащей конструкции временного управления, с функциями центральных установлений для прекращения господствующей здесь во всех областях жизни анархии. Сообщаю об этом для Вашего сведения с просьбой передать Правительству, при коем Вы аккредитованы.

Председатель Областной Земской Управы, управляющий иностранными делами – Медведев.

Помощник управляющего – Гребенщиков. [143]

Князь Кудашев обращенную к нему просьбу выполнил, и русский текст этой телеграммы был препровожден в Министерство иностранных дел Пекинского правительства, в архиве которого он благополучно хранится до сих пор.

Но выступая как правительство, не подчиняющееся СНК РСФСР, управа в то же время стала связующим звеном между Москвой и теми силами внутри Китая, которые Пекинское правительство не признавали и стремились к его свержению. Речь идет прежде всего о Сунь Ятсене.

Командующий Владивостокским укрепрайоном Краковецкий в феврале 1920 года привлек в свой аппарат М.Г. Попова, который стал сотрудником его штаба. А вскоре после этого Попов получил через Краковецкого предписание отправиться в Шанхай для встречи с Сунь Ятсеном.

Нет сомнений в том, что эта идея возникла не во Владивостоке. Судя по всему, фамилию Попова, которого двумя годами раньше Карахан отправил консулом в Шанхай, в центре еще не забыли. В начале 1920 года послать эмиссара в Китай непосредственно из Москвы было затруднительным.

Выбор поэтому и пал на “владивостокца” Попова. В целях конспирации он был командирован в Китай от министерства финансов Приморской земской управы, получив при этом от Краковецкого мандат, подтверждающий его полномочия. В этом документе было записано, что М.Г. Попов имеет чин полковника. Правила буферной игры (в Шанхай ехал не большевик, а офицер Российской армии!) были тщательно соблюдены.

Лицом к лицу

Из огня да в полымя

Попов вернулся во Владивосток как раз в то время, когда ситуация там вдруг резко обострилась.

Среди местных большевиков вновь вспыхнули споры о целесообразности существования розового буфера и о приемлемости установленных им форм государственного устройства. Председатель Военного совета С. Лазо по-прежнему выступал за немедленное объявление советской власти в Приморье; находившийся в то время во Владивостоке уполномоченный РСФСР на Дальнем Востоке В. Виленский считал, что земская управа на данном этапе в наилучшей степени соответствует сложившейся обстановке (кстати говоря, Краснощеков обвинял Виленского в стремлении ликвидировать буферное государство на Дальнем Востоке, но, насколько можно судить по имеющимся документам, тот был в действительности за сохранение власти земской управы).

Несмотря на настойчивость “левых”, победила вторая точка зрения. Приморская Земская Областная управа “решила конституировать власть в форме временного демократического правительства”. 31 марта Временное правительство обнародовало следующую Декларацию:

31 января 1920 г., под давлением единодушного мнения военных, профессиональных и общественных организаций, Приморская Областная Земская Управа приняла на себя всю полноту государственной власти в пределах Приморской области. Приняв власть Временное правительство за два месяца своей работы нашло поддержку как со стороны различных кругов демократии, так и широких трудовых масс, которые на многочисленных съездах трудящихся заявили о признании и поддержке Временного правительства. Это признание Временного правительства исходило не только от населения При-

морской области, но и от Амурской области и от русского населения полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги, а также и других местностей Дальнего Востока. В своих заявлениях, резолюциях и меморандумах широкие слои трудящихся Дальнего Востока выявили непреклонную решимость объединить свои силы вокруг Временного Правительства – Приморской Областной Земской Управы, как Временного Правительства всего Дальнего Востока, для достижения общероссийских задач впредь до воссоединения с Центральной Россией. Учитывая это стремление трудящихся Дальнего Востока и выполняя его волю, Временное Правительство – Приморская Областная Земская Управа заявляет, что отныне оно распространяет свою власть на всю территорию Дальнего Востока: Приморскую, Амурскую, Сахалинскую и Камчатскую области, а равно и на русское население в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. Распространяя свою власть на всю территорию Дальнего Востока, Временное правительство находит при этих условиях государственно необходимым пополнить свой состав включением в него, на правах полномочных членов, представителей от Съездов Трудящихся: Приморской и Амурской областей – по два, и от Камчатской и Сахалинской областей – по одному. Вместе с тем, стремясь к возможно полному выражению воли всего населения, Временное правительство считает своей неперменной обязанностью созвать в ближайшее время Краевой Съезд Трудящихся для установления согласованности в проведении общегосударственных задач во всех областях Края, установления в них единообразного порядка управления и для укрепления связи между Правительством и населением Края. Подтверждая свое прежнее решение в своей деятельности ставить главнейшей задачей – воссоздание государственности в полном согласии с волей трудящихся, Временное правительство заявляет, что оно, стоя на страже суверенных прав Российского государства, в то же время признает и будет охранять и законные интересы иностранных граждан на Дальнем Востоке.

Временное Правительство – Приморская Областная Земская Управа. [144]

Вернувшись во Владивосток после выполнения ответственного задания центра, М.Г. Попов вскоре был назначен товарищем управляющего (заместителем министра) по внутренним делам.

Впоследствии Михаил Георгиевич вспоминал: “В этой должности я пережил два переворота. Первый удалось ликвидировать, второй был для нас губительным”. [145]

Первый из этих двух переворотов был загодя подготовлен и осуществлен японской оккупационной армией в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года.

Еще 10 марта газета “Осака майнити” опубликовала статью о японской политике на Дальнем Востоке. Ее автор (им по всей

видимости был некто Отаке, специальный корреспондент этой газеты во Владивостоке; позднее он приедет в Москву) вполне откровенно писал о том, что эвакуация японцев будет возможна лишь в случае создания в Сибири единого антибольшевистского буферного государства. Белый семеновский буфер в это время давно уже существовал и поэтому истолковать данное заявление можно было лишь в том смысле, что наличие в регионе нескольких правительств, в той или иной мере ориентирующихся на Советскую Россию, японцев не устраивало.

Фактически та же самая мысль была выражена 31 марта в опубликованном в Токио официальном заявлении. Япония выведет свои войска из Сибири, – говорилось в нем, – лишь после того, как будет устранена русская большевистская угроза Маньчжурии и Корее, будет обеспечена безопасность жизни и имущества японских граждан. В переводе на обычный русский язык это означало, в условиях сосуществования белого, красного и розового буферов японские войска уходить из Сибири не собирались.

Принципиально важным было также следующее утверждение:

Японская империя отличается от всех других государств в том отношении, что она тесно связана с Сибирью с географической точки зрения. [146]

Этот тезис невозможно было расценить иначе, как попытку обосновать особые права и интересы Японии на территории России.

Нельзя не упомянуть в этой связи и о том, что наглость японцев в это время фактически поощрялась Москвой, взявшей курс на “умиротворение” самураев. Не будет преувеличением сказать, что тезис об особых правах Японии на Дальнем Востоке был позаимствован из текста подписанной Чичериным ноты Советского правительства. [147] Протестуя против такой постановки вопроса, член Сибревкома М. Фрумкин писал Чичерину: “В вашей ноте от 24 февраля в Токио говорится, что Советское правительство вполне признает особые экономические и торговые интересы Японии на Дальнем Востоке, превышающие в настоящий момент в некоторых отношениях такие же интересы других стран... Полагаем, что в официальных нотах вряд ли следует авансировать максимум уступок”. [148] Не менее резко выступил против потачек агрессору и уполномоченный Наркоминдела на Дальнем Востоке В. Виленский. “Передайте Ленину, – телеграфировал он в НКВД, – что, на мой взгляд, Москва делает больше авансов, чем нужно, а это осложняет работу”. [149] Но эти голоса не были услышаны.

Тем временем 2 апреля 1920 года японское командование предъявило Временному правительству Приморья ряд жестких, по существу откровенно провокационных требований. Земская управа должна была полностью обеспечить условия для пребывания японских войск на русской территории, включая их расквартирование, снабжение продовольствием, обеспечение транспортными средствами и т. д.

Командующий японской армией в Сибири генерал Ои явно рассчитывал на то, что отказ Земства от принятия его требований может быть использован как повод для начала против него военных действий. Японцы были явно не готовы к тому, что Меньшиков, к которому для предъявления ультиматума явились пятеро высокопоставленных японских военных, принял их официальное заявление и, соблюдая все правила этикета, обещал немедленно передать его на рассмотрение правительства.

Стремясь избежать обострения обстановки, Временное правительство согласилось на создание специального органа для обсуждения выдвинутых требований. В состав организованной в тот же день согласительной комиссии с российской стороны вошло шесть представителей управы. Среди них, вспоминал впоследствии П. Никифоров, были коммунисты Цейтлин и Луцкий, а также “полковник Попов, владевший японским языком”. [150] После двухдневных заседаний управа приняла все условия японской стороны и конфликт, казалось, вполне можно было считать улаженным.

Однако такой поворот событий вовсе не входил в планы генерала Ои. И он отдал приказ действовать в соответствии с первоначально разработанным планом. В ночь с 4 на 5 апреля японские войска захватили все важнейшие административные здания Владивостока. На них были вывешены японские флаги. Начались аресты должностных лиц.

Генерал Ои выступил с заявлением, в котором перекладывал на Владивосток всю тяжесть ответственности за произошедшее и сообщал о якобы имевших место нападениях русской вооруженной охраны на японских военнослужащих.

В эти дни китайский консул докладывал своему правительству из Владивостока: “Японцы произвели массовые аресты. Задержанным не дают пищи и воды, а женщин и детей, со слезами на глазах приносящих им еду, избивают”. [151]

И тем не менее вскоре власть земской управы была восстановлена. Каким образом это могло произойти? Почему японское ко-

мандование, в течение длительного времени тщательно планировавшее свержение земской управы, столь неожиданно пошло на попятный?

Одна из предлагавшихся версий гласит:

В условиях глубокого возмущения трудящихся масс кровавыми злодеяниями интервентов японское командование не могло создать какого-либо другого правительства, пользовавшегося хотя бы малейшим авторитетом. [152]

Подобное объяснение произошедшего кажется не слишком убедительным. Только ли возмущение масс заставило японцев, загодя готовивших эту акцию, вскоре после выступления неожиданно признать свое поражение и отступить?

Нокдаун – еще не поражение

После Октябрьской революции представителям России неоднократно приходилось вести переговоры с противником, но ни разу они не начинались в столь безнадежной для русской стороны ситуации.

В Бресте немцы были заинтересованы в скорейшем прекращении боевых действий на Восточном фронте и потому сразу же приняли предложенные большевиками условия демократического мира без аннексий и контрибуций. Но отправляясь на переговоры, делегация РСФСР имела своей целью не столько действительное заключение мира, сколько демонстрацию своей гуманной позиции и затягивание подписания договора до того момента, когда революционный пролетариат Германии поднимется в знак солидарности со своими русскими братьями. Немецкие пролетарии сыграли злую шутку с российскими большевиками: свергать кайзеровское правительство они не спешили, и Троцкому пришлось полагаться в Бресте на свое знаменитое красноречие, чтобы как можно дольше затягивать переговоры и не подписывать мирный договор. Когда же генералы вермахта устали ждать, предъявили большевикам ультиматум и, не получив ответа, начали наступление, Ленин настоял на принятии всех условий этого “похабного мира”. Перед лицом немецкого натиска он даже не попытался выторговать хоть что-нибудь для России, вовсе не потерпевшей военного поражения в этой войне.

Потом были переговоры в Риге, на которых один из лучших советских дипломатов тех лет Иоффе должен был заключить мир

с поляками. Ленин только что попробовал “прощупать Польшу штыком”, но наступление на Варшаву провалилось. Несмотря на то, что польской армии не было ни в Москве, ни под Москвой, Ленин пошел на заключение с ними чуть менее похабного, но столь же позорного мира: Россия, только что разгромившая Деникина и Юденича, вынуждена была выплатить полякам контрибуцию за свои неудачные штыковые упражнения.

Еще одни переговоры проходили в мае 1920-го между представителями ДВР и Японии на железнодорожной станции Гонгота. Глава делегации буфера Петров вспоминал впоследствии, что комдив Павлов умело расположил свою дивизию в таежных местах вплоть до Яблонового хребта и тем самым взял японцев на всякий случай в полуокружение, обезопасив свою делегацию от неожиданностей. Но самое большое, чего удалось добиться верхнеудинским дипломатам, так это заключить с японцами соглашение, по которому Япония соглашалась иметь дело с ДРВ при условии отказа тамошних большевиков от ведения революционной агитации.

У Приморской Земской управы не было дивизии, способной повлиять на сложившуюся после военного переворота обстановку. У нее к этому времени не было во Владивостоке даже полка или хотя бы батальона. Японский командующий диктовал свои условия фактически низложенному им правительству, вообще не располагавшему в тот момент реальной силы для того, чтобы сопротивляться насилию. Для того, чтобы попытаться переломить ситуацию и довести до эндшпиля казавшуюся безнадежно проигранной партию, оно могло полагаться лишь на свою волю и умение считать ходы.

Прежде всего нужно было заставить японцев сесть за стол переговоров. И владивостокские руководители проявили максимум изобретательности, составив сразу же после случившегося два документа, один из которых был адресован представителям союзников, второй – японцам.

В меморандуме, направленном в адрес межсоюзнической дипломатической конференции, в частности, говорилось:

Заявляя решительный протест против действия японского командования, Временное Правительство обращает данный свой протест ко всем союзникам...

В целях предупреждения дальнейшего развития происшедших событий со всеми вытекающими отсюда последствиями Временное Правительство просит Межсоюзную дипломатическую конференцию:

Предложить японскому командованию –

- 1) Немедленно освободить из-под ареста членов Временного Правительства, должностных, гражданских и военных лиц и прочих русских граждан, арестованных японским командованием в связи с происшедшими событиями.
- 2) Немедленно освободить занятые японскими войсками все правительственные учреждения, в целости и сохранности передать их надлежащим русским властям.
- 3) Японское командование должно дать удовлетворительное объяснение и принести извинение перед Временным Правительством за свои действия.
- 4) Японские власти не должны производить, а равно не допускать других при участии или под защитой японских вооруженных сил производить обыски и аресты без разрешения и помимо Временного Правительства.
- 5) Немедленно возвратить оружие тем русским воинским частям, у которых оно было насильственно отобрано, а также назначить межсоюзную комиссию с участием представителей русских и японских властей для всестороннего и беспристрастного обследования причин и обстоятельств всего происшедшего. [153]

Составители этого документа мастерски использовали в своих интересах сам факт “буферности” Земской управы. Временное правительство Приморья формально не имело отношения к возглавлявшемуся Лениным московскому большевистскому Совнаркому. Это означало, что Земская управа никакого мира с немцами в Бресте не подписывала, и страны Антанты по-прежнему были для нее союзниками. Тем самым интервенты были лишены одного из главных козырей для обоснования необходимости своего военного присутствия в Сибири, а тем более – применения силы против союзника по антигерманской коалиции.

Акцентируя внимание на этом аспекте проблемы, авторы меморандума подчеркивали, что даже популярное в то время слово “интервенция” употребляется ими условно, в кавычках, так как это понятие несовместимо с союзническими отношениями.

Далее, в обращении к представителям держав всячески подчеркивалось, что действия японского командования противоречат действующим межсоюзническим соглашениям и духу той так называемой “интервенции”, которая “была предпринята всеми союзниками совместно”. Упор фактически делался на то, что заявление Японии о наличии у нее каких-то особых прав в регионе наносит ущерб союзническим интересам. Тем самым Временное прави-

тельство умело сыграло на противоречиях между позицией Страны Восходящего Солнца и другими союзными державами, прежде всего Соединенными Штатами, отнюдь не расположенными допустить одностороннее усиление японского влияния в Сибири.

Советские исследователи, которые в свое время писали о событиях 4-5 апреля 1920 года в Приморье, обычно подчеркивали, что захватническая акция японцев не вызвала противодействия со стороны правительств союзных держав, фактически оказавшихся пособниками агрессии. В действительности дело обстояло иначе.

Получив приведенный выше меморандум, представители союзников провели 6 апреля во Владивостоке два совещания, на которых обсуждался вопрос о том, как им следует реагировать на действия японцев. В тот же день по настоянию представителя Великобритании с домов на улицах Владивостока были сняты вывешенные накануне белые полотнища с японским красным солнечным диском *хино мару*.

Именно в контексте реакции союзников на события 4-5 апреля следует рассматривать и протест против поведения японских войск в зоне Китайско-Восточной железной дороги, который был заявлен 14 апреля английским, американским, французским, китайским, русским и чехословацким представителями международного Технического совета КВЖД. Японская сторона осталась в изоляции. Меморандум руководителей Управы возымел свое действие.

На следующий день Временное правительство направило ноту дипломатическому представителю Японии в Приморье Мацудайра. Акценты в ней были расставлены иначе – в расчете на вбивание клина между двумя группировками внутри лагеря японских оккупантов.

В это время шла с трудом скрываемая грызня двух официальных представителей Японии на Дальнем Востоке. Генерал Ои представлял военную группировку, выступавшую за применение в Сибири грубой силы для подавления и устрашения русских. А дипломат Мацудайра принадлежал к другому лагерю в японских правительственных кругах. Он также ратовал за обеспечение стратегических государственных интересов Японии на русском Дальнем Востоке, но предлагал для достижения этой цели более гибкую и осторожную политику.

Проявив прекрасное знание внутривосточной ситуации в Японии, а заодно и традиционной психологии японцев, авторы ноты высказывали свою уверенность в том, что правительство

цивилизованного государства, каким несомненно является Япония, не может сознательно провоцировать возникновение анархии и беспорядков. В ноте, в частности, говорилось:

Японское правительство, несомненно, не признает законными действия местного командования и сделает все возможное, чтобы загладить эту роковую ошибку. [154]

Одновременно заявлялось о готовности Временного правительства путем мирных переговоров обсудить тот максимум уступок, которые возможно было бы сделать японскому командованию “при условии охранения своей чести, верховенства и декларированных в свое время обязательств, которые оно имеет здесь перед русским народом, перед союзниками России и перед Историей”. [155]

И Мацудайра заглотнул наживку. Он выступил с официальным заявлением о том, что “японская политика в Сибири не представляет из себя ничего сепаратного, а находится в полном соответствии с общесоюзной политикой, многократно декларированной со времени посылки войск”.

Это было почти равносильно капитуляции на условиях, сформулированных Земской Управой. При этом глава японской дипломатической миссии во Владивостоке фактически дезавуировал своим выступлением содержавшееся в декларации правительства Японии от 31 марта заявление о наличии у Японии, в отличие от всех других союзных стран, каких-то специфических интересов и прав на территории Сибири.

Японская сторона согласилась на возобновление переговоров, начатых за несколько дней до переворота. Согласительная комиссия была реорганизована. Через некоторое время ее председателем с российской стороны стал М.Г. Попов.

Найди в себе силы подняться в контратаку

Это была трудная, изнурительная работа на грани человеческих возможностей. Я думаю, что глядя в лицо главы японской делегации генерала Такаянаги, сидящего на противоположной стороне стола, Михаил Георгиевич невольно вспоминал Порт-Артур. Под непрерывным обстрелом, прекращавшимся лишь на время вражеской атаки, нижние чины его 6-й роты зубами вгрызались в бетон укрепления №3, а затем он поднимал их и вел за собой в штыковую контратаку. Иной раз казалось, что сил больше нет. Но рота все же вставала и кидалась в рукопашную, сбрасывая неприятеля с бруствера.

Когда было труднее – тогда или теперь? В те дни и месяцы на исходе были физические силы, хотя боеприпасов и вооружения хватило бы еще надолго. Сейчас все было иначе. Не нужно вставать под шквальным огнем, ежеминутно рискуя жизнью. Но прямо перед тобой тот же самый враг, только еще более самоуверенный и наглый. Он тоже помнит о Порт-Артуре, который с тех пор считает частью Японии. Да и территорию Приморья на карте он уже закрасил своим японским цветом. Для того, чтобы одолеть его за столом переговоров, одной ненависти к врагу и личной храбрости солдата было недостаточно. Необходимо было умение анализировать ход сражения...

И российская делегация вводит в бой свой последний резерв. Он решает сыграть на противоречиях между Японией и Китаем. 21 апреля на имя Верховного комиссара Китая на Дальнем Востоке Ли Цзяо было направлено следующее обращение:

Японское правительство после нападения на русские войска пятого апреля усиливало военную деятельность несмотря на мирные заявления японских дипломатов. В провинции идут столкновения, население бежит в горы партизанами. Двадцатого апреля опубликован проект условий японского командования о прекращении военных действий, неприемлемый никакой государственной власти, технически невыполнимый. Председатель правительства Медведев созвал совещание представителей общественности, изложил программу, указал на неприемлемость проекта условий японского командования, призвал всех сплотиться на программе правительства, энергичной государственной работе, возможного наибольшего миролюбия. Командующий Болдырев изложил контрпроект условий соглашения, предусматривающий сдвиг наших вооруженных сил по Амуру, сохранение как базы Хабаровского района. Отношение японского командования к нашему ответу откроет их замыслы. Избранный председателем совещания новый городской голова социалист революционер Косминский заявил безоговорочно поддержку правительству. Представитель коммунистов Никифоров сообщил решение всемерно поддерживать правительство, отказаться от насильственных приемов социальной борьбы, мирно бороться с капитализмом на Дальнем Востоке. [156]

Обращаясь к китайскому правительству, владивостокские руководители в полной мере использовали ценную информацию о состоянии китайско-японских отношений, которую Попов получил во время своего пребывания в Шанхае из бесед с Сунь Ятсеном и Тан Шаои. Из его отчета о поездке в Китай явствовало, что широкие общественные круги внутри страны настоятельно требовали расторжения японо-китайского военного соглашения, со-

гласно которому Китай и Япония совместно ввели свои войска на территорию Сибири. Но их интересы отнюдь не были в этом смысле идентичными.

Японцы стремились закрепиться на Дальнем Востоке, им уже грезились второй Порт-Артур; китайцам было не до территориальных претензий, они мечтали лишь об обретении равного статуса по отношению к своим союзникам. Но ввязавшись в интервенцию, Китай оказался мальчишкой на побегушках, и именно поэтому договор с Японией стал притчей во языцах противников правительства Дуань Цижуня. Однако этот договор еще не был отменен и потому владивостокским властям представлялось возможным, как и в случае со странами Антанты, сыграть на недопустимости односторонних действий японцев, не намеревавшихся посвящать союзников в свои далеко идущие планы.

И этот ход, как оказалось, не был безрезультатным. Владивостоку удалось поссорить Пекин и Токио. Верховный комиссар Ли Цзяо слал в Пекин донесения, в которых благожелательно отзывался о Временном правительстве и рекомендовал принять меры к тому, чтобы не терять лицо во взаимоотношениях с Японией. Дело кончилось тем, что китайское правительство выступило с протестом против сепаратных действий японцев, а те в свою очередь обвинили Ли Цзяо в искажении истинных намерений императорских войск в отношении Владивостока. [157] Страна Восходящего Солнца снова оказалась на переговорах в полуокружении, но на этот раз не в военном, а дипломатическом.

Тем временем члены российской секции согласительной комиссии не покладая рук день и ночь работали над выработкой проекта двустороннего соглашения, который содержал бы определенные уступки японцам, но обуславливал бы восстановление власти Временного правительства. И в конечном итоге российским представителям удалось добиться своей цели.

29 апреля было подписано соглашение о том, что “русское военное командование, с одной стороны, и японское военное командование – с другой, взаимно согласились о немедленном прекращении военных действий между отрядами русских и японских войск”. [158]

Условия мира были тяжелыми. Но удалось достигнуть главную цель – сохранить власть земской управы как розового буфера, в котором так нуждалась тогда советская Россия. Приняв на себя удар, Владивосток отвел его от Москвы.

В Москву, в Москву!

Знакомьтесь: товарищ Виленский

Забегая вперед, скажу, что через три месяца после описываемых событий на секретном заседании военного министерства Японии было принято решение на некоторое время отказаться от планов прямой оккупации Сибири. В январе 1921 года с Дальнего Востока был отозван японский главнокомандующий генерал Ои. Представитель Японии в межсоюзном комитете заявил по этому поводу одному из американских дипломатов, что Ои “своей глупой политикой и бестактностью нанес много ударов японо-американской дружбе”. [159]

Пока же, добившись полной стабилизации обстановки в Приморье, руководители Временного правительства подписали 6 мая во Владивостоке “Декларацию об общих направлениях политики Временного правительства Приморья”. Она явилась документом, демонстрировавшим миру: областная земская управа продолжает существовать как единственный законный субъект власти на Дальнем Востоке.

После того, как русско-японская согласительная комиссия выполнила свою основную функцию, она не была распущена, а превратилась в постоянно действующий орган, продолжавший осуществлять дипломатические контакты с японскими представителями, фактически подменяя собой в этом отношении министерство иностранных дел.

В ходе этих переговоров М. Попову довелось близко познакомиться с находившимся в это время во Владивостоке представителем НКВД РСФСР В. Виленским. Имея полномочия представителя правительства РСФСР, он прибыл в Приморье 16 марта 1920 года, одновременно с Поповым, вернувшимся из Шанхая.

Владимир Виленский, известный под псевдонимом Сибиряков, был человеком бурного темперамента и неумной энергии. Когда он после падения советской власти в Сибири приехал в 1919 году в Москву, он сразу же активнейшим образом включился в работу Наркоминдела. Вскоре он стал добиваться аудиенции у Ленина, и кто-то из секретариата написал Ильичу:

По словам Крестинского, это человек, от которого не отвяжешься и которого рано или поздно придется принять. [160]

Отвязаться от Виленского и впрямь было непросто, и Ленину пришлось побеседовать с неугомонным сибиряком.

Тот пришел к председателю СНК не с пустыми руками. По мимо нескольких нот Наркоминдела, подписанных незадолго до того заместителем наркома, он принес свои собственные предложения о развертывании агитационной работы в странах Востока. Эти документы, хранящиеся ныне в бывшем партийном архиве в Москве, представляют исключительную ценность, так как они проливают свет на загадку “Первой декларации Карахана”.

Напомню читателю суть дела. В конце июля 1919 года решения Версальской конференции вызвали возмущение китайской общественности (согласно условиям мирного договора с Германией, ее бывшие концессии в Китае не были возвращены этой стране, а переданы японцам). Точно выбрав для этого наиболее удачный момент, Наркоминдел обратился “к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая” с нотой, в которой рабоче-крестьянское правительство торжественно отказывалось от всех привилегий царской России в Китае. Содержалось в ноте и обещание “вернуть китайскому народу без всякого вознаграждения Восточно-Китайскую железную дорогу”, построенную Россией в начале XX века на территории северной части Маньчжурии.

Текст документа был получен в Китае лишь весной 1920 года. Сначала он был передан в китайский МИД телеграфом из Иркутска; затем его послали в Пекин с возвращавшимся туда дипломатом; наконец, вскоре после этого другой экземпляр обращения был лично вручен советским представителем китайскому чиновнику в Харбине.

Нет нужды говорить о том, с каким энтузиазмом обращение было встречено в Китае: в нем передовые люди этой страны увидели свидетельство того, что Советская Россия действительно отказалась от политики царского правительства.

Однако когда спустя некоторое время после этого дело дошло до прямых переговоров РСФСР с пекинским правительством, китайцам был предъявлен несколько иной текст декларации, в котором абзац о безвозмездной передаче КВЖД Китаю был опущен. Начались длительные споры, в которых Карахан доказывал, что данного пункта в первоначальном тексте ноты не было.

Разъяснить ситуацию взялся герой взятия Зимнего Антонов-Овсеенко, ставший к тому времени дипломатом и сотрудником Наркоминдела.

В одной из своих статей 1924 года он писал:

Любопытно отметить недоразумение с этим документом: обсужденный при своем зарождении на собрании китайских рабочих в Москве, он в пункте, касающемся КВЖД, был произвольно переработан... В таком виде документ стал известен широко в Китае. [161]

Это объяснение выглядело, признаться, не очень убедительным.

Во-первых, хотя бы потому, декларация, о которой идет речь, обсуждалась на собрании китайских иммигрантов не “при своем зарождении”, а через месяц после того, как она была подписана Караханом.

Во-вторых, в Китае документ стал известен не в китайском, а во французском переводе, сделанном, надо полагать, с русского оригинала.

Совершенно иное объяснение позднее попытался дать исследователь советско-китайских отношений В. Саввин. По его словам, текст ноты, полученный пекинским правительством весной 1920 года, был умышленно искажен белогвардейскими агентами, добавившими в него первоначально отсутствовавший абзац. [162]

Эта версия также мало что объясняла, так как оставалось неясным, каким образом враги советской власти могли получить доступ к тексту, переданному из Иркутска в Кяхту, а оттуда – в Пекин (в Кяхте в то время никаких белогвардейцев не было). Кроме того, были ведь и другие экземпляры, переданные из рук в руки!

Следующая, уже третья по счету, попытка прояснить ситуацию была предпринята в конце 50-х годов М. С. Капицей: виновником недоразумения был теперь объявлен Виленский.

Согласно данной версии, в процессе подготовки ноты действительно был один рабочий вариант, включавший спорный абзац, но на утверждение правительства он не вносился; Виленский, принимавший участие в подготовке обращения НКВД, затем опубликовал в своей увидевшей свет в 1919 году брошюре “Советская

Vertical Chinese characters on the left margin.

THE CHINESE TELEGRAPH ADMINISTRATION
PEKING STATION

20 48

Handwritten numbers and marks in a box.

CLASSIFICATION MARKS

Message number and class information.

Vertical Chinese characters on the left margin.

Vertical Chinese characters on the left margin.

MINISTRE AFFAIRES ETRANGERES
PEKIN
LE PEUPLE CHINOIS ET SON GOUVERNEMENT
DE LA CHINE SEPTENTRIONALE ET MERIDIONALE,
ACCABLE EN CE JOUR, PARQUE DE LES TROUPES
DES SOVIETS APRES AVOIR DEFAIT L'ARMEE
DE COUPTE CONTRE-REVOLUTIONNAIRE TROTSKY
MORTUEL PAR LES HAITIENNES ET L'UR
STRANGER POUR ENCHER EN SIBERIE ET
MOMENT A LA JONCTION AVEC LE PEUPLE
REVOLUTIONNAIRE DE SIBERIE LE CONSEIL DES
PEUPLES DU PEUPLE ADRESSE A TOUS LES

Телеграмма из Иркутска с текстом ноты Наркоминдела от 25 июля 1919 года (из архива МИД КР)

Россия и Китай” (по небрежности не удосужившись свериться с официальным, “подлинным” текстом документа) этот первоначальный вариант; именно он весной 1920 года и попал в Китай. [163]

В этом объяснении концы также не сходятся с концами, так как подлинность посланного в Китай обращения, числившегося под исходящим номером 324, удостоверил вовсе не Виленский, а уполномоченный Наркоминдела в Сибири и на Дальнем Востоке Я. Янсон.

Наконец, в еще одном объяснении случившегося первая и третья версии были объединены:

В Сибирь попал текст с дополнением, включенным на собрании китайских рабочих, который В. Виленский (Сибиряков), участвовавший в подготовке проекта Обращения, ошибочно опубликовал в изданной в Москве в 1919 г. брошюре “Китай и Советская Россия”. [164]

Наверное, споры о том, был ли в первоначальном, подлинном тексте “Первой декларации Карахана” злополучный абзац, продолжались бы по сей день, если бы в архиве секретариата Ленина не был найден ответ на вопрос о том, каков был исходный вариант ноты НКИД от 25 июля 1919 года. В ее тексте, представленном Виленским Ленину 10 августа того же года (за две недели до упоминавшегося собрания китайских рабочих), есть пассаж о безвозмездной передаче Китаю КВЖД, позднее из декларации изъятый. [165] Но этот абзац оказался лишним, когда во внешнеполитическом курсе Советской России постепенно возобладали собственно государственные интересы, а идея вселенской щедрости во имя грядущей мировой революции оказалась похороненной. О том, что дело в действительности происходило именно так, а не иначе, свидетельствует признание Чичерина:

Заявление о безвозмездном возвращении Востокитжелдороги Китаю было в самой торжественной форме сделано в 1920 г. [166]

Стремясь урезонить ретивого Иоффе, по-прежнему предлагавшего “декларировать передачу прав собственности без всякого вознаграждения китайскому народу”, Карахан напоминал ему:

Наша политика сегодняшнего дня имеет меньше декларативный характер, а больше деловой... Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, что каждая пядь Советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания. [167]

Виленский (так же, как Иоффе) принадлежал к числу тех бойцов советского внешнеполитического фронта, которые, говоря словами Троцкого, прежде всего были революционерами, а потом уже дипломатами. Подход Карахана, напротив, в гораздо большей степени характеризовался “деловитостью”. Расхождения во взглядах между Виленским и Караханом имели, таким образом, более глубокие корни, чем это могло показаться на первый взгляд.

Конфликт этот впервые выплеснулся наружу вскоре после прибытия Виленского во Владивосток. Наркоминдел обвинил своего представителя в том, что его участие в переговорах с японцами и американцами противоречит буферной политике Советской Республики. Карахан направил в Сибревком телеграмму:

Передайте Виленскому – предлагаю Вам немедленно оставить Владивосток, возвратиться в Омск. Ваша деятельность намечалась нами исключительно для информации, которой Вы не давали вопреки строжайшего предписания до всяких переговоров с иностранцами. Вы компрометируете идею буфера, вступаете в переговоры с американцами, явно идя на срыв буфера. Все переговоры об интересах иностранцев на территории буфера ведутся исключительно Правительством Востреспублики. Неисполнение настоящего предписания повлечет самые неприятные для Вас последствия. Лично Янсону необходимо совершенно официально в газетах опубликовать, что Виленский во Владивостоке является совершенно частным лицом и не имеет никаких полномочий. [168]

Председатель Сибревкома Смирнов заметил по этому поводу, что публикацию в газетах, о которой писал Карахан, он считает “ненужным делом, которое может повредить новому представителю Совроссии во Владивостоке”. Тем не менее, Виленский был отозван. Вся тяжесть переговоров с японцами целиком легла после этого на плечи согласительной комиссии и прежде всего ее председателя Попова.

Однако его личное знакомство с Виленским не прошло для него даром. Назначенный в 1921 году комиссаром Военной Академии РККА Виленский добился через Дальбюро вызова Попова в Москву.

Соратники-соперники

Итак, попытка японцев свергнуть весной 1920 года власть Приморской земской управы не удалась. Но ирония судьбы заключалась в том, что отстояв в труднейших условиях свой суверенитет от посягательств интервентов, Временное правительство Приморского края вскоре после этого столкнулось с новыми проблемами, источником которых были не враги, а те, кто называл себя соратниками по борьбе. Речь идет о розово-красном верхнеудинском буфере.

Я уже говорил о том, что в 1920 году у премьера ДВР Краснощекова не прекращались стычки с представителями Иркутска и Москвы Янсоном и Виленским. Их личная неприязнь друг к другу имела давние корни, восходившие еще к тому времени, когда в 1917-1918 году к востоку от Урала существовала советская власть.

Ее высшим органом в данном регионе был ЦИК Советов Сибири, или Центросибирь, размещавшийся в Иркутске и включавший в свой состав как большевиков, так левых эсеров, анархистов и социал-демократов (объединенцев), активно поддерживавших Советскую власть. Во главе Центросибири стоял старый большевик Н.Н. Яковлев, в аппарате которого на правах народных комиссаров работали тогда его товарищ по партии Янсон, левый эсер Лазо (в июне 1918 года он примкнул к коммунистам) и представитель объединенцев Виленский.

Чисто номинально власть Центросибири распространялась на всю территорию Сибири и Дальнего Востока, включая Приамурье. Однако фактически дело обстояло несколько иначе. В Хабаровске существовал Дальневосточный крайсовнарком, называвшийся сокращенно Дальсовнаркомом.

Возглавлял его Краснощеков. У него имелись свои собственные взгляды на то, как должна была функционировать Советская власть в Сибири. Он, в частности, заявлял, что иркутский ЦИК представляет собой бесполезное и даже вредное “искусственное нагромождение”. Этот орган, утверждал Краснощеков, “написал на своем знамени областничество и стремился подчинить себе все областные организации от Урала до Тихого океана и от их имени разговаривать с Москвой”. 24 мая 1918 года Дальсовнарком принял решение, в котором признал существование общесибирских советских учреждений нецелесообразным:

Дальневосточный Совет Народных Комиссаров рассматривает Российскую Советскую Республику как единое целое, состоящее из целого ряда отдельных частей, автономных в области своих местных нужд и интересов. Всякие сепаратные тенденции к созданию крупных центральных единений Совнарком считает вредным для идеи цельности России. Касаясь Сибири, Дальсовнарком категорически высказывается против идеи областничества и выделения Сибири как отдельного целого и создания инстанции, стоящей между центром и местами. [169]

Иркутяне согласиться с этим не могли и в свою очередь не жалели выражений, клеймя “сепаратизм” Дальсовнаркома. В газете “Центросибирь” была, в частности, опубликована передовая, в которой разоблачались коварные замыслы хабаровчан:

Военный сепаратизм выражается, например, в том, что Дальневосточный совнарком не желает уделить части патронов нуждающемуся в патронах штабу Иркутского фронта... Дальневосточный совнарком не может отказаться от прежней сепаратной политики. Руководители этой организации до сих пор еще сводят мелкие счета с Центросибирью по вопросу о взаимоотношениях и до сих пор заявляют себя чем-то вроде автономного государства. [170]

Антагонизм общесибирского центра и периферии, отказывавшейся признавать этот центр и намеренной подчиняться непосредственно Москве, вскоре дошел до откровенных политических обвинений.

На конференции представителей Иркутска и Хабаровска, обсуждавшей неотложные проблемы сопротивления белочехам, обычно уравновешенный Яковлев вдруг побледнел и, схватившись за спинку стоявшего перед ним стула, крикнул на весь зал:

Теперь мне понятно, господин Краснощеков, чьи деньги звенят в вашем кармане! [171]

Член Центросибири В. Рябиков впоследствии так описывал сложившуюся тогда ситуацию:

На конференции создалось два полюса: принципиальный, честный большевик Яковлев и ловкий, беспринципный авантюрист Краснощеков. Насколько Яковлев болел сердцем за интересы пролетарской революции, за скорейшую победу над врагом, настолько Краснощеков был равнодушен к большим советским государственным проблемам, интересуясь лишь местными вопросами, связанными в той или иной степени с его личными интересами. [172]

Рябиков, опубликовавший свои воспоминания в 1955 году, добавляет к сказанному: “К сожалению, только позднее этот проходимец был разоблачен и понес должное возмездие”.

Автор не уточняет, что в 1937-1938 годах “были разоблачены и понесли должное возмездие” также и боровшиеся против Краснощекова коллеги Яковлева по Центросибири – П. Постышев, Я. Янсон, Б. Шумяцкий, А. Трилиссер и др.

Может быть, это прозвучит кощунственно, но самому Яковлеву все-таки повезло: ведь он (так же, как через два года после этого Лазо) погиб от рук классового врага и потому навсегда остался героем.

В апреле 1920 года Краснощеков стал премьером созданного в Верхнеудинске правительства буферной Дальневосточной Республики.

Она, согласно Обращения учредительного съезда от 6 апреля, простиралась “от Байкала до Тихого океана, включая области Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин, Камчатку и полосу отчуждения Китайской железной дороги”. Между тем, вхождение всех этих территорий (за исключением Забайкальской области) под юрисдикцию Временного правительства Приморья за три дня до этого было еще раз подтверждено Декларацией Приморской управы.

Возникал вопрос: каким же должен быть характер взаимоотношений между Верхнеудинском и Владивостоком?

Краснощеков возглавил правительство, откровенно претендовавшее на функцию инстанции между Москвой, которой ДВР фактически подчинялась, с одной стороны, и всеми областями Сибири и Дальнего Востока, с другой. Теперь он не только не считал существование подобной инстанции “вредным для идеи целостности России”, но, напротив, обрушивался на противников подчинения местных правительств верхнеудинскому. Воистину, как утверждали древние, “времена меняются, и мы меняемся вместе с ними”!

Но если советское Приморье не признавало в 1918 году верховенства большевистской Центросибири, то теперь отдельные области Дальнего Востока и подавно не спешили заявлять о признании Забайкальской ДВР. План создания Дальневосточной Республики как единого и единственного в Сибири буферного государства, несмотря на свою заманчивость был до поры до времени трудно осуществим. Ведь на территории, объединить которую взялись верхнеудинские большевики, существовало в это время по меньшей мере четыре самостоятельных правительства, представлявших весь спектр цветов от красного до белого – со-

ветское в Приамурье, номинально демократическое в Прибайкалье, фактически коалиционно-демократическое в Приморье и бело-гвардейское в Забайкалье.

Шел май 1920 года. Согласительная комиссия Временного правительства Приморья во главе с М. Поповым во Владивостоке и делегация ДВР под предводительством Ф. Петрова в Гонготе одновременно вели переговоры с представителями японского военного командования. Краснощеков считал, что “образование двух Дальневосточных республик, ведение особых переговоров... превращает переговоры в бессмысленно недостойную игру на руку Японии”. По его мнению, главное заключалось в том, чтобы “произвести перед союзниками демонстрацию всех областей полного подчинения единому центру”, то есть ДВР.

Соперничество ДВР и Приморской управы – “двух Дальневосточных республик” – началось с выяснения вопроса о том, кому должно подчиняться русское население зоны отчуждения КВЖД, то есть полосы, проходившей по территории Китая вдоль Китайско-Восточной железной дороги с центром в Харбине.

Вскоре после прихода к власти во Владивостоке Приморской управы, в феврале 1920 года в Харбине был создан орган, получивший название Объединенной конференции профессиональных союзов, политических партий и народных организаций в зоне КВЖД. 12 марта была опубликована декларация Объединенной конференции, в которой объявлялось о признании юрисдикции Приморской управы как созданного волей народа правительства. Вслед за этим в Харбине вспыхнула забастовка русских рабочих и служащих Китайско-Восточной железной дороги, проходившая под лозунгом: “Вся власть над русским населением в полосе отчуждения КВЖД – Дальневосточному Временному правительству во Владивостоке!” Приморская управа послала в Харбин своего представителя Н. Пумпянского.

Находившийся тогда в Харбине китайский генерал Чжан Сылинь доносил в Пекин, что тамошний русский консул изменил свою первоначальное негативное отношение к Приморскому правительству и фактически признал его прерогативы. Консул заявил, что всю свою деятельность, связанную с защитой интересов русских подданных в зоне отчуждения КВЖД, он будет осуществлять по согласованию с Владивостоком. Пумпянский въехал в офис, предоставленный ему на территории консульства, которое, по словам Чжан Сылиня, отныне было фактически в его под-

чинении. Даже продолжавший оставаться в Пекине дореволюционный посол России князь Кудашев и тот, адресуя свои указания харбинскому консулу, предлагал ему действовать в контакте с Пумпянским.

Буквально накануне военного переворота во Владивостоке глава земской управы Медведев встречался с Высоким комиссаром КР Ли Цзяо и подробно обсуждал с ним всю совокупность спорных проблем, связанных с Китайско-Восточной железной дорогой. Казалось бы, вопрос о том, кому подчиняется русское население зоны отчуждения КВЖД, был решен.

Между прочим, декларируя в апреле свои права на русские земли к востоку от Байкала и упоминая среди них зону отчуждения КВЖД, верхнеудинские руководители говорили не о русском населении этого района, а о зоне отчуждения как таковой. Это прозвучало открытым вызовом китайскому правительству: заявление ДВР было расценено в Китае как покушение на его суверенитет. Не случайно через десять дней после обнародования этой декларации Наркоминдел РСФСР вынужден был одернуть свою креатуру и указать на неприемлемость такой формулировки. Однако спустя почти полгода после этого в очередной правительственной декларации ДВР вновь говорилось:

Вся территория ДВР от озера Байкал до Великого океана, включая Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, Сахалин, Камчатку и территорию вдоль Китайско-Восточной железной дороги, объявляется независимой единой страной. [173]

Настроив тем самым против себя пекинское правительство, Верхнеудинск практически ничего не предпринял для решения конкретных вопросов русского населения на КВЖД. Он ограничился лишь следующим чисто голословным утверждением, включенным в конституцию ДВР: гражданами этого государства объявлялись все россияне, проживающие в полосе отчуждения, в течение 6 месяцев не заявившие о состоянии их в подданстве какого-либо другого государства.

Проще обстояло дело с советским Приамурьем. Здесь уже в июне 1920 года было принято решение о признании верховной власти Дальневосточной Республики. Замечу попутно, что и в этом документе “территория вдоль КВЖД” также упоминалась в качестве составной части ДВР, хотя говорить от имени русского населения этого района и тем более декларировать суверенитет Верхнеудинска над частью китайской территории благовеценские большевики уполномочены не были; это их заявление

также, разумеется, не прошло в Пекине незамеченным и явилось еще одним препятствием на пути урегулирования государственных отношений между Китаем и Россией.

Что касается “читинской пробки” – белого семеновского правительства Забайкалья, то Владивосток и Верхнеудинск занимали в этом вопросе различные позиции. Объявив о создании ДВР, ее руководители приняли скороспелое решение с хода покончить с Семеновым, направив на Читу свои войска. Между тем член Реввоенсовета Забайкальской армии доносил в Бибиревском: “Армия не имеет ни обмундирования, ни припасов, ни патрон, ни снаряжения; ничтожное количество пулеметов и оружия”. Авантюра с ликвидацией “пробки” провалилась.

В отличие от ДВР, решившей “с Семеновым переговоров не вести и японцам категорически заявить, что ни при каких условиях Семенов признан не будет”, Приморская управа заняла в этом смысле более гибкую позицию. Исходя из первоначальной идеи буфера как средства избежать прямого вооруженного конфликта с Японией, Владивосток попытался решить проблему “пробки” не военной силой, а путем переговоров. В июле Приморская управа решила созвать во Владивостоке объединительную конференцию, пригласив на нее представителей всех областей Сибири и Дальнего Востока, включая и правительство Семенова. Была достигнута договоренность о проведении предварительных переговоров Читы и Владивостока.

Эта встреча состоялась 3 августа. В ней помимо представителей управы принимали участие семеновский премьер-министр Таскин и министр иностранных дел Хрещатицкий. Через три недели после этого владивостокская делегация отправилась в Читу, где подписала соглашение об объединении Приморской и Забайкальской областей. Но тут в дело вмешалось Дальбюро ЦК РКП(б), призвавшее население Дальнего Востока бойкотировать правительство Семенова.

Тем временем в Пекине находилась делегация ДВР во главе с И. Дзевалтовским-Юриным (секретарем миссии был М.И. Казанин). Открытие переговоров с представителями Верхнеудинска китайский МИД обусловил предварительным представлением документов, удостоверяющих распространение власти ДВР на всю территорию Сибири к востоку от Байкала. Верхнеудинск усилил нажим на своих соратников-соперников.

В октябре после эвакуации японских войск из Забайкалья семеновское правительство пало. В Чите открылась конференция

представителей всех местных правительств, принявших резолюцию о признании главенства Верхнеудинска.

Основываясь на этом решении президент Временного правительства Приморья Медведев и премьер-министр Бенасик по слали 1 ноября в Пекин официальное письмо с уведомлением о том, что миссия Юрина представляет интересы всех областей Сибири и Дальнего Востока, включая Приморье. Представитель земской управы Агарев (он находился в Пекине и вел переговоры с китайским МИДом) стал заместителем Юрина.

Но для официальной ратификации решений читинской конференции требовалось согласие владивостокского Народного собрания. Начало декабря прошло в дебатах по этому вопросу. Японцы в данной ситуации встали в позу защитников независимости Владивостока, и Мацудайра заявил, что “объединение Дальнего Востока или, другими словами, образование правительства буфера при игнорировании Владивостока и Японии не может иметь место”. Японцы дали понять, что подчинение Приморья власти ДВР неизбежно приведет к новому вооруженному конфликту.

Руководство красного буфера не придавало значения этой декларации. Под давлением большевиков Народное собрание Приморья приняло 9 декабря решение признать власть Дальневосточной Республики. Областная земская управа сложила с себя полномочия Временного правительства и превратилась в областное управление, которое возглавил коммунист В. Антонов. Цель объединения Дальнего Востока была достигнута.

Но добившись ее, ДВР оказалась не в состоянии воспрепятствовать реализации японцами их угрозы. В мае 1921 года в Приморье произошел подготовленный японцами очередной переворот. В результате областное управление было свергнуто, а к власти пришло правительство во главе с братьями Меркуловыми.

Руководители областной администрации (в том числе Антонов, Попов и его непосредственный начальник Масленников) были арестованы и брошены в тюрьму.

Трудно сказать, как могла бы в той обстановке сложиться их судьба, но тут жест доброй воли решили сделать японцы, настоявшие на освобождении арестованных. Все они были вывезены из Владивостока в Харбин, а затем отправлены в ДВР. “Вместе с Антоновым и Масленниковым, – вспоминал впоследствии П. Никифоров, – в Читу выехали член Приморского обкома А. Воронин, председатель городского самоуправления Б. Косминский, председатель русско-японской согласительной комиссии М. Попов”. [174]

Последняя дипломатическая должность

Как уже упоминалось, начиная с лета 1920 года Дальневосточная Республика вела переговоры в Пекине. Во главе делегации ДВР стоял И. Дзевалтовский-Юрин, секретарем миссии был М. Казанин. Переговоры шли с большим трудом, и в мае 1921 года Дзевалтовский был отозван в Читу, где получил назначение на пост министра иностранных дел республики. На его плечи легла нелегкая работа по реорганизации МИД ДВР.

Здесь уместно напомнить, что большевистское правительство в разное время занимало отнюдь не всегда единообразную позицию в вопросе о том, является ли внешняя политика и сношения с иностранными державами его исключительной привилегией.

1918 год. Сибирь – советская. Наркоминдел рассылает на места свою инструкцию о международных отделах краевых советов:

Мы от всей души приветствуем возникновение таких отделов. Они в тесной связи с нами и под руководством центральных органов могли бы не только исполнять международных сношений с пограничными властями, но и облегчить работу центра по осведомлению о нуждах российских граждан за границей и даже принять участие в формировании кадра опытных консульских агентов. [175]

Однако как только зашла речь о “самостоятельности” Сибири и о создании при Сибирском ЦИК наркомата внешних сношений, Ленин немедленно пресек подобные поползновения. В телеграмме, уже цитированной выше, он запрещает создание органа, нарушающего монополию внешней политики центра. Лишь в 1919 году, накануне полного разгрома, Центросибирь решила игнорировать указание центра и создала, в значительной мере номинально, НКИД во главе с В. Виленским. Свои воззвания к странам Антанты, которые ввели на территорию Сибири свои войска, Виленский подписывал в качестве наркоминдела.

Иначе с самого начала обстояло дело с внешнеполитическим ведомством буфера – ДРВ. Решение о создании министерства Дальневосточной Республики было принято вскоре после ее провозглашения в апреле 1920 года.

16 апреля 1920 г. Карахан требовал от Дальбюро скорейшего создания Министерства и назначения министра иностранных дел. В спешке было не до поисков профессионала. Первым министром иностранных дел ДВР стал премьер Краснощеков.

Но он вскоре серьезно заболел и был смнен на этой должности Б. Шумяцким. Тот между прочим сообщал в Наркоминдел,

что “принял от Краснощекова только двух работников – секретаря и завхоза”.

Постепенно вновь организованный МИД стал обрастать необходимыми штатами, и в августе того же года в нем уже работало пять специалистов, владевших всеми основными европейскими языками, а также два китаиста и один японоведа.

В феврале 1921 года в министерстве был организован специальный китайский подотдел. Его создание было связано со значительным объемом работы, имевшей отношение к Китаю: и дипломатические, и торговые контакты ДВР с ее восточным соседом быстро расширялись. Одно за другим создавались представительства ДВР в ряде городов Китая.

В этой ситуации только что назначенный министром Дзевалтовский принял решение о преобразовании с 1 июня 1921 года китайского подотдела в Отдел по делам Китая. Для этого были остро необходимы опытные кадры. И когда в июне в Чите появился М.Г. Попов, он получил от Дзевалтовского приглашение возглавить китайский отдел.

Михаил Георгиевич принялся за налаживание деятельности нового подразделения министерства. Однако когда Дзевалтовский, остававшийся в должности министра, в июле возвратился в Пекин, в его отсутствие правительство приняло решение о сокращении штатов МИД.

Китайский отдел вновь превратился в подотдел, хотя в сферу его компетенции теперь помимо Китая входила и Япония. В официальном отчете о работе министерства в 1921 году говорилось, что “фактически работают только два подотдела: европейско-американский и китайский; специально японского подотдела не было, а дела, имеющие отношение к Японии, исполнялись заведующим китайским подотделом”. [176]

Линия поведения читинского МИДа в конечном счете определялась Наркоминделом и потому оба учреждения поддерживали между собой постоянную связь. Чичерин нередко запрашивал мнение министра иностранных дел ДВР или просил представить ему информацию по тому или иному вопросу.

Как раз в то время, когда М.Г. Попов возглавил китайский отдел министерства иностранных дел, на стол к Чичерину попали предложения об использовании в качестве движущей силы китайской революции... хунхузов. Данная тема была сформулирована не впервые. Еще в 1920 году Ан Ненхак (его имя уже упоминалось выше в связи с “левацкими” тенденциями в китайской рево-

люционной среде) представил II-му конгрессу Коминтерна доклад, в котором хунхузы, эмигранты и батраки рассматривались как три наиболее “активно-революционные силы” Китая. Особое внимание товарищ Ан уделил тогда именно хунхузам.

Он утверждал, что их “организация, возникшая в Китае уже 1000 лет тому назад, оклеветанная и представленная капиталистами просто в виде разбойников, представляет на самом деле политическую партию, тождественную по своей программе партии русских коммунистов”. Поставив таким образом большевиков на одну доску с хунхузами, Ан Ненхак продолжал:

Если бы хунхузов из бессознательных коммунистов, какими они уже давно являются, сделать сознательными и образовать прочное ядро китайской армии, сделать обмундирование, пищу и одежду в ней лучше, то такой передовой отряд Китайской Красной Армии очень скоро справился бы с китайской правительственной армией. [177]

К хунхузской теме пришлось вернуться летом 1921 года, когда в Москву на III-й конгресс Коминтерна прибыла делегация только что созданной Коммунистической партии Китая. “Конечно, приятнее иметь отряды нами организованные, – говорил тогда известный китайский коммунист Чжан Тайлэй, – но не имея возможности сделать это сейчас, нам приходится обратить внимание на хунхузские шайки – пусть еще сырой, но боевой революционный материал”. [178]

И наконец, в августе того же года из Шанхая прибыл некто Киселев, который привез с собой обращение группы хунхузов к Советскому правительству. Они предлагали большевикам сотрудничество с тем, чтобы совместными усилиями занять Маньчжурию и создать там базу социальной революции на Востоке. В своей сопроводительной записке Киселев утверждал, что предложение это заслуживает внимания. Рабочее движение в Китае находится в состоянии эмбрионального развития, революционной активности масс пока ожидать не приходится – в этих условиях грех игнорировать стремление хунхузских лидеров идти на контакт с Советской Россией.

Чичерин решил запросить дополнительную информацию по данному вопросу и распорядился обратиться к специалистам – к пекинскому профессору Иванову и “равным образом прекрасно знающему Китай тов. Попову”. [179] Здесь необходимо пояснить, кто был первым из двух перечисленных деятелей.

Когда Казанин приехал в 1920 году в Пекин, с ним познакомился “худой, болезненный человек лет тридцати пяти с красивым лбом и глубоко запавшими глазами” – Алексей Алексеевич Иванов. В молодости он принимал участие в революционной деятель-

ности, был арестован, затем уехал в Париж. Там Иванов учился в Институте восточных языков у профессора Шаванна, а после февраля 1917 года вернулся в Россию и был назначен переводчиком в российское посольство в Пекине. Спустя примерно год после этого он был уволен со службы за просоветские настроения, но, свободно владея французским и китайским языками, устроился в редакцию либеральной газеты “Журналь де Пекин”, а одновременно стал преподавать в Пекинском университете.

Казанин рассказывает, что однажды вечером Иванов (или Ивин – он был больше известен под этим псевдонимом) пришел в гости и стал о чем-то рассказывать, потом остановился и сказал: – Черт побери, не могу больше, жажда!

Казанин спросил его, не дать ли ему воды. Лоб Ивина сморщился, он что-то с усилием припоминал.

– Воды, вы говорите? Воды, воды... Да, я как будто слышал, что есть такая жидкость, употребляемая для стирки белья. Нет, я имею в виду что-нибудь, что можно пить... [180]

Так вот к этому пекинскому профессору, большому знатоку всего, что касалось Китая, и распорядился обратиться по поводу хунхузов Чичерин.

Что же до “тов. Попова”, то он имел отношение к этому боевому революционному материалу еще с 1904 года. В то время, будучи младшим офицером 13-го Восточно-Сибирского полка, он был откомандирован в экспедицию против хунхузов, одним из главарей которых был тогда будущий хозяин Маньчжурии генерал Чжан Цзолинь. Мнение Михаила Георгиевича о возможностях сотрудничества с “бессознательными коммунистами” было сугубо отрицательным.

Но это было, кажется, последнее задание, которое Попов по поручению НКВД выполнил на должности заведующего Китайским отделом МИД ДВР. В общей сложности он пробыл в Чите совсем недолго, всего лишь полтора месяца. Из Москвы пришло подтверждение вызова в центр, в Академию РККА.

Сразу же по приезде в столицу, где Михаил Георгиевич отсутствовал ровным счетом три года, он отправился в НКВД, где имел длительную беседу с Чичериным. Нарком прислушался к суждению человека, которого он считал одним из лучших специалистов по Китаю, и план сотрудничества с хунхузами был отвергнут.

А Попов тем временем явился с рапортом к начальнику Военной Академии. После проверки его личного дела он был зачислен на Восточный факультет преподавателем японского языка и экономики Японии.

Часть шестая

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Профессия – преподаватель

Снова в военной форме

Решение о создании регулярной Красной Армии, принятое большевистским руководством в феврале 1918 года, естественно поставило вопрос не только о привлечении в ее ряды военных специалистов, но и о подготовке новых командных кадров. В связи с этим уместно вспомнить, что первым главным комиссаром военно-учебных заведений, непосредственно отвечавшим за налаживание всего этого дела, был уже хорошо знакомый читателю И. Дзевалтовский (Юрин). Он прежде всего взялся за реформирование старой Академии Генерального штаба.

Вскоре немецкое наступление на Петроград заставило Совнарком эвакуировать Академию в Екатеринбург. Там и был произведен первый набор ее слушателей, среди которых оказались не только кадровые офицеры, но даже лица, имевшие образование в объеме городского четырехклассного училища и помимо этого направление от организации, “стоящей на платформе Советской власти”.

Однако летом 1918 года началась гражданская война, Екатеринбург пал, а Академия, вывезенная в Казань, отказалась принимать участие в обороне города и в полном составе перешла на сторону белых. Возникла настоятельная необходимость создавать совершенно новое высшее военное учебное заведение; задача эта была решена лишь к концу 1918-го.

К 1921 году Академия РККА накопила уже значительный опыт. Она действительно превратилась в главный центр подготовки высокообразованных командиров для Красной Армии. К тому времени было открыто Восточное отделение, позднее

преобразованное в факультет. Преподавать там и был приглашен М.Г. Попов.

Возвратившись в Москву, он снова стал человеком военным и надел форму. Но в то же время начался совершенно новый этап его жизни – он вступил на стезю преподавателя, к которой ранее практически не имел отношения. Правда, после окончания института во Владивостоке мой дядя некоторое время заведовал краткосрочными востоковедными курсами, но опыта преподавания языков у него не было.

На первых порах не все получалось. Может быть, был он слишком строг к своим великовозрастным ученикам или причина заключалась в чем-то другом, но в один прекрасный день разразился конфликт. Слушатели 2-го курса заявили, что преподаватель Попов их не устраивает, и потребовали заменить его. Начальник Восточного отделения подал рапорт комиссару Академии, заметив, впрочем, что предшествующий выпуск дал Попову противоположную аттестацию как лучшему и наиболее активному преподавателю. В конце концов, комиссар наложил резолюцию: “Довести до сведения слушателей, что Попов является основным преподавателем японского языка и таковым остается”. [181]

Зная по собственному опыту, что для изучающих восточный язык очень важно иметь помимо всего прочего также и преподавателя – носителя языка, Михаил Георгиевич поставил перед начальством вопрос о подыскании такового среди проживавших в Москве японцев. Но дело это оказалось не из легких. Вуз был особый, военный. Да и подходящих для данного случая кандидатур было немного. Предложение привлечь к преподаванию жену знакомого японского журналиста поддержки не получило. В конце концов в помощь Попову, которому приходилось вести все без исключения часы японского языка, нашли русского ассистента. На том конфликт, кажется, и был исчерпан...

Илья Михайлович сердится

В 1955 году, еще до поездки в Китай, я после окончания вуза был принят на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР. По рекомендации профессора А.П. Рогачева меня взял в свою группу известный китаист И.М. Ошанин. Ему нужны бы-

ли молодые специалисты для работы по составлению Большого китайско-русского словаря.

Замысел создания такого словаря, который включал бы в себя лексику как современного, так и древнего языка, созрел у академика В.М. Алексеева давно, еще до войны. Тогда уже стала формироваться его картотека, но затем в работе по объективным причинам наступил перерыв.

И вот во второй половине 50-х годов Илья Михайлович, после кампании критики Марра (идеи которого он разделял) практически отошедший от исследований в области теоретического языкознания, возглавил это дело.

Для нас, только что окончивших институт юнцов, это было трудное испытание. Мы старались, как могли, просматривали груды старых справочных изданий и составляли заново карточки, которые должны были потом превратиться в словарные статьи. Потом приходил Илья Михайлович, проверял подготовленный нами материал, вносил исправления и давал нам после этого очередное задание. Часто мы своими ошибками и неточностями доставляли ему огорчения. Когда кто-нибудь допускал уж слишком серьезный огрех, наш мэтр откладывал кипу карточек в сторону и начинал объяснять суть казуса, вызванного недостаточным проникновением в тонкости китайской лексики.

Однажды утром, явившись в Институт чем-то раздраженным, он попросту устроил нам головомойку. Долго и скрупулезно разбирая допущенные нами ошибки, он в конце концов всерьез разгорячился.

Он стал говорить о том, что так дело дальше не пойдет и что судьба словаря представляется ему теперь совершенно неопределенной. Мы молча выслушивали в общем вполне справедливую критику. Но потом кто-то из нас (сейчас уже не вспомню, кто именно), не выдержал и начал вставлять реплики, вроде: “Вот Вы все нас ругаете, а на старых карточках тоже ведь полно ошибок!..”

Это уже окончательно вывело Илью Михайловича из себя, и он перешел к вопросу о том, что было в его время, как студенты относились тогда к учебе и что не видит он сейчас у своих учеников такой же жажды знания, как это бывало в его студенческие годы. И вот тут-то он и упомянул о том, что его учитель, Михаил Георгиевич Попов, требовал от студентов...

Значит, Илья Михайлович был учеником моего дяди? Или я ослышался?..

Нет, ошибки никакой не было: И.М. Ошанин учился в свое время в Институте востоковедения, где китайский язык преподавал тогда профессор М.Г. Попов.

Сегодня я очень жалею о том, что в тот день из ложной скромности не сказал Илье Михайловичу, что я – племянник его учителя, и не расспросил о нем поподробнее. Вскоре я уехал в Китай, а когда через несколько лет вернулся в Москву, с Ильей Михайловичем мне больше встречаться не довелось.

Но как бы то ни было, из его уст я доподлинно узнал, что мой дядя в начале 20-х годов не только преподавал в Московском Институте востоковедения, но был фактическим основателем кафедры китайского языка в этом институте.

Оказывается, когда Михаил Георгиевич начинал свою преподавательскую деятельность в Военной Академии, ее ректором был известный военный деятель и востоковед А.Е. Снесарев, который вскоре был назначен директором Института востоковедения.

Я уже упоминал о том, что до революции в России существовало два главных центра китаеведения – в Петербурге и Владивостоке. Когда столица РСФСР была перенесена в Москву, встала задача организации там нового востоковедного учреждения. Создание Центрального института живых восточных языков как видно не решало эту задачу в полной мере. Поэтому этот вуз и был преобразован осенью 1921 года в Институт востоковедения.

Идея Снесарева заключалась в том, чтобы произвести кардинальную реформу в преподавании знаний о Востоке. Он писал в те годы:

Сравнительно узкая прежняя платформа “изучения языков” заменена более широкой – платформой “востоковедения”. В последнее понятие несомненно должны войти, кроме языка, как неизбежного слагаемого, также страна и народ, как видные объекты изучения.

Такую расширительную и, добавим, углубленную постановку основной программы нельзя не признать вполне целесообразной и разумной. Привить знание языка страны, хотя бы и знание совершенное, – это далеко еще не значит вооружить работника на Востоке полным оружием для всяческих теоретических и практических достижений.

Обосновывая свою концепцию, Снесарев отмечал:

Практическое изучение Востока – это простой, непосредственный подход к народу, стране, языку.

Вы берете народ, каким вы застаете его в данный момент исторической жизни со всеми его обычаями, верованиями, легендами, быто-

вой жизнью, т.е. во всей его серой, неприглядной, порой и удачливой манере жить, радоваться или прозябать.

Вы изучаете тот его язык, на котором он в данное время говорит, – язык, может быть мимолетный (как в Вахане), часто нескладный и неправильный, может быть извращение какого-то другого языка или нелепую смесь двух-трех разных языков и наречий.

Вы берете его религию, какую этот народ блюдет, часто совсем не похожую на книжное ее изложение, переполненную перепевами и прослойками старых верований, полную местных суеверий, текущего творчества, с циклом богов, о которых духовные руководители народа часто и представления не имеют (например, в деталях Гиндуизма), и т.д.

Практическое изучение – это подход к народу и стране вплотную.

Такой подход к изучению Востока предполагал применение иных методов и приемов, среди которых важное место занимало пребывание в самой изучаемой стране:

Достигнуть, хотя бы приблизительно, совершенства в области практических знаний страны и народа, не живя среди них, совершенно невозможно: отвыкает слух от правильного выговора и быстрого схватывания речи, улетают мимо, и часто бесповоротно, общественные и бытовые конъюнктуры, не отмеченные нашим вниманием.

А.Е. Снесарев отдавал себе отчет в том, что предлагавшаяся им реформа потребует преодоления ряда серьезных трудностей, среди которых не последнее место занимал дефицит преподавательских кадров:

Эта семья всегда была невелика, а теперь она разрежена еще более и рассеяна по всему белому свету. Если еще можно сказать, что мы располагаем достаточным контингентом представителей практического языкознания, то представители практического народознания или страноведения совсем у нас редки. [182]

Я думаю, что А.Е. Снесарев потому привлек к преподаванию в Институте востоковедения М.Г. Попова, с которым он близко познакомился в Академии РККА, что увидел в нем сиолога, принадлежавшего именно к этому типу востоковедов.

Михаил Георгиевич не только хорошо знал современный китайский язык; неоднократные поездки в Китай позволили ему близко познакомиться с образом жизни китайцев, о чем из книг узнать было невозможно. К тому же, он специально изучал особенности духовной культуры и религий Китая, о чем писал позднее:

Еще будучи студентом Восточного института, я увлекался учением Дао – китайского философа Лао-цзы. Впоследствии временами я

прерывал изучение этой философии, изучая буддизм во всех его проявлениях (индийский, китайский, японский и ламаизм). [183]

Снесарев особенно сблизился с Поповым после того, как однажды 29 ноября, в день святого Георгия, тот подошел в Институте к директору и поздравил его с праздником (оба были Георгиевскими кавалерами). Этот незначительный, но необычный по тем временам жест был по достоинству оценен.

Снесарев обнаружил:

Передо мной был человек упорных переживаний – как в прошлом, так и в настоящем. [184]

Импонировало военному-профессионалу так же о то, что “Попов замкнут, политически недоверчив и разборчив в людях, не склонен допускать к себе первого попавшегося человека”. [185]

Директор и профессор, которых объединяло и их боевое прошлое и востоковедение, вскоре подружились.

Маньчжурия – узел противоречий

Многое в преподавательской и научной деятельности Михаила Георгиевича определялось тем, что являясь одновременно и китаистом и японоведом, он подходил к оценке явлений социальной жизни стран Дальнего Востока в широкой сопоставительной перспективе и, не ограничиваясь представлениями о сегодняшнем состоянии вещей, пытался ответить на вопрос об возможных путях их развития в будущем. Эти проблемы представляли отнюдь не только чисто академический интерес. Китай и Япония были ближайшими восточными соседями СССР; политические и экономические интересы трех стран на Дальнем Востоке теснейшим образом перекрещивались.

Профессор Попов внимательно изучал динамику экономического развития Японии, ее экспансии в регионе и в особенности то место, которое советское Приморье занимало в стратегических планах японцев. Он писал:

Кривая поступательного движения японского капитала прошла через Корею, Маньчжурию и охватывает наше Приморье. Отсюда – прямая угроза суверенитету Приморья. Там ныне культивируется рис – в районе озера Ханка, на девственных почвах, с крупным урожаем. По моим подсчетам на основании японских источников, наше Приморье может дать половину среднего урожая риса в Японии.

Следовательно, Япония сможет разрешить свою рисовую проблему у нас на материке. Помимо того, малая плотность населения Приморья (2 чел. на 1 кв. км.) даст возможность Японии разрешить и вопрос аграрного перенаселения. Угроза Приморью, вследствие его притягательности для японцев, очевидна.

Не только анализ соотношения интересов трех стран привлекали внимание М.Г. Попова; он интересовался и совершенно конкретными фактами, имевшими отношение к оценке перспектив развития экономики Японии. Среди них, например, был такой, казалось бы, чисто технический вопрос как практиковавшееся японцами применение пульверизированного угля. Он писал по этому поводу:

Пульверизация угля у нас в СССР только что вводится, тогда как эта пульверизация уже широко практикуется в японских колониях. В частности, Япония великолепно организовала это дело на фушуньских угольных коях: утилизация угольной пыли – питание электростанции Фушуня. На Формозе японцы пульверизируют килунский уголь и отапливают им паровозы системы Lopolko. Паровоз этой системы характерен для железнодорожной сети Формозы. Но я никогда не видел его в жизни, и меня интересовало устройство паровозов этой системы. Если питание угольной пылью в Фушуне, как мне известно, не представляет трудностей, то питание угольной пылью паровоза для меня было загадкой.

Михаил Георгиевич внимательно следил за развитием противоречий тихоокеанских держав на Дальнем Востоке, в том числе между Японией и США. В те годы эта тема привлекала внимание многих советских аналитиков. Большинство из них высказывало предположение, что резкое обострение американо-японских противоречий, обусловленное борьбой за сферы экономического влияния, приведет в будущем к войне Японии и США.

Попов высказывал иную точку зрения:

В ближайшем будущем возможна не японо-американская война, как у нас широко распространено это мнение, а вторая русско-японская. [186]

Этот свой вывод он основывал на наблюдениях за возрастающей политической и военной активностью Японии на территории Маньчжурии, приведшей вскоре к созданию там марионеточного государства Маньчжоу-го, а также усиливающимся экономическим проникновением в этот район. “В этом меня убеждает железнодорожное строительство японцев в Маньчжурии, на что мы обращаем мало внимания”, – отмечал он.

Именно Маньчжурию М.Г. Попов рассматривал как средоточие сложного узла международных противоречий в тихоокеан-

ском регионе и возможный плацдарм военной агрессии Японии в направлении советского Дальнего Востока. Он писал:

Вопрос этот чрезвычайной важности, так как с падением Приморья от нас отойдет и Сахалин – резерв нефти для Японии, при ее малых депозитах, и Камчатка – источник наших рыбных богатств. Отсюда – мой громаднейший интерес ко всем экономическим мероприятиям нашего Дальневосточного края. Над этим вопросом я усиленно работаю и говорю публично о грозящих нам со стороны Японии опасностях. [187]

В то же время М.Г. Попов, основываясь на своем знании ситуации, утверждал:

Я рассматриваю Маньчжурию как уязвимое место японцев в случае, если Маньчжурия станет театром военных действий. [188]

Эти слова были сказаны за полтора десятилетия до того времени, когда вступивший в войну Советский Союз именно в Маньчжурии нанес решающий удар по японской армии.

Исследования Попова, имевшие важное прикладное значение, были причиной того, что связи его с Наркоматом по иностранным делам, установленные еще в 1918 году, не прерывались и в годы его преподавательской деятельности в Москве.

Когда Я. Янсон отправлялся в Японию в качестве торгового представителя СССР, он пригласил с собой Попова, которого хорошо знал по работе на Дальнем Востоке. Это назначение, впрочем, не состоялось, так как руководство Академии РККА не дало разрешения на увольнение основного преподавателя японской кафедры.

В 1923 году Попов получил от НКВД поручение быть цензором журналиста Отаке, специального корреспондента японской газеты “Осака-майнити”. С ним Михаил Георгиевич был знаком по Владивостоку – тогда Отаке представлял там ту же газету. В Москву он приехал с визитной карточкой профессора Спальвина, бывшего учителя Попова. Теперь Михаил Георгиевич был уполномочен регулярно знакомиться с корреспонденциями Отаке и визировать их от имени Наркоминдела.

Работа эта продолжалась и после отъезда Отаке из Москвы, когда его сменил журналист Курода.

В 1925 году морской атташе японского посольства в Москве Масаки обратился к профессору Попову с просьбой давать ему уроки русского языка. Поскольку на это требовалась санкция руководства, он обратился с рапортом к начальнику Академии, и тот разрешил вести эти занятия. Но продолжались они лишь до

Крым, 1926 г.

Второй справа – М.Г. Попов, четвертая – Анна Александровна; сидят Августа Александровна, Тانيا и Наташа; седьмой справа – В.А. Брандашвейлев, девятый – А.А. Савин.

1927 года, когда были введены новые правила и все преподаватели Академии должны были дать подписку о прекращении всяких контактов с иностранцами.

Обязанности преподавателя Академии РККА и Института востоковедения не ограничивались занятиями в аудитории. Почти каждый год студенты-китаисты ездили на практику на Дальний Восток, и профессор Попов, как правило, сопровождал их. Так он в эти годы съездил даже на Камчатку, где раньше бывать ему не доводилось.

А в 1929 году он был включен в состав советской делегации на Тихоокеанский конгресс, который должен был состояться в Киото.

Словом, работы было много, времени на отдых почти не оставалось. Изредка удавалось вырваться в отпуск, и тогда вся семья отправлялась либо на родину – в Астрахань, либо куда-нибудь на юг.

Тем временем подрастали его девочки: Наташе в 1929-м исполнилось двенадцать, Тانيا была на год старше. Михаил Георгиевич внимательно следил за их школьными успехами и уже задумывался над тем, какую жизненную стезю выберут они в буду-

цем. Ему хотелось, чтобы дочери пошли по его стопам и занялись востоковедением. Домашняя обстановка, казалось, способствовала этому: в их квартире многое напоминало и о Китае, и о Японии.

Однажды Наташа заболела и попала в больницу. Михаил Георгиевич каждый день заходил к ней после института, а один раз, когда не смог прийти сам, передал ей с мамой записку. Она каким-то чудом до сих пор сохранилась в бумагах Натальи Михайловны:

Наташа,
Спасибо, что ты написала мне и маме письмо. Письмо с мамой
уже прочитано. Но, мама написала тебе еще и письмо, которое ты
можешь сейчас увидеть. Когда я буду в Москве, ты можешь увидеть.
Хорошего тебе вечера! Не забывай маму, папу и бабушку.
Михаил Георгиевич

Последний автограф отца

Михаил Георгиевич очень не любил вечеринок, которые часто устраивала тетя Люся. Когда собирались гости, он вскоре уходил к себе в кабинет, где приходившая к ним моя сестра Наташа тихонько играла в углу со своей тезкой. Сам он садился за стол и что-то писал, наверное, готовился к очередной лекции.

Среди знакомых тети Люси были разные люди; многих Михаил Георгиевич знал лишь по имени и отчеству. Однажды она привела в дом молодого человека, который говорил ей комплименты и намекал, что в виду своего благородного происхождения испытывает к ней особое уважение.

С этим человеком тетя Нюра встретилась еще раз через несколько лет, но уже не в гостиной у рояля, а при совершенно иных обстоятельствах.

Уволен в долгосрочный отпуск

Обнаженный меч революции

Михаилу Георгиевичу Попову везло на встречи с известными историческими личностями, среди которых был последний российский самодержец Николай II, “злой гений русской революции” Троцкий, основатель Китайской Республики Сунь Ятсен...

Когда профессор Попов, направляясь на лекции в Институт востоковедения, шел пешком от остановки трамвая №17 в Златоустенский переулочок мимо здания ОГПУ на Лубянке, он не подозревал, что его жизненный путь вскоре пересечется с двумя другими небезызвестными деятелями, с которыми ему лучше было бы вообще никогда не встречаться.

Давно ли Ильич предрекал, что социалистическая революция разрушит бюрократический государственный аппарат, отменит армию и полицию? ЧК, призванная защитить революцию, стала самой мощной из всех существовавших в истории человечества органов тайной полиции. Она “не останавливалась перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять”, осуществляла на практике изобретенный вождем метод захвата заложников, “поощряла энергию и массовидность террора”.

Как совместить это с образом рыцаря революции, говоривавшего, что у настоящего чекиста холодная голова, горячее сердце и чистые руки? Ф. Дзержинский проявлял по отношению к действительным и мнимым врагам революции ту же меру жестокости, что и вождь мирового пролетариата. Врагов было немало; но еще больше было “щепок”, неизбежных, как утверждают, при рубке леса.

К концу 20-х годов ситуация изменилась. Подпольные антибольшевистские организации были давно разгромлены. Классо-

вый враг отступил. Но образ врага был насущно необходим для того, чтобы объяснить: почему вскоре после свертывания НЭПа волна экономических трудностей буквально захлестнула страну. Тогда-то и родилась теория обострения классовой борьбы по мере продвижения вперед по пути строительства социализма в одной отдельно взятой стране.

Но самой по себе идеи было недостаточно. Нужно было доказать ее научную неоспоримость. Трудная, но почетная задача представить решающие доказательства выпала на долю ОГПУ. Так уж получилось, что решать новые задачи пришлось новым людям.

После смерти Дзержинского эту организацию возглавил его прежний заместитель В. Менжинский, который с 1919 года был членом президиума ВЧК (в начале 20-х он одновременно находился на дипломатической работе и одно время был генеральным консулом в Берлине).

Этот человек внешне совсем не походил на жреца “массовидного террора”. Он был интеллигентом до мозга костей, проявлял интерес к проблемам физики, химии, математики и даже астрономии. Говорят, знал с юношеских лет двенадцать языков, к которым затем добавил еще четыре.

Дочь А. Иоффе вспоминала позднее, что Менжинский был несколько мрачный, неразговорчивый и необычайно вежливый – даже ей, девчонке, он говорил “Вы”. [189] По свидетельству сослуживцев, они также никак не могли привыкнуть к тому, что приказы председателя ОГПУ обычно начинались словами: “Я покорно прошу”.

Помимо всего прочего, Менжинский не отличался богатырским здоровьем и часто принимал посетителей, лежа у себя в кабинете на кушетке. “Впечатление, которое он произвел на меня, – писал Троцкий, – лучше всего описать одним словом – никакое. Он выглядел как тень кого-то другого, нереализовавшегося человека, или, точнее, как плохой набросок к незаконченному портрету”. [190]

Но судя по всему, Менжинский оказался во главе машины государственного подавления именно в силу этих своих отнюдь не воинственных качеств.

Он, надо полагать, идеально подходил Сталину, которому нужен был такой мягкий по натуре исполнитель, неспособный противопоставить новому вождю свою собственную точку зрения, даже если таковая у него и была.

Гораздо труднее охарактеризовать сегодня тогдашнего заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоду. Один из его подчиненных писал:

Если Менжинский не имел себе равных по широте образования, Ягода не имел себе равных по жестокости, бескультурью и грубости. [191]

У нас нет оснований полностью сбрасывать со счета это утверждение, однако оно плохо увязывается, скажем, со следующим свидетельством вдовы Бухарина А.М. Лариной:

Однажды в нашей квартире звучали торжественные аккорды бетховенской увертюры к “Эгмонту”. Играла жена Ягоды Ида, а Ягода, опершись локтем о пианино, приложив ладонь к лицу, казавшийся грустным и задумчивым, слушал музыку. [192]

Ларина полагает, что Ягода был личностью, пережившей душевную драму; он падал медленно, внутренне сопротивляясь.

Если это мнение верно, то падение Ягоды началось в конце 20-х, задолго до того, когда на его долю выпал жребий положить начало истреблению товарищей по партии. В конце двадцатых Менжинский и Ягода подготовили 1937 год: их руками Сталин осуществил тогда целую серию акций с целью показать, где следует искать козлов отпущения, виновных в бедственном положении советской экономики в посленэповский период.

“Охота на ведьм” началась в марте 1928 года. В газетах было напечатано сообщение о том, что в Донбассе раскрыта контрреволюционная организация, возглавлявшаяся инженерами-диверсантами, связанными с границей и продавшимися мировому капиталу за тридцать серебряников. “Шахтинское дело” завершилось грандиозным судебным процессом, на котором обвинение было предъявлено 50 российским и 3 немецким гражданам. 11 из них были приговорены к смертной казни. Сталин получил-таки в свои руки решающие доказательства.

Это было начало. Среди следующих актов мастерски разыгранной пьесы – так называемое “академическое дело” 1930 года: в ходе расследования несколько известных российских ученых во главе с академиком С. Платоновым сознались в том, что они были организаторами контрреволюционной монархической организации, ставившей своей целью свержение советской власти.

В сентябре того же 1930 года стало известно о существовании контрреволюционного общества, члены которого (48 ученых и агрономов во главе с профессором А. Рязанцевым) занимались вредительской деятельностью, срывая продовольственные по-

ставки. Судебного процесса не было; власти просто объявили, что все преступники расстреляны. Рабочие по всей стране на своих митингах “сердечно благодарили славное ОГПУ, обнаженный меч революции, за прекрасную работу по ликвидации этого грязного заговора”.

Следующей на очереди была подпольная Промышленная партия. Ее руководители сначала признались в совершенных ими преступлениях, а затем были расстреляны.

Это еще не были старые большевики – показания давали гнилые интеллигенты, профессора и “бывшие”. Но технология уже отработывалась впрок (потом, во второй половине 30-х она применялась с гарантией качества) – отработывалась усилиями Ягоды с молчаливого согласия Менжинского, который вскоре вообще перестал во что-либо вмешиваться. Лично ему повезло. В отличие от своего заместителя, он умер своей смертью, не пройдя через созданную им самим мясорубку.

Русский Национальный Союз?

22 декабря 1929 г. Ягода подписал ордер на арест Попова Михаила Георгиевича, русского, беспартийного.

Ночью 23-го его взяли дома после обыска. 24 декабря был составлен протокол первого допроса.

Предъявленные ему обвинения (в том, что в 1917 году он был военным атташе Временного правительства в Китае, затем белым офицером, начальником контрразведки в войсках казацкого атамана Калмыкова, участвовал в расстрелах большевиков) арестованный категорически отрицал. Он записал в протоколе:

Я прошу допросить следующих лиц, дабы установить свое alibi и тот факт, что я совсем не являюсь тем, за кого меня принимают.

Лица эти таковы:

1. Петр Михайлович Никифоров – бывший премьер Дальневосточного и Приморского правительства, ныне находится в Москве – бывший ректор Института востоковедения. В настоящее время член комиссии по чистке партии. Знает меня с момента моего прибытия на Дальний Восток в 1918 году по момент отбытия в Москву в 1921 г. Член ВКП(б).

2. Аркадий Антонович Краковецкий – также знает меня по Дальнему Востоку, ныне служит в ОГПУ. Член ВКП(б). Эти лица могут подтвердить, что я никогда и нигде не был начальником контрразведки и никогда не был белым офицером.

3. Масленников, член ВКП(б) – ныне служит в Москве в Главлесе, бывший управляющий административным отделом, у которого я был помощником.

4. Воронин, член ВКП(б) – ныне служит в Госбанке (в Москве), бывший председатель Дальбюро, также знает всю мою деятельность.

5. Петр Алексеевич Панфилов, член ВКП(б), также в Москве – автор труда “Революция на Дальнем Востоке”. Знает всю мою работу.

6. Берлацкий – член Правления Госбанка (в Москве).

В Москве имеется много дальневосточных работников (как, например, председатель Всесоюзной Торговой палаты), которые могли бы доказать всю неправдоподобность возводимых на меня обвинений. [193]

Фотография из следственного дела № 546836

Но с самого начала было ясно, что следователей, поочередно допрашивавших арестованного, вовсе не интересовало выяснение истины.

Ни один из указанных Поповым (даже его бывший непосредственный начальник Краковецкий, работавший тогда в том же ОГПУ) допрошен не был. Более того, первоначально выдвинутые обвинения очень скоро отошли на второй план, ибо они касались только личности самого Попова, тогда как главная цель следствия заключалась теперь в поисках доказательств его участия в создании некой контрреволюционной монархической организации.

Вскоре был арестован А.Е. Снесарев и еще в общей сложности более сорока человек, в том числе все без исключения обитатели квартиры №15 в доме №35 по Сивцеву Вражку.

Примерно через месяц после этого было подписано постановление о привлечении М.Г. Попова в качестве обвиняемого:

1930 года января 20 дня ст. уполномоченный 7 отд. КРО ОГПУ Кононович, рассмотрев следственный материал по делу №85569 нашел, что гр. Попов Михаил Георгиевич, быв. полковник, был одним из активнейших организаторов контрреволюционной организации, преследовавшей свержение сов. власти и установление в СССР консти-

туционной монархии. Кроме этого, Попов подготавливал совершение ряда террористических актов против представителей сов. власти и ВКП(б) и в течение ряда лет занимался шпионажем в пользу иностранных государств, поддерживая в этих целях связь с представителями иностранных посольств в Москве. Из вышеизложенного устанавливается, что гр. Попов Михаил Георгиевич достаточно изобличается в контрреволюционной, террористической и шпионской деятельности, а потому на основании 128 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса постановил:

названного Попова Михаила Георгиевича привлечь в качестве обвиняемого по 58/6, 58/8, 58/11 статьям Уголовного Кодекса, избрав мерою пресечения – содержание его под стражей и отстранив его со дня ареста от занимавшихся им должностей в Военной Академии и Институте востоковедения. [194]

Перед нами – отнюдь не уникальный, а, напротив, весьма типичный документ эпохи.

Из него явствует, что старший уполномоченный ОГПУ Кононович, “рассмотрев следственный материал по делу №85569, нашел...”. Но ведь к этому моменту в деле полностью отсутствовали какие бы то ни было данные, позволяющие говорить о существовании в СССР контрреволюционной монархической организации, одним из создателей которой якобы был М.Г. Попов.

Фраза “из вышеизложенного устанавливается, что гр. Попов Михаил Георгиевич достаточно изобличается...” ни в коей мере не могла быть обоснована имевшимся следственным материалом. Содержащееся в ней совершенно новое обвинение было сформулировано априори, задолго до того, как следователям удалось выбить из обвиняемых соответствующие признания. Что же касается каких-либо вещественных или иных доказательств вины Попова, то таковых в деле вообще не было ни до, ни после даты предъявления ему приведенного выше постановления.

Следствие продвигалось вперед по тому же сценарию, что и в “Академическом деле”; в высшей степени поучительным является поэтому их сопоставление – тем более, что по времени они практически совпадают друг с другом.

В деле академика Платонова также упоминается о “проведенном органами ОГПУ предварительном следствии”. Историки, опубликовавшие это дело, предполагают, что эти материалы, вероятно, были уничтожены; М. Рахматуллин, автор специального исследования на эту тему, допускает, что их, может быть, и вовсе не было. Сравнение двух следственных дел говорит в пользу второй точки зрения. Вывод о том, что “Платонов Сергей Федорович

достаточно изобличается...” также не вытекал из каких-либо предварительно полученных данных, а, напротив, содержал инструкцию относительно того, какого рода признания следователю надлежало получить.

И в том и в другом случае немедленно после предъявления постановления о привлечении имярек в качестве обвиняемых, начались интенсивные допросы.

Один из обвиняемых по “Академическому делу”, писал впоследствии:

Когда меня допрашивали, мне возвращали мои показания для замены одних слов другими – не в мою пользу. Мне указывали, в каком стиле и тоне я должен давать свои показания, ибо отказ, говорили мне, не в мою пользу. Мне читали показания Любавского, сообщали отдельные факты и заставляли вносить в мои показания. Меня заставляли признать себя участником организации, о которой я не имел ни какого понятия... [195]

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в показаниях 25/26 января Кононовичу и Гендину (допрос продолжался два дня подряд, и уставшие следователи поочередно сменяли друг друга) ответы Попова записаны его рукой. В них он полностью отрицает свою вину:

... *Вопрос:* Какие директивы давались Вами Савину Аполлону в направлении создания к. р. организации “Русского национального союза” и о программе этой организации?

Ответ: Никаких директив Савину об организации “Русского Союза” и программы я не давал. О существовании Союза я и не подозревал.

Вопрос: Что Вам приходилось слышать от Савина о его намерениях и подготовке совершения террористических актов против представителей Соввласти и ВКП(б) и какие с Вашей стороны были даны указания в этом направлении?

Ответ: Никогда не слышал, чтобы Савин намеревался или подготавливал совершение террористических актов против представителей Советской власти. Как я уже упомянул, террор чужд моему мировоззрению и давать указания для совершения террористических актов я никоим образом не мог. За свое десятилетнее пребывание в Красной Армии я добросовестно нес службу и за это время подготовил кадры ответственных работников на Дальнем Востоке. За время пребывания на Дальнем Востоке я активно боролся с контрреволюцией и интервенцией.

В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как ни в каких организациях не участвовал, террористическую борьбу не подготавливал, шпионской деятельностью не занимался.

Пройдет четыре месяца, и не сам обвиняемый, а следователь Кононович напишет в протоколе допроса:

Признаю себя виновным в том, что я был участником контрреволюционной организации, именованной “Русским национальным союзом” или иначе “Ренессансом”, преследовавшей свержение советского строя. Конечной целью организация РНС ставила восстановление в России монархического строя. [196]

Мучительно больно было увидеть под этими словами подпись “М. Попов”. Но она стоит там, на пожелтевшем от времени листе бумаги.

10 августа 1930 года Менжинский утвердил обвинительное заключение:

Попов Михаил Георгиевич, гр. СССР, род. в 1884 г., урож. г. Астрахани, женат, имеет 2-х детей 12-13 лет, из дворян, бывший белый офицер, полковник, бывший военный атташе (при Керенском) в Японии и Китае, бывший член Приморского белогвардейского правительства, член буржуазной партии народных социалистов (мельгуновской), в последнее время работал профессором – преподавателем японского языка в Военной Академии РККА и Институте востоковедения...

Подготовительная работа велась в расчете, с одной стороны, на совершение индивидуальных террористических актов над т.т. Сталиным, Бухариным, а в свое время над т. Дзержинским и др., а с другой – на совершение такого террористического акта, который повлек бы за собой уничтожение почти всего советского правительства, вождей и руководителей ВКП(б)...

Следствием не выяснена прямая связь на почве контрреволюционной деятельности “Русского национального союза” с иностранцами, но отдельные участники организации, как, например, Попов М.Г., Озеров И.Х. были связаны в течение ряда лет, на почве шпионажа в пользу иностранных государств, первый – с японской, а второй – с германской и эстонской миссиями в Москве...

Попов, по данным ОГПУ, характеризуется как занимающийся шпионажем в пользу Японии примерно с 1905 года, т.е. с того времени, когда он возвратился из японского плена, в который он попал во время русско-японской войны. Будучи пленен, он был завербован японской разведкой. [197]

13 августа 1930 года коллегия ОГПУ приговорила М.Г. Попова и еще 16 человек, проходивших по тому же делу, к высшей мере наказания – расстрелу.

Белый конус бытия

Феномен самоговора...

Пытаясь понять это явление советской действительности, исследователь “дела академика Платонова” писал, что можно удовлетвориться наиболее простым и трудно оспоримым объяснением – даже самых сильных и стойких ломали пытки и истязания. Для этого у нас, кажется, есть достаточные основания. Обвиняемый на одном из процессов конца 20-х годов дал много лет спустя показание о том, как уже тогда добывались признания:

Некоторые поддавались обещаниям о вознаграждении, другие, кто пытался сопротивляться, “делались разумными” после физических методов воздействия... Их били по лицу, голове, половым органам, бросали на пол, пинали ногами, душили до тех пор, пока кровь не переставала поступать к голове, и т.д. Их держали на конвейере, не давая заснуть, бросали в карцер, – полураздетых, босых, в холодную камеру или камеру без окон, где было невыносимо жарко и душно... Для некоторых устрашение такими методами с соответствующей демонстрацией было достаточным. [198]

Но это самое простое объяснение все же не дает ответа на все возникающие в связи с этим вопросы.

Можно предположить, что применение подобных способов устрашения было в состоянии быстро сломить академика, которому в то время было около семидесяти. Но по делу о “Русском национальном союзе” допрашивали сорокапятилетнего профессионального офицера, прошедшего до того две войны и не единожды смотревшего в глаза смерти.

Неужели и он совершил грех самоговора только потому, что не выдержал физической боли?

В это мне трудно поверить. Или, подписывая себе смертный приговор, он пытался тем самым спасти от истязаний арестованную вместе с ним жену?

Никто никогда уже не узнает об этом.

Но по счастливой случайности в деле №546836 сохранился документ, проливающий неожиданный свет на то, что чувствовал и о чем думал человек, уже не надеявшийся выйти из подвалов Лубянки.

В этом деле протоколы допросов, очных ставок и показания обвиняемых, написанные рукой следователя, громоздятся подобно зловещим скалам, поросшим ядовитым мхом. И вдруг среди них – несколько страничек, исписанных знакомым почерком.

Свидетельство того, что физические и нравственные пытки не сломили его волю.

Обращает на себя внимание маленькая, но немаловажная деталь. Показания обвиняемого, как правило, просматривались кем-то из начальства, в тексте подчеркивались отдельные фразы, на полях появлялись вопросительные или восклицательные знаки и реплики вроде: “Японцы!!”, “Троцкий”, “Так вот в чем дело!” и т. д. Есть кое-какие пометки и в начале документа, о котором идет речь. Но вскоре они обрываются. Заплечных дел мастера были не состоянии понять исповеди обреченного, который накануне казни думал о смысле жизни [199]:

... Каждое явление заключает в себе свое отрицание. Вследствие взаимодействия этих двух начал проявляется новый феномен, который таит в себе бинарность и может распаться снова на полярности. Полярности, приведенные в соприкосновение, не уничтожают друг друга, а дают новое явление.

Представим себе две медные проволоки, заряженные одна положительно, другая отрицательно. Каждая из них как будто безжизненна, но соединение их зарождает новое явление – электрический ток. С другой стороны, огонь, для того, чтобы проявиться, нуждается в среде, в которой он мог бы себя выявить. Вне среды он нереален. Только в среде он выявляется и дает свет.

Выявление в среде зависит от первопричины. С уничтожением первопричины, разумеется, исчезает и ее выявление. То есть, иными словами, всякий феномен проявляется в жизни путем тернера. Но сущность этого тернера едина и нераздельна. Отсюда ипостась христианской церкви, треугольник индусов (Брама, Кришна, Шива). Этот треугольник не действителен. Он порождает четвертый активный элемент.

Предположим, я смотрю на какой-то объект (картину), этот объект я переношу в сферу своего сознания, где он получает отражение, выявление эмоции, и эта эмоция порождает представление. Представление является уже активным, творческим моментом. Оно побуждает меня высказать свое мнение. Этот четвертый, творческий элемент (в данном случае – представление) отождествляется с “логосом” христианской догматики. Евреи эти четыре момента называют священным именем йод-хэ1-вау-хэ2. Таким образом получается фигура ромба – графическое изображение трансцендентально-го Аин-Софа и его Логоса. Хэ2 является творческим началом. Соединяя полярности йод-хэ2 и хэ1-вау, получим фигуру креста, мистически творящего жизнь. Крест, вписанный в круг, символизирует динамику жизни. А жизнь, одухотворенная божественным шином, составляет пентаграмму человеческой сущности.

Мир в обыденном человеческом представлении является трехмерным. Если же судить на основе закона аналогии – мир безмерен.

Представим себе, что мы опустили руку в воду. Как представится эта рука сущностям разных измерений? Для одномерного существа это будет линия. Для двумерного – овал и только для трехмерного эта рука будет иметь фигуру руки. Мы раздвинули пальцы руки. Непрерывная линия разбилась по неизвестной причине на несколько линий. Большой овал разбился на несколько мелких овалов. И только для трехмерного существа понятна будет истинная сущность произошедшего.

Следовательно, непостижимые, непонятные тайны природы и человека не являются каким-либо “чудом”, а лишь доказывают ограниченность знания и способности познания. С постепенным раскрытием сознания человека количество непостижимых тайн природы, ее “чудес” уменьшается. Но физические методы восприятия космоса непригодны. Космос познается гипер-физически.

С другой стороны, наблюдая жизнь, мы знаем, что точка есть пересечение двух прямых, линия – пересечение двух плоскостей, плоскость – пересечение двух фигур. А фигура, по закону аналогии, – пересечение какого-то комплекса фигур. Но что дальше? Дальше ум человеческий ничего представить, в силу своей ограниченности, не может и заявляет, что мир трехмерен. Но в действительности мир безмерен и бесконечен, и человек – одна из стадий духовных сущностей. Бытие этой сущности не ограничивается ее физической структурой, временной и конечной, как конечна сама физическая жизнь, являющаяся одной из форм, этапов существования духовной сущности.

Наша официальная наука говорит нам о конечности всего сущего, о смертности человека, о мире трех измерений, в котором живет этот человек. Научный метод исследования ограничивается чувственным восприятием и мыслительным синтезом. Все, что выходит из рамок чувственного восприятия, отбрасывается нами, как ненаучное.

Но есть вопросы, способные возбудить пылливость ума человека. Что такое рентген, радиоактивность? Специфическое свойство тел?

Но может быть, и человек обладает специфическими свойствами, к обнаружению которых мы не знаем, как подойти, и в мучительных попытках разрешить эту проблему, обращаемся к гипер-физису.

Мир бесконечен. Мы знаем только свое солнечное кольцо, а что за ним – официальная наука не дает ответа.

Человеческая сущность (монада по Лейбницу) извечна и бесконечна. Жизнь и смерть только трансформации на пути развития человеческой монады.

Воля человека свободна. Он может идти по пути эволюции и инволюции. Графически это выражается двумя треугольниками, обращенными вершинами в противоположные стороны.

Человек волен выбрать свой путь следования в жизни, но он должен помнить, что тенью за ним стоит его карма. Он волен отягчить или облегчить свою карму. Карма есть следствие известной причинности. Карма – закон возмездия. Человек должен изжить не только свою собственную карму, но также карму рода, нации, государства. Совершеннейшей монадой является Христос, взявший на себя карму рода человеческого. Убийство и самоубийство неприемлемы, так как они отягчают мою карму и снижают степень моего подъема на пути совершенствования. Доктрину навязать нельзя, никакие убеждения не годятся. Надо, чтобы человек внутренне осознал ее, так чтобы она отражалась в его мировоззрении.

Рано или поздно, но человек осознает, что в жизни ничто не проходит для него бесследно. Закон причинности и следствия так же немолчим и в сфере нематериальных категорий. Он действует также и в области морали с той же беспощадностью. Постигаемый нашими чувствами в области материальной и вследствие этого становящийся для нас очевидным, закон этот ускользает от наблюдений наших в сфере нематериальной. Но то, что мне неизвестно, то, что недоступно моему чувственному восприятию, еще не значит, что оно не существует. Законы природы едины, но эффективность приложения этих законов воспринимается нами различно в зависимости от среды.

Они то выступают со всей очевидностью, под нашим чувственным контролем, то становятся неуловимой для этого контроля, неуловимой для познания и постигаемой не чувственно, а интуитивно.

Таким образом, мы признаем, что закон причинности и следствия (которое в свою очередь становится также причинностью и т. д.) приложим и вне сферы материальных отношений – в области морали. Отсюда проблема добра и зла. Причиняя зло человеку, я должен быть уверен, что это зло рано или поздно “обратным ударом” падет на мою голову.

В трактовке своих отношений к проблеме добра и зла передо мной открывается выбор пути. Передо мной нет никаких преград.

Но от выбора пути зависит характер моего дальнейшего развития – будет ли оно эволютивным (“путь белого конуса”) или инволютивным (“путь черного конуса”).

От выбора пути зависит и нагрузка моей кармы, которая может затормозить дальнейшее духовное развитие, переключить его на “черный конус”, а это значит духовная смерть, распад. Все достижения духа рушатся, человек отбрасывается назад от своего идеала. Реинтеграция мучительна, сложна и способна отравить весь остаток физической жизни.

Что такое “становление духа”? Это есть буддийская Нирванна, так неправильно понимаемая современным человечеством. Нирванна – это не отупение, не потеря сознательности, не протрация человеческого духа. Нирванна, наоборот, высшая интенсивность, активней-

шее проявление духа. Достичь Нирванны – это значит достичь такой степени духовного совершенства, когда человек настолько глубоко уходит в себя, что все внешнее, все находящееся за пределами его физического “я” как бы перестает существовать. Достичь Нирванны – значит окружить себя панацеей флюидов, через которые ни одно из внешних раздражений не должно проникнуть и нарушить созерцательное спокойствие духа индивида.

“Становление духа” во внешней жизни проявляется в спокойствии духа при всякой жизненной обстановке, во внутренней крепнет религиозная связь между физическим существованием индивида и верховными принципами монады.

Жизнь как физическое существование с ее страданием, горестями и болью – тяжелый крест.

Потому освобождение от пут жизни желанно, это освобождает мой вечный, чистый дух, уничтожает тяжелую борьбу с чувственной природой человека, открывает дальнейшие перспективы для совершенствования и познания тайн бытия.

Жизнь и смерть – каждое из этих понятий таит в себе полярность, свое отрицание, как в самой жизни таится смерть, к которой неизменно приближается всякая жизнь, так и в смерти таится новая жизнь, непознаваемая в моем настоящем существовании.

Жизнь в смерти подобна тому, как при взгляде на цветок плодового дерева я не вижу плода, но знаю, что этот цветок потенциально содержит плод, который в определенное время себя обнаружит.

Я стою перед стеной, скрывающей от меня горизонт. Умереть – значит перейти за эту стену и разрешить одну из загадок бытия. Умереть – уснуть и пробудиться в новой обстановке, подвести итоги своего земного существования и ждать нового воплощения.

Путь “Дао” бесконечен и целесообразен, и ничто человеческое не в силах пресечь его. В вопросе о жизни и смерти скрыт тот же закон причинности и следствия, становящегося в свою очередь причиной, который непреоборим и извечен...

“Человек должен изжить не только свою собственную карму, но также карму рода, нации, государства”

(М.Г. Попов).

Возвращение в строй

Вердикт истории

Еще 14 февраля 1930 года, то есть ровно за полгода до вынесения приговора, был издан Приказ РВС СССР №13, в котором говорилось, что “Попов Михаил Георгиевич, преподаватель Восточного факультета Военной Академии РККА, уволен в долгосрочный отпуск”.

В середине августа моя бабушка принесла передачу сыну, но ей сказали, что он переведен в другую тюрьму, и потому приходить к нему больше не надо. Заплечных дел мастера все больше увлекались новым хобби: изобретали одно за другим словечки для обогащения своего жаргона: “уволен в длительный отпуск”, “переведен в другую тюрьму”... Правда, такие эвфемизмы как “десять лет без права переписки”, войдут в обиход скуратовых позднее.

Через несколько лет после того, как вдова Михаила Георгиевича была осуждена по тому же делу, она неожиданно встретилась в лагере с молодым человеком, который часто бывал у них в гостях на Сивцевом Вражке. В порыве откровенности, по-видимому испытывая потребность исповедаться в грехах, он признался ей, что это он виноват во всем случившемся. Вовсе не был он из аристократической семьи; совсем наоборот – бывшие выпускницы Института благородных девиц с их изысканными манерами и культурной речью вызывали у него прямо-таки органическую ненависть. Не в силах совладать со своим озлоблением, он однажды написал письмо, которое отправил заказным на Лубянку.

Сам доносчик для видимости был привлечен по тому же делу, что и “сданные” им обитатели квартиры, где он ел, пил и, прият-

но улыбаясь, поддакивал хозяйке. Чтобы отвести от него возможные подозрения, его фамилия была в последний момент подписана от руки к списку “организаторов и руководителей”, приговоренных к высшей мере. Вынесенный ему приговор не был приведен в исполнение, но он тем не менее попал в лагерь. Увидев тетю Ньюру в арестантской робе с распухшими от кирки руками, он, по его словам, раскаялся в содеянном. Но изменить ничего уже было нельзя.

Снова и снова задумываюсь я над вопросом: в чем же все-таки был смысл всей этой масштабной операции? В общей сложности по делу о “Русском национальном союзе” было осуждено более 50 человек – главным образом представители гражданских профессий плюс несколько военных (к ним задним числом пристегнули даже покойного генерала Брусилова!). Но ведь конечной целью ОГПУ было вовсе не физическое устранение нескольких десятков русских интеллигентов. Идея заключалась в конструировании контрреволюционной антисоветской организации, которую в конце концов надо было разоблачить. Но дело №546836 так и не было доведено до показательного процесса и не получило резонанса в прессе. Трудящиеся так ничего не узнали о новых происках врагов. Почему провокация не была доведена до логического конца?

Слишком грубо было сработано? Может быть. В деле нет ни единого твердо установленного факта, ни одного вещественного доказательства. Где прятали злоумышленники взрывчатку, которую они намеревались подложить под Большой Театр? С какого самолета и какими бомбами планировали они взрывать московский Кремль? Даже якобы изъятые при аресте контрреволюционные материалы впоследствии куда-то бесследно исчезли и ни разу по ходу следствия больше не упоминались.

Однако на обвинительном заключении стоит надпись “Утверждаю”, сделанная рукой председателя ОГПУ Менжинского.

Говорят, еще в апреле 1929 года у него случился инфаркт, который якобы вывел его из строя на два года. Может быть, это объясняет появление производственного брака в его ведомстве?

Жизнь М.Г. Попова оборвалась от выстрела в упор, когда ему было чуть больше сорока пяти. Он мог погибнуть, когда ему исполнилось двадцать, от разорвавшейся у его ног японской мины. Он мог умереть от ран, полученных на германском фронте. Его, наконец, могли в суматохе прикончить восставшие чехословаки.

Но он был убит русскими, “своими”, в кого он поверил и кому служил честно и самоотверженно.

Если бы молодой человек, имя которого я не считаю нужным сейчас называть (Бог ему судья!), не настрочил осенью 1929 года свой донос, жертвой раскрытия очередного заговора пал бы не Михаил Георгиевич, а кто-то другой. Но и в этом случае он вряд ли пережил бы 1937-й, когда были сначала истерзаны, а затем убиты те, с кем ему пришлось работать рука об руку – Карахан, Краснощеков, Янсон, Виленский и многие-многие другие, всех и не перечислишь.

Каждый из них внес свой собственный, больший или меньший, вклад в историю, сделав ее такой, какова она есть, хотя могла и не быть такою.

На долю полковника Попова выпало стать пропавшим без вести, “уволненным в долгосрочный отпуск”, вычеркнутым из списка живых, но не числившимся и среди погибших. Это было, пожалуй, самым страшным, что могло быть уготовано человеку. Вдова Николая Бухарина вспоминала, как однажды в лагере ее подруга по несчастью сказала ей: “Тебе еще хорошо: твой Бухарин будет оправдан историей, а вот о моем муже никто никогда ничего не узнает!” [200]

Имя М.Г. Попова было вычеркнуто из истории советского китаеведения (ни в одном справочнике, изданном после 1930 года, вы не найдете ни слова о его научной и преподавательской деятельности). Вопреки исторической правде заслуга создания первого в Москве отделения китайского языка была приписана его младшему коллеге, профессору В.С. Колоколову.

Исчезло оно и со страниц истории советской внешней политики. В самом деле, неловко как-то: кого же это мудрый стратег Ленин послал в качестве своего первого эмиссара к вождю китайской революции? Врага народа – из “бывших”, японского шпиона?

Примеров подобной амнезии мы знаем более чем достаточно: был человек и вдруг исчез, и имя его забыли, казалось бы, навсегда.

Но помните, что говорил Попов на допросе: “Карма – закон возмездия!” Сгинули в небытие палачи, сами став жертвами. А имена невинно убиенных одно за другим возвращаются на страницы истории, которую они творили своими руками.

До сих пор никто не может сказать наверняка, в каком углу Ваганьковского кладбища была вырыта яма, куда три четверти века тому назад под покровом ночи тайком бросили его останки.

Но весной 1989 года я наконец получил письмо, в котором говорилось: “Ваше заявление в Комиссию Политбюро ЦК КПСС о реабилитации Попова Михаила Георгиевича поступило в Главную Военную Прокуратуру, где рассмотрено и удовлетворено...”

Полковник Попов вернулся в строй.

Совокупность людских произволов

Сам М.Г. Попов был убежден в том, что любые действия отдельно взятой личности представляют собой частные проявления трансцендентного исторического закона причин и следствий. В конце своей жизни он пришел, в сущности, к тому же выводу, что в свое время проповедовал Лев Толстой:

Движение человечества, вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно... Всякий вывод истории, без малейшего усилия со стороны критики, распадается, как прах, ничего не оставляя за собой, только вследствие того, что критика избирает за предмет наблюдения большую или меньшую прерывную единицу, на что она всегда имеет право, так как взятая историческая единица всегда произвольна.

Только допустив бесконечно малую единицу для наблюдения – дифференциал истории, то есть однородные влечения людей, и достигнув искусство интегрировать (брать суммы этих бесконечно-малых), мы можем надеяться на постигновение законов истории. [201]

Но я думаю, что своей жизнью М.Г. Попов доказал иное: усилия людей способны оказывать воздействие на ход истории.

Одним из главных событий всей его жизни стало то, что сейчас воспринимается как малозаметный эпизод, незначительный штрих на полотне исторического процесса, – встреча с Сунь Ятсеном в особняке на улице Мольера.

Разумеется, не одно только его мнение о Сунь Ятсене решило тогда судьбу “Северо-Западного плана”.

Я уже говорил о том, что многим, от кого в Москве зависело принятие государственных решений, “Северо-Западный план” мог в 1919 году показаться (и наверняка в действительности показался) не менее заманчивым и многообещающим, чем намерение использовать Кучек-хана для свержения власти персидского шаха.

Могут возразить, что Китай – это все-таки не Иран: от Красноводска до Энзели рукой подать, а из Семиречья до Сычуани, а тем более до Пекина – шагать да шагать.

Это соображение не лишено оснований, но вспомним, как Троцкий утверждал, что до Индии путь короче, чем до Венгрии и всерьез рассчитывал добраться до Лондона через Бомбей.

Впрочем, вскоре после этого наступило отрезвление. Председатель Реввоенсовета в апреле 1920 года вдруг выступил против гилянкой военной авантюры в Иране:

Все данные о состоянии Хивы, Персии, Бухары, Афганистана свидетельствуют о том, что советский переворот в этих странах в данный момент причинил бы нам величайшие затруднения...

До упрочения положения на Западе и улучшения нашего промышленного и транспортного состояния советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе. [202]

Несомненно, что весной 1920-го привлекательность “Северо-Западного плана” Сунь Ятсена также уже явно поблекла. Годом раньше авантюра еще могла состояться.

Было еще второе и очень важное обстоятельство, оказавшее, быть может, решающее влияние на решение Советского правительства отказаться от заманчивого предложения рука об руку с Сунь Ятсеном войти с боями в реакционный Пекин.

Военная интервенция в Китае наверняка дала бы Японии долгожданный повод для вмешательства. Ленин был совершенно прав, вовремя испугавшись реальной опасности, исходившей от восточного соседа Китая.

Не решившись продолжать в конце 1919 года свое победное шествие по Сибири, а затем бросив на произвол судьбы Владивосток, который Ильич до 1921 года не называл еще “городом нашенским”, большевики проявили способность мыслить реальными категориями.

Но наряду с этими факторами, относящимися к категории объективных, не следует забывать и о том не очень громком, но своевременно услышанном голосе рядового военного специалиста, предостерегшего большевистских руководителей от китайской военной авантюры.

Он не был единственным, но оказался первым

В наши дни, когда опубликовано уже немало исторических свидетельств, ранее многими десятилетиями пылившихся на полках секретных архивов, мы можем более объективно оценить и нелицеприятную характеристику Сунь Ятсена, данную ему пол-

ковником Поповым. А она, в свою очередь, заставляет нас задуматься над некоторыми иными историческими проблемами.

Речь идет, например, о “мятеже Чэнь Цзюньмина”.

В оценке последнего до недавнего времени удивительным образом совпадали мнения ученых, исповедовавших самые различные политические догматы. Историки в СССР, КНР и на Тайване могли до хрипоты спорить о чем угодно, но все они единодушно сходились в том, что в лице Чэнь Цзюньмина перед нами предстает типичный антигерой со всем набором его характерных качеств: милитарист, до поры до времени рядившийся в тогу демократа, но обнаруживший свой звериный оскал и предавший дело революции в самый решительный момент накануне выступления в поход против пекинских реакционеров.

Мы забыли слова Виленского о том, что “генерал Чэнь – не милитарист по карьере”, что “по политическому стажу, преданности революционной идее и организаторскому дарованию Чэня можно ставить с доктором Сянь Ятсеном” и что “личные враги доктора Суня, не приемлющие его “диктаторских” наклонностей, ставят государственный разум Чэня выше”. [203]

Мы забыли (или не знали?) о том, что для уничтожения ослушника Сунь Ятсен приказал произвести с военных кораблей не менее ста артиллерийских залпов по жилым кварталам Кантона; с чисто военной точки зрения эта акция была совершенно бессмысленна, но кто подсчитал число жертв, принесенных в тот день на алтарь неумного президентского честолюбия?

Мы до сих пор не дали себе труда непредвзято и детально разобраться в сути разногласий между этими двумя деятелями накануне их окончательного разрыва, поражающих нас своей парадоксальностью: “милитарист” Чэнь Цзюньмин видит будущее Китая в создании федерации автономных провинций и сам показывает пример другим, превращая Гуандун в “образцовую провинцию”; демократ Сунь Ятсен отвергает все иные пути к достижению цели, кроме военного похода на Пекин.

Но то, что явилось итогом переговоров между Сунь Ятсеном и полковником Поповым, заставляет нас вернуться назад и допустить иную диспозицию фигур на шахматной доске, нежели та, которая была сформирована привычной мифологемой. Сейчас, после публикации ранее неизвестных документов, имеющих отношение к биографии Чэнь Цзюньмина, мы располагаем такой возможностью.

“Сунь Ятсен – старомодный милитарист, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного”.

(М.Г. Попов)

В начале 20-х немало советских деятелей, взгляды которых на окружающий мир были отнюдь не во всем идентичными, имели возможность достаточно близко познакомиться с Сунь Ятсеном и его планами объединения Китая.

Никто из них, по всей видимости, не знал, что именно было сказано о лидере Гоминьдана в начале 1920 года. Тем не менее их собственные суждения на этот счет были зачастую близки к оценке, данной М.Г. Поповым.

Приведу лишь некоторые из них.

Г. Снефлит, 24 декабря 1921 г.:

Моим самым сильным впечатлением от этой встречи было то, что Сунь Ятсен по-прежнему настаивал на своей прежней позиции: рассчитывать можно только на военную силу. [204]

А. А. Иоффе, 17 октября 1922 г.:

Основная позиция Суня: революцию в Китае можно сделать только военной силой. [205]

Он же, 7 ноября 1922 г.:

Я в бытность здесь Чжан Цзи, ближайшего сотрудника Сунь Ятсена, много беседовал с ним о тактике Суня, указывал ее недостатки, главным образом... исключительную подготовку военной революции. [206]

Он же, 13 января 1923 г.:

Сам Сунь Ятсен понял и, очевидно, признал то, в чем я столько времени старался убедить его, то есть – необходимость более активной панкитайской политики и невозможность совершения в Китае переворота, т.е. национального освобождения и национального объединения Китая исключительно военными средствами. [207]

Г. Н. Войтинский, 8 марта 1923 г.:

До сих пор партия Гоминьдан не сделалась еще национальной политической партией, а продолжает действовать, как одна из милитаристских групп...

Лидеры Гоминьдана продолжают надеяться, главным образом, на военные успехи...

Может ли наша партия безоговорочно поддерживать суньятсеновский союз? Я утверждаю, что нет. [208]

Он же, 24 марта 1923 г.:

До сих пор еще, к сожалению, не видно, чтобы Гоминьдан и Сунь Ятсен пытались создать политическое движение в стране и осмыслить таким образом в глазах широких масс свои военные действия.

А без такого политического движения суньятсеновские военные экспедиции будут вызывать подозрение у большинства городского и сельского населения. [209]

Он же, 23 мая 1923 г.:

Мы всячески должны бороться внутри Гоминьдана против военных комбинаций Сунь Ятсена. [210]

Г. Сафаров и С. Брике, 4 апреля 1923 г.:

До сплочения вокруг себя авторитетных групп национальной буржуазии (то есть до приобретения реальной базы) Гоминьдан не должен связываться в военные комбинации. [211]

Р. Шиллер и С. Далин, 31 мая 1923 г.:

Крестьянство оказалось совершенно не втянутым в национальную революцию, рабочий вопрос правительством фактически разрешен не был, одним словом, Гоминьдан оказался без социальной базы и вынужден был пойти по бесплодному пути только милитаристских комбинаций. [212]

С. И. Слепак, 25 ноября 1923 г.:

До сих пор Сунь увлекается военными авантюрами... Для многих Гоминьдан не отличается от других милитаристских клик в Китае или в лучших случаях мало от них отличается. [213]

Л. Д. Троцкий, 27 ноября 1923 г.:

Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он кажется таким же милитаристом, как и милитаристы Севера Чжан Цзолинь и У Пэйфу...

Партия Гоминьдан должна немедленно решительно и резко изменить руль своей политики. В настоящее время она должна все свое внимание сосредоточить на политической работе, доведя до необходимого минимума военную часть деятельности... Только тогда, когда Сунь Ятсен оставит в стороне военные действия, он сможет действительно завоевать симпатии широких масс населения. [214]

Полковник Попов был первым, но не единственным, кто увидел в Сунь Ятсене с его приверженностью к военным авантюрам “старомодного китайского милитариста”. Но когда настало время и нам пришла охота мифологизировать образ Сунь Ятсена, мы забыли (или сделали вид, что забыли) оценки, которые давали лидеру Гоминьдана его еще незаиклившись современники.

Небольшой эпизод раннего этапа советско-китайских отношений, о котором рассказано в этой книге, напоминает нам о необходимости воспринимать историю такой, какой она была на самом деле.

И сегодня, когда мы уже не обожествляем героев и пытаемся смотреть на прошлое без гнева и пристрастия, нет необходимости делать вид, что этого эпизода вообще не было.

Информация не для печати (Предисловие)	5
Еще раз о роли личности в истории (Несколько предварительных замечаний)	9
Часть первая	23
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ	23
Глава 1	25
Огнепоклонники	25
Утро и вечер открытой дипломатии	25
Буржуазия, которая не успела загнить	33
Китайский Геркулес	36
Глава 2	42
Вождь, не устававший ошибаться	42
Имейте в виду: Чжан Цзолинь – китаец	42
Заграница нам поможет	52
Северо-Западный план	54
Глава 3	61
От тайги до британских морей	61
Армия – отвергнутая и созданная вновь	61
.....	61
Маленькая военная база в Туркестане	65
Персидский вариант в китайском исполнении?	69
Часть вторая	73
13-Й ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ	73
Глава 4	75
Фотографии из семейного альбома	75
Почему люди становятся китаистами	75
Смутные воспоминания детства	77
На сопках Маньчжурии	81
Глава 5	85
От японской до первой мировой	85
В Стране Восходящего Солнца	85
Гранит востоковедной науки	87
Нежное весеннее облачко	90

Глава 6	97
России верные сыны	97
Письмо с фронта	97
Любящему правду, благочестие, верность	98
Высочайшее благоволение	103
Часть третья	107
НОВОБРАНЕЦ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ФРОНТА	107
Глава 7	109
У кормила внешней политики	109
Два таких разных наркома	109
Их непохожие друг на друга заместители	113
В Восточном отделе	120
Глава 8	123
Первые контакты с Китаем	123
Переговоры в Петрограде	123
Дипломатическая блокада	126
С Севера на Юг	130
Глава 9	133
Консулом в Шанхай	133
Полная смена караула	133
До Владивостока, далее морем	136
Впервые за решеткой	138
Часть четвертая	139
СОГЛАСНО МАНДАТУ	139
Глава 10	141
В поисках инициалов	141
In fatis est, что значит “на роду написано”	141
В особняке на улице Мольера	145
Загадка фигуры умолчания	151
Глава 11	154
Два изображения сливаются в одно	154
Донесения Джорджа Сокольского	154
Их человек в Шанхае	161
Постановили: шпионам не верить	163
Глава 12	166
Без гнева и пристрастия	166
О некоторых источниковедческих проблемах	166
Г-н Тан Шао и м-р Тобинсон	171
Полковник Попов и его двойники	175
Часть пятая	181

НЕ ПУШКОЙ ЕДИНОЙ	181
Глава 13	183
Буферная политика республики	183
Что такое кансё:коку	183
За и против	190
Нужен ли нам розовый переворот?	192
Глава 14	197
Лицом к лицу	197
Из огня да в полымя	197
Нокдаун – еще не поражение	201
Найди в себе силы подняться в контратаку	205
Глава 15	208
В Москву, в Москву!	208
Знакомьтесь: товарищ Виленский	208
Соратники-соперники	214
Последняя дипломатическая должность	221
Часть шестая	225
ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ	225
Глава 16	227
Профессия – преподаватель	227
Снова в военной форме	227
Илья Михайлович сердится	228
Маньчжурия – узел противоречий	232
Глава 17	237
Уволен в долгосрочный отпуск	237
Обнаженный меч революции	237
Русский Национальный Союз?	240
Белый конус бытия	245
Глава 18	251
Возвращение в строй	251
Вердикт истории	251
Совокупность людских произволов	254
Он не был единственным, но оказался первым	255

Источники и литература

Архивные материалы

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

ВЦБД – ????? (Архив Министерства иностранных дел), Тайбэй

РГВА – Российский Государственный Военный Архив, Москва

ГВИА – Государственный Военно-исторический Архив, Москва

ЛАФ – Личный архив Н. М. Фроловой, Нижний Новгород

РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Москва

ЦАФСБ – Центральный Архив Федеральной службы безопасности, Москва

ЧГДВ – ?????????? (Комитет по изучению истории ГМД, Тайбэй)

ГЫВЫ – Гтшеув Ыефеуы Вузфкеюте ша Ыефеу Вусшьфд Ашдуб Цфырштпещт

ГЫЬШК – Гтшеув Ыефеуы Ышдшефкн Штеуддшпутсу Кузщкеыб Цфырштпещт

Публикации документов

ВКП(б) 1996 – ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1. 1920-1925. М.

Гаймусё 1992 – ????? (Официальные документы Министерства иностранных дел). Т. 1. Токио.

Го фу 1980 – ??? (Полное собрание сочинений Отца Государства). Тайбэй.

Документы 1957 – Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.

Интернационал 1933 – 1-й Конгресс Коммунистического Интернационала. М.

Ленин 1978 – В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.

Малинь 1989 – ????????? (Маринг и первый союз Гоминьдана и КПК), Пекин.

Меморандум 1990 – Меморандум Льва Троцкого 5.МШШШю1919 г. // Родина, №10.

Нихон 1972 – ????????? (Документы японской дипломатии).

1920). Токио.

Отношения 1959 – Советско-китайские отношения. 1917-1957. М.

Политика 1996 – Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск.

Съезд 1962 – Седьмой экстренный съезд РКП(б). М.

Сунь 1985 – ????? (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Шанхай.

Чжун э гуаньси 1960 – ????????????????? (Материалы о китайско-российских отношениях. Переворот в России и повседневные контакты. 1917-1919). Тайбэй.

Чжун э гуаньси 1968 – ????????????? (Материалы о китайско-российских отношениях. Переворот в России. 1920). Тайбэй.

Цитированная литература

Агалаков 1978 – В.Т. Агалаков. Советы Сибири (1917-1918). М.

Вяткин 1966 – Р.В. Вяткин. Сунь Ятсен в воспоминаниях и письмах // Народы Азии и Африки, №6

Горький 1955 – М. Горький. Собрание сочинений. Т. 29. М.

Григорцевич 1957 – С. Григорцевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918-1922 гг.). М.

Далин 1982 – С. А. Далин. Китайские мемуары (1921-1927).

Иоффе 1997 – Н. Иоффе. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. М.

Казанин 1962 – М.И. Казанин. Записки секретаря миссии. М.

Казанин 1970 – М. Казанин. Миссия генерала Чжан Сылиня в Москву (июнь-ноябрь 1920 г.) // Народы Азии и Африки, №3.

Капица М.С. Капица. Советско-китайские отношения. М.

Краснощекова 1957 – Г.Б. Краснощекова. Бесси Битти у Ильича // Иностранная литература, № 11.

Ларина 1988 – А. М. Ларина. Незабываемое // Знамя, №10.

Линь 1997 – Линь Цзюнь. Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам Архива МИД России // Новая и новейшая история, №3.

Лю 1960 – Лю Цзэжун (Лау Сиу-Джау). Встречи с великим Ле-

ниным // Вопросы истории КПСС, № 2.

Матвеев-Бодрый 1957 – Н.Н. Матвеев-Бодрый. Две встречи с Сунь Ятсеном // Дальний Восток, № 3.

Никифоров 1974 – П.М. Никифоров. Записки премьера ДВР. М.

Новиков-Прибой 1955 – Новиков-Прибой. Цусима. М.

Новогрудский, Дунаевский 1962 – Г. Новогрудский, А. Дунаевский. По следам Пау. История одного поиска. М.

ОэКоннор 1991 – Т. ОэКоннор. Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918-1930. М.

Пайпс 1994 – Р. Пайпс. Русская революция. М.

Парфенов 1928 – П.С. Парфенов. Гражданская война в Сибири. 1918-1920. М.

Персиц 1962 – М.А. Персиц. Дальневосточная республика и Китай. М.

Персиц 1970 – М.А. Персиц. В.И. Ленин о левосектантских ошибках первых коммунистов Востока // Народы Азии и Африки, № 2.

Персиц 1974 – М.А. Персиц. Идеиная борьба по проблемам соотношения коммунистического и освободительного движения на Востоке в период ШШ конгресса Коминтерна // Народы Азии и Африки, № 5.

Персиц 1996 – М.А. Персиц. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920-1921. М.

Рахматуллин 1994 – М.А. Рахматуллин. Дело по обвинению академика С.Ф. Пла-тонова // Отечественная история, № 6.

Романовский, Шварц 1910 – Ю. Романовский и А. фон Шварц. Оборона Порт-Артура. СПб.

Рутыч 1991 – Н.Н. Рутыч. Военная интеллигенция в творчестве Солженицина // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.

Рябиков 1955 – В.В. Рябиков. Н.Н. Яковлев – председатель Центросибири. Новосибирск.

Саввин 1930 – В.П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.-Л.

Селецкий 1910 – Г. Селецкий. 646 дней в плену у японцев. СПб.

Снесарев 1986 – А.Е. Снесарев. Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки, № 7.

Соколов 1974 – В.В. Соколов. На боевых постах дипломатического фронта. М.